

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2024 Том 24 № 2

В номере: Разворот России на Восток

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

К.П. Курьлев,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Заместитель главного редактора

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

Ответственный секретарь

М.М. Агазаде,

кандидат исторических наук,
старший преподаватель, РУДН, г. Москва, РФ
agazade-mm@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

кандидат исторических наук **М.М. Агазаде**, РУДН, г. Москва, РФ; кандидат исторических наук **М.А. Никулин**, РУДН, г. Москва, РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США
Беллами Алекс Джс., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навиита Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, директор, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаши, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабига Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2025 г. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 1 2025	Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности в условиях формирования многополярного мира	До 1 июля 2024 г.	До 15 ноября 2024 г.
№ 2 2025	Трудный путь от биполярности к многополярному мироустройству: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне	До 1 ноября 2024 г.	До 15 января 2025 г.
№ 3 2025	Отмечая 70-летие Бандунгской конференции: эволюция роли стран Азии и Африки в мировой политике	До 1 января 2025 г.	До 15 апреля 2025 г.
№ 4 2025	Гуманитарные аспекты современных международных отношений	До 1 марта 2025 г.	До 15 июня 2025 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова
Редакторы англоязычных текстов **А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова**
Компьютерная верстка **Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 19.06.2024. Выход в свет 28.06.2024. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 17,21. Тираж 500 экз. Заказ № 609. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2024

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2024 VOLUME 24 No. 2

In this issue: **Russia's Pivot to the East**

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russia
agazade-mm@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

PhD in History **Mirmehdi M. Aghazada**, RUDN University, Moscow, Russia; PhD in History **Maxim A. Nikulin**, RUDN University, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN. International Relations for 2025 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
No. 1 2025	Traditional and Non-Traditional Security Threats in the Context of the Formation of a Multipolar World	By July 1, 2024	By November 15, 2024
No. 2 2025	The Difficult Path from Bipolarity to a Multipolar World Order: To the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War	By November 1, 2024	By January 15, 2025
No. 3 2025	Celebrating the 70th Anniversary of the Bandung Conference: The Evolving Role of Asian and African Countries in World Politics	By January 1, 2025	By April 15, 2025
No. 4 2025	Humanitarian Aspects of Modern International Relations	By March 1, 2025	By June 15, 2025

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor *I.L. Pankratova*

English text editors *A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova*
Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Разворот России на Восток

- Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И., Данилов В.А.** Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии 181
- Филькевич И.А., Мамедов З.Ф., Губадова А.А., Мамедова С.К.** Приоритеты экономического сотрудничества России и Азербайджана в условиях глобальной турбулентности 192
- Сур Л.** Алжирско-российские отношения: стратегическое партнерство в эпоху геополитики 204
- Ранджбар Д., Муқан С.М., Ниязгулова А.А.** Газопровод «Центральная Азия — Центр»: вызовы и возможности современных энергетических отношений России и стран Центральной Азии 216

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Склярв С.А.** Проблемы во взаимодействии между дипмиссиями УССР и РСФСР в Варшаве в процессе создания СССР 227

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Мукситх М.А., Пратомо Р.Р., Музыкант В.Л.** Индонезийская повестка дня: фейковые новости о специальной военной операции РФ в социальных сетях Индонезии 239
- Рауф С.** Трансграничное взаимодействие Афганистана и Шанхайской организации сотрудничества после вывода войск США из Афганистана 252

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

- Поршнева О.С., Разинков С.Л.** Институциональное становление и эволюция деятельности ШОС: опыт ретроспективного анализа 264

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Ли Х., Дегтерева Е.А., Черников С.Ю.** Влияние прямых южнокорейских инвестиций на Дальнем Востоке России на улучшение двусторонней экспортно-импортной деятельности 280

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Пономаренко Л.В., Лукьянова Г.О.** Ректор В.Ф. Станис: по пути преемственности и совершенствования Университета дружбы народов 297
- Жилина Л.В.** Выявление изменений в постконфликтных сценариях и путях реабилитации: восприятие японскими студентами России и источников информации о ней в 2021–2022 гг. 306

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: Russia's Pivot to the East

- Mosyakov D.V., Shpakovskaya M.A., Ponka T.I., Danilov V.A.** Pivot to the East as a Factor in Strengthening Russian Influence in Asia 181
- Filkevich I.A., Mamedov Z.F., Gubadova A.A., Mamedova S.K.** Priorities of Economic Cooperation Between Russia and Azerbaijan in the Conditions of the Global Turbulence 192
- Sour L.** Algeria — Russia Relations: Strategic Partnership in the Age of Geopolitics 204
- Ranjbar D., Mukan S.M., Niyazgulova A.A.** Central Asia — Center Gas Pipeline System: Challenges and Opportunities for Modern Russia — Central Asia Energy Relations 216

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

- Sklyarov S.A.** Problems of Interaction Between the Diplomatic Missions of the Ukrainian SSR and the RSFSR in Warsaw in the Process of Creating the USSR 227

INTERNATIONAL SECURITY

- Muqsih M.A., Pratomo R.R., Muzykant V.L.** Indonesian Agenda: Fake News About Russia's Special Military Operation on Social Media in Indonesia 239
- Rauf S.** Transboundary Interactions Between Afghanistan and the Shanghai Cooperation Organization After the US Withdrawal from Afghanistan 252

APPLIED ANALYSIS

- Porshneva O.S., Razinkov S.L.** Institutional Formation and Development of SCO Activities: Experience of Retrospective Analysis 264

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Lee H.-S., Degtereva E.A., Chernikov S.U.** The Impact of South Korean Direct Investments in the Russian Far East on the Improvement of Their Bilateral Export-Import Activities 280

INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

- Ponomarenko L.V., Lukyanova G.O.** Rector V.F. Stanis: On the Path of Continuity and Improvement of the Peoples' Friendship University..... 297
- Zhilina L.V.** Identifying Altitudinal Change in Post-Conflict Scenarios and Pathways to Rehabilitation: Case Study of Japanese Students' Perceptions of Russia and Their Sources of Information in 2021–2022 306

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Разворот России на Восток

THEMATIC DOSSIER: Russia's Pivot to the East

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-181-191

EDN: VKTZMO

Научная статья / Research article

Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии

Д.В. Мосяков¹, М.А. Шпаковская², Т.И. Понька², В.А. Данилов²¹Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерацияmosyakov.d@gmail.com

Аннотация. Объект исследования — восточный вектор современной внешней политики России, предмет исследования — ее основные направления, механизмы и инструменты. Авторы опираются на теорию неореализма, которая позволяет объяснить внешнюю политику государств стремлением обеспечить свои национальные интересы. Используются принципы историзма, научной объективности и достоверности, что позволило изучить предпосылки российской политики разворота на Восток, установить причинно-следственные связи и выявить закономерности развития международных отношений России со странами Востока. Были применены системный подход, а также ряд общенаучных (анализ, синтез) и специально-исторических методов исследования: сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. Выявлена роль главы МИД России Е.М. Примакова в возвращении России на Восток. Подчеркивается, что Е.М. Примаков не был сторонником разрыва отношений с европейскими странами и США, но стремился найти контрбаланс прозападному курсу внешней политики 1990-х гг. и наращивать отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Отмечены сложности, с которыми Россия сталкивается при реализации восточной политики, среди которых географическая удаленность от большинства стран АТР, холодный климат, малочисленность населения Дальнего Востока, неразвитость дальневосточной инфраструктуры, социокультурные различия России и стран АТР. Однако курс на укрепление российских позиций в АТР становится ключевым внешнеполитическим направлением, жизненно важным фактором в сохранении и укреплении России в статусе развитой индустриальной страны. Проанализированы мероприятия, реализованные руководством страны для включения российской экономики в интеграционные процессы в АТР, рассмотрена динамика торговых отношений России с основными партнерами в данном регионе. В заключение делается вывод, что политика поворота на Восток состоялась, так как очевидны ее успехи.

Ключевые слова: США, Запад, Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика, КНДР, санкции против России, Азиатско-Тихоокеанский регион

© Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И., Данилов В.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И., Данилов В. А. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 181–191. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-181-191>

Pivot to the East as a Factor in Strengthening Russian Influence in Asia

Dmitry V. Mosyakov¹ , Marina A. Shpakovskaya² ,
Tatiana I. Ponka² , Vitaly A. Danilov²

¹Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

mosyakov.d@gmail.com

Abstract. The object of study of this article is the Eastern vector of modern Russian foreign policy; the subject determines its main directions, mechanisms, and tools. The authors rely on the theory of neorealism, which allows to consider the foreign policy of states as a desire to ensure their national interests. The authors used the principles of historicism, scientific objectivity and reliability, which made it possible to study the prerequisites of Russia's policy of turning to the East, to establish cause-and-effect relations and to identify regularities in the development of Russia's international relations with the countries of the East. A systematic approach was used, as well as a number of general scientific (analysis, synthesis) and special historical methods of research: comparative-historical and problem-chronological methods. The study highlights the role of the Russian Foreign Minister Y.M. Primakov in Russia's return to the East. It emphasizes that Primakov was not in favor of breaking off relations with European countries and the USA but sought to find a counterbalance to the pro-Western course of foreign policy in the 1990s and to build up relations with the countries of the Asia-Pacific region (APR). The article notes the difficulties Russia faces in implementing its Eastern policy, including the geographical remoteness from most APR countries, cold climate, the small population of the Far East, the underdeveloped infrastructure of the Far East, and the socio-cultural differences between Russia and the APR countries. But the course to strengthen Russia's positions in the Asia-Pacific region is becoming a key foreign policy direction, a vital factor in the preservation and development of Russia as a developed industrial country. The paper analyzes the measures taken by the country's leadership to involve the Russian economy in the integration processes in the Asia-Pacific region and considers the dynamics of Russia's trade relations with the main partners in this region. It concludes that the policy of turning to the East has taken place, as its successes are obvious.

Key words: US, West, China, the Democratic People's Republic of Korea, DPRK, sanctions against Russia, Asia-Pacific region

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made equal contributions to the design, conduct of the study and preparation of the text of the article.

For citation: Mosyakov, D. V., Shpakovskaya, M. A., Ponka, T. I., & Danilov, V. A. (2024). Pivot to the East as a factor in strengthening Russian influence in Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 181–191. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-181-191>

Введение

С конца XX в., по мере углубления проблем глобализации, финансовая и политическая нестабильность постепенно охватила ведущие государства мира. В настоящее

время тенденция к ослаблению и утрате монопольного доминирования в мире США и в целом стран «коллективного Запада» становится все более явной. Это происходит на фоне устойчивого экономического роста,

повышения уровня и качества жизни, большего влияния на международной арене восточноазиатских стран, таких как Китай, Япония, Южная Корея и др. Все это свидетельствует о том, что центр индустриального и постиндустриального роста все более сдвигается к Восточной Азии. Это неизбежно влечет за собой изменение баланса сил в традиционных геополитических конфигурациях и способствует созданию новых с ощутимой ролью Востока в экономике, политике и духовной жизни.

По мере того, как стало очевидным, что с начала 2010-х гг. страны «коллективного Запада» не рассматривают Россию как равного партнера, разворот на Восток рассматривается руководством страны как альтернатива все более ухудшающимся отношениям с Западом. В 2013 г. в своем послании Федеральному Собранию РФ президент В.В. Путин провозгласил «поворот на Восток как российскую приоритетную задачу на весь XXI век»¹.

Тема поворота на Восток стала одной из главных в повестке дня как для России, так и для западных стран (Виноградов, 2019; Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020; «Азиатский поворот» в российской внешней политике..., 2022, с. 256; Хуан, Ван, 2024; Rozman, 2018; Miller, 2020). Она стала особенно актуальной после финансового кризиса 2007–2008 гг. (Mankoff, 2015, p. 68). В рамках обсуждения поворота на Восток затрагиваются как новые векторы глобального управления², так и отдельные перспективы международно-политического измерения отношений России с восточными странами, например с Китайской Народной Республикой (КНР) (Говоров, 2016; Виноградов, 2021) и Корейской Народно-

Демократической Республикой (КНДР) (Бо, 2017; Асмолов, Захарова, 2020).

Россия стала проводить последовательную политику по переносу основных усилий государства с западного геополитического и геоэкономического вектора на восточное направление с целью найти новые рынки сбыта, источники инвестиций и в общем сохранить экономический рост. Как отмечают А.В. Торкунов и Д.В. Стрельцов, «поворот на Восток стал естественным продолжением и практическим воплощением принятой Россией на вооружение внешнеполитической философии многополярности, в рамках которой она видит себя одним из глобальных полюсов силы» (Торкунов, Стрельцов, 2023, с. 6). В то же время этот шаг предполагает поиск новых стимулов экономического роста, технологий и рынков сбыта российской продукции, а также переосмысление философии развития Сибири и Дальнего Востока и продвижение Большого евразийского партнерства как мироустроительного проекта РФ («Азиатский поворот» в российской внешней политике... 2022, с. 6). Выбранный внешнеполитический вектор разворота России на Восток, по представлению С.А. Караганова, в ситуации, когда попытки «понравиться» и договориться с Западом не только безнравственны, но и контрпродуктивны с точки зрения *Realpolitik*, совершенно правилен (Караганов, 2024, с. 44).

Этот курс в итоге, особенно после начала специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г., превратился в ключевой элемент российской внешней политики.

Исторические предпосылки и концептуальная основа поворота России на Восток

Первые шаги по возвращению России на Восток, где вплоть до своего распада в 1991 г. СССР играл ключевую роль, были сделаны сразу же после назначения Е.М. Примакова главой МИД России в январе 1996 г. Е.М. Примаков стремился найти контрбаланс прозападному курсу политической элиты того периода. Он считал, что «партнерские

¹ Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2013 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) // Президент России. 12.12.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057/page/1> (дата обращения: 15.01.2024).

² Яковенко А. Восточный вектор внешней политики России // Российский совет по международным делам. 12.03.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vostochnyy-vektor-vneshney-politiki-rossii/#detail> (дата обращения: 15.01.2024).

отношения России, российского бизнеса с европейскими странами, Соединенными Штатами Америки имеют большую историю, разрушить которую стараниями отдельных политических лидеров, пожалуй, невозможно»³. Однако в представлении нового министра политика России должна была быть более сбалансированной и Россия должна смотреть не только на Запад, как при предыдущем министре А.В. Козыреве (1990–1996 гг.), но и на Восток. По мнению Е.М. Примакова, важное место в ней должно было занимать «наращивание сотрудничества с широким кругом партнеров, включая страны Азиатско-Тихоокеанского региона», опирающиеся на «глубинное понимание коренных национальных интересов России, на труд многих поколений наших дипломатов, на имевшиеся у нас солидные наработки» (цит. по: (Барский, 2016, с. 43)).

Усилия, приложенные Е.М. Примаковым, обозначили реальное изменение российской политики, но следует признать, что скорое возвращение на Восток в том виде, как в Москве тогда рассчитывали, так и не состоялось. Старая мудрость о том, что «нельзя дважды войти в одну реку» в очередной раз подтвердила свою правоту. Дело в том, что после аврального, еще советского, «исхода» и последующей потери интереса российской власти к странам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) очень многое из того, что нарабатывалось Россией в течение долгого времени, оказалось потеряно.

Перед Е.М. Примаковым встала задача — в новых условиях найти место России в изменившейся Азии, и прежде всего в АТР. Речь уже не шла о том, чтобы стать влиятельным игроком на этом огромном, динамично развивающемся пространстве с гигантскими финансовыми, товарными и людскими потоками. России необходимо было хотя бы просто вернуться в этот регион: найти там новых

партнеров и друзей, источники инвестиций, новые товарные рынки.

Нет сомнений, что все эти цели являлись и остаются ныне актуальными внешнеполитическими задачами для России. Говорить о том, что за прошедшие почти 30 лет они были выполнены, не следует, но то, что Москва постепенно продвигалась к их достижению, — это совершенно очевидно.

При этом необходимо учитывать, что российскому руководству пришлось преодолевать объективно существующие преграды, которые существенно затрудняли этот процесс.

Во-первых, Россия географически расположена на отдаленной периферии АТР — в Северо-Восточной Азии, в зоне холодного климата. Она выходит к Тихому океану малонаселенными территориями, с ограниченными экономическими возможностями из-за отсутствия развитой инфраструктуры. Поэтому российский Дальний Восток не выступает в качестве самостоятельного экономического субъекта в АТР, а скорее является транзитным центром, где товары с поездов Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей перегружаются на морские суда и отправляются по назначению в различные страны АТР (Изотов, 2021; Blakkisrud, 2018). Интеграция экономики Дальневосточного региона в пространство АТР крайне слаба и развивается медленно и сложно, так как из-за незначительности масштабов местной экономики особого интереса к включению Дальнего Востока в общеазиатские интеграционные процессы страны Восточной Азии не проявляют. Все это негативно сказывается и на возможностях России, заметно сужает ее способность активно участвовать и влиять на интеграционные процессы в АТР.

Во-вторых, социокультурно Россия резко выделяется среди азиатских государств. Несмотря на все желание Москвы доказать, что Российская Федерация — это тоже Азия, культурно Россия одинока в Большой Восточной Азии («Большая Восточная Азия»..., 2010), впрочем, точно так же она одинока и на Западе.

³ Пантюхин А. Евгений Максимович Примаков: дружить со всеми странами не обязательно, но работать — можно и нужно // *Международная жизнь*. 29.06.2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17866> (дата обращения: 27.12.2023).

Однако санкции стран «коллективного Запада» и военная поддержка националистического и антиросийского режима на Украине не оставляют России шансов на сохранение и восстановление в обозримой перспективе каких-либо значимых отношений с этими странами. Старая формула, что «если российский „европеизм“ всегда был вопросом идентичности, то российское „азиатство“ — это просто прагматичный выбор»⁴, все более теряет свою актуальность.

В связи с этим курс на укрепление российских позиций в Большой Восточной Азии становится ключевым внешнеполитическим направлением, жизненно важным фактором в сохранении и развитии России как развитой индустриальной страны, способной самостоятельно продвигать вперед экономику, производство самых современных вооружений, образование, науку и культуру, поддерживать достигнутый уровень жизни для большинства населения. Всего этого можно достичь и сохранить, только следуя определенной программе, рассчитанной на длительное время, с учетом того, что происходит в этом огромном регионе и в каком направлении развиваются события.

Для западных элит стала полной неожиданностью реакция государств Азии на события вокруг Украины после начала СВО. Можно сказать, что в большинстве азиатских столиц, несмотря на антиросийское информационное давление западных масс-медиа, «вполне внятно представляют причины и характер этого конфликта и всячески стараются не только сохранить, но и расширить контакты с Россией как с дружественной страной, последовательно выступающей против милитаризации региона, раскола его на противостоящие блоки, за сохранение существующего статус-кво» (Мосяков, 2023, с. 70).

Одна из причин позитивных в целом коннотаций образа России в Азии заключается в том, что именно в последние годы в

сознании азиатских социумов попытки объединить Россию с западным колониализмом и империализмом перестали иметь успех. Колониальная эксплуатация и унижение государств Азии никак не связываются с Россией.

Однако не они определяют господствующие мнения в азиатских научных и политических обществах. Обособленность российской истории от европейской очень позитивна в плане выстраивания отношений России с азиатскими государствами, так как их историческая память в отличие от европейских стран, где все, что сделала Россия для их безопасности и свободы, просто игнорируется, играет очень существенную роль. В связи с этим в АТР Россия в сознании большинства местных сообществ выступает в одиночестве, в последнее время — в определенной связи с Китаем, причем рассматривается не только в качестве глобального игрока, а в большей степени как один из важных региональных партнеров находящихся там стран.

Экономическое измерение

Еще до начала СВО можно было говорить об очевидном позитивном тренде в экономических связях со странами Востока, когда только за первый квартал 2019 г. внешнеторговый оборот России со странами Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) достиг почти 50 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с 2018 г. на 9 %⁵. Эта сумма в первом квартале 2019 г. составила более чем третью часть всего товарооборота России со странами дальнего зарубежья⁶. По итогам 2022 г. объем товарооборота России со странами АТЭС

⁵ Итоги внешней торговли России в I квартале 2019 г. // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2019. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/8b679322cb019103d76c84bbf5f1f828/ItogiTorgovli_1kv_2019.pdf?ysclid=lreuu6dmlj394342204 (дата обращения: 15.01.2024).

⁶ Отчет о внешней торговле России в 2020 году: товарооборот, экспорт, импорт, торговые партнеры, структура, товары, динамика // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2020-godu/?ysclid=lrc8loz98q181966823> (дата обращения: 15.12.2023).

⁴ Шпангер Х.-Й. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шелковом пути // Валдайские записки. 2016. № 47. С. 12. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22146/> (дата обращения: 28.03.2024).

вырос на 6,1 % по сравнению с 2021 г., а за первые восемь месяцев 2023 г. увеличился еще на 11,8 %⁷.

За последние годы были реализованы масштабные инфраструктурные проекты, связывающие Центральную Россию, Урал и Сибирь с портами Тихого океана. Значительные средства вкладывались в строительство туннелей и вторых путей на Байкало-Амурской магистрали, прокладку автомобильных дорог Чита — Хабаровск и Ванино — Лидога, реконструкцию и расширение возможностей тихоокеанских портов. Важной вехой в этом процессе стал декабрь 2019 г., когда «Газпром» совместно с китайской компанией CNPC построил и ввел в эксплуатацию магистральный газопровод «Сила Сибири» для поставок газа из Якутии в Приморский край и страны АТР⁸. К этому также следует добавить и построенный в начале 2000-х гг. нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), соединяющий месторождения Западной и Восточной Сибири с нефтеналивным портом Козьмино на Дальнем Востоке⁹.

Все эти осуществленные за длительный период инфраструктурные проекты полностью себя оправдали. Это стало особенно ясно в 2022 г., когда после начала СВО разворот на Восток из сферы экономического планирования перешел в сферу выживания российской экономики. Все, что было построено, легло в основу резкого роста российского товарооборота с восточными странами, которые выступили как ключевая альтернатива российскому экспорту в Европу.

⁷ Делегация РФ на саммите АТЭС указала на рост российской экономики // Известия. 17.11.2023. URL: <https://iz.ru/1606610/2023-11-17/delegatciia-rf-na-sammite-ates-ukazala-na-rost-rossiiskoi-ekonomiki> (дата обращения: 15.12.2023).

⁸ «Сила Сибири». Крупнейшая система транспортировки газа на Востоке России // Газпром. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/?ysclid=lrchshgusl651979687> (дата обращения: 05.10.2023).

⁹ Нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий Океан (ВСТО) // Neftegaz.ru. 19.03.2013. URL: <https://neftegaz.ru/tech-library/transportirovka-i-khranenie/141847-vostochnyy-nefteprovod-vsto/> (дата обращения: 13.01.2024).

Так, например, товарооборот России с Китаем в 2022 г. увеличился в годовом исчислении на 29,3 % и достиг 190,27 млрд долл. США, что стало рекордным показателем для двух стран за все время сотрудничества. Положительное сальдо России в 2022 г. составило 38 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с 2021 г. более чем в три раза¹⁰. По итогам 2023 г. товарооборот с КНР достиг рекордных 240,11 млрд долл. США, увеличившись на 26,3 % по сравнению с 2022 г.¹¹ Напомним, что Москва и Пекин рассчитывали нарастить двустороннюю торговлю до 200 млрд долл. США к 2024 г., но приведенные данные указывают, что этот план выполнен досрочно¹².

По данным Федеральной таможенной службы РФ, товарооборот России с Индией увеличился в 2021 г. на 46,5 %, достигнув 13,5 млрд долл. США, а в 2022 г. вырос еще в 2,4 раза по сравнению с 2021 г.¹³ Существенно увеличился и товарооборот со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в 2021 г. составив 20 млрд долл. США (+27 %), а за десять месяцев 2022 г. возрос еще на 25 %¹⁴.

Все это убедительно свидетельствует о том, что поворот России на Восток оказался вполне успешной и продуманной политикой. Удалось создать инфраструктурный каркас транспортной схемы, ориентированной на страны Азии. Сегодня эта схема оказалась как никогда востребованной, буквально «дорогой жизни» для российской экономики. При ее

¹⁰ Товарооборот России и Китая в 2022 году вырос на 29,3 % // ТАСС. 13.01.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16791461> (дата обращения: 06.09.2023).

¹¹ Объем торговли Китая и России за I квартал вырос на 5,2 % // Ведомости. 12.04.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/04/12/1031489-obem-torgovli-viros> (дата обращения: 16.04.2024).

¹² Доля РФ в торговле Китая не превышает 4 % // Коммерсантъ. 26.12.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6426566> (дата обращения: 11.09.2023).

¹³ Товарооборот России и Индии увеличился в 2,4 раза в 2022 году // ТАСС. 26.01.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16894469> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁴ Россия продолжит сотрудничество с АСЕАН с акцентом на диверсификацию товарооборота // ТАСС. 24.01.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16871755> (дата обращения: 12.09.2023).

эффективном использовании, как отмечал в своем выступлении на полях состоявшегося в ноябре 2022 г. международного бизнес-саммита АСЕАН председатель Делового совета Россия — АСЕАН И.В. Поляков, «годовой товарооборот России и стран АСЕАН к 2025 году возрастет до 100 миллиардов долларов»¹⁵.

Следует отметить, что цифра в 100 млрд долл. США товарооборота России со странами АСЕАН к 2025 г. кажется довольно фантастической, учитывая, что в 2021 г. он составлял всего 20 млрд долл. США¹⁶. Вместе с тем, если учесть, что массовая переориентация российского среднего бизнеса с Запада на Восток уже происходит, то цифра в 100 млрд долл. начинает обретать реальные очертания.

Одной из проблем в реализации этой цели может стать недостаточная развитость транспортной инфраструктуры, которая на сегодняшний день не всегда справляется с товарными потоками в сторону Тихого океана. Так, например, перевозки контейнеров по железной дороге в сообщении с терминалами Дальневосточного бассейна выросли за 10 месяцев 2022 г. на 19 %, а, по данным Министерства транспорта России, у пяти портовых контейнерных терминалов Дальнего Востока загрузка составила 117 %¹⁷. Ситуация с продвижением товаров к тихоокеанским портам настолько сложная, что к концу 2022 г. из платежеспособного экспорта-импорта вывозилось только около 70 %¹⁸.

Вся эта информация указывает на две существующие тенденции — стремительно

растущие товарные потоки (уголь, нефть, лес, удобрения, зерно, сборные грузы, машины и продукты массового спроса) и реальные логистические ограничения, которые могут не позволить существенно нарастить товарооборот с государствами Азии. В то же время введенные в строй мосты через р. Амур в Благовещенске и Ленинском (Еврейская автономная область), развитие транспортного коридора Север — Юг через Каспийское море и Иран в Индию открывают новые возможности для развития торговли России со странами региона.

Кроме решения инфраструктурных проблем успех этой политики будет зависеть и от того, насколько благоприятной будет атмосфера для прихода российского бизнеса в страны Азии.

Российско-китайское сотрудничество

Необходимо отметить, что ядро российской политики поворота на Восток составляет китайское направление, то есть установление с Китаем особых отношений стратегического партнерства.

Сегодня можно вполне определенно сказать, что в мире нет другой такой страны, которая была бы настолько близка с Китаем и разделяла с ним традиционные ценности, многие общие цели, стремления и идеалы, как Россия.

Обе страны вовлечены в широкий комплекс связей, сконцентрированных преимущественно в экономической и инфраструктурной сферах. Здесь в первую очередь следует выделить совместные энергетические проекты России и Китая. Крупнейшим из них является «Ямал СПГ», в котором 20 % акций принадлежат китайской корпорации CNPC, а еще 10 % — Фонду Шелкового пути¹⁹.

Другая китайская компания *Sinopec* приобрела 10 % холдинга СИБУР и принимает

¹⁵ Товарооборот России и стран АСЕАН вырастет до 500 миллиардов долларов // Прайм. 10.10.2022. URL: <https://1prime.ru/world/20221110/838779313.html> (дата обращения: 12.10.2023).

¹⁶ Россия продолжит сотрудничество с АСЕАН с акцентом на диверсификацию товарооборота // ТАСС. 24.01.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16871755> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁷ Контейнерооборот Дальнего Востока растет через силу // РЖД-Партнер. 17.11.2022. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/comments/konteynerooborot-dalnego-vostoka-rastet-cherez-silu/> (дата обращения: 22.11.2022).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Шмелева Т. Совместные проекты и общность экономических интересов: в каких сферах сотрудничают Россия и Китай // Российская газета. 20.12.2023. URL: <https://rg.ru/2023/12/20/sovlestnyye-proekty-i-obshchnost-ekonomicheskikh-interesov-v-kakih-sferah-sotrudnichaiut-rossiia-i-kitaj.html> (дата обращения: 12.01.2024).

участие в реализации сразу нескольких важных для Китая проектов, включая нефтехимический комбинат «ЗапСибНефтехим» в Тобольске, а также строительство Красноярского завода синтетических каучуков, продукция которого будет направлена на китайский рынок напрямую (Воронова, Новикова, 2023, с. 4684).

Отдельно следует выделить и проект «Арктик СПГ 2», где Китай показал пример жесткого противодействия американским санкциям. Данный проект по производству сжиженного природного газа (СПГ) изначально предполагал участие иностранных инвесторов. Однако после того как США ввели санкции против компании «Новатэк», которой принадлежал «Арктик СПГ 2», французские и японские инвесторы заморозили свои инвестиции²⁰. Однако с китайскими компаниями, на что надеялись в Вашингтоне, такого не произошло. Официальный представитель МИД КНР Мао Нин, комментируя санкции США, заявила, что китайские и российские компании продолжают нормальное торгово-экономическое взаимодействие: «Китай всегда выступал против односторонних санкций... Китай и Россия продолжают осуществлять нормальное торговое и экономическое сотрудничество, исходя из духа взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды»²¹.

Другой немаловажной составляющей российско-китайских отношений является межрегиональное и трансграничное сотрудничество. В качестве доказательства этого тезиса можно привести следующие статистические данные: в 2022 г. 75 млрд из 190 млрд долл. США российско-китайского товарооборота пришлось на межрегиональную торговлю между Китаем и городом федерального значения — Москвой²².

²⁰ Япония и Франция заморозили инвестиции в «Арктик СПГ 2» // Интерфакс. 25.03.2022. URL: <https://www.interfax.ru/business/831275> (дата обращения: 12.01.2024).

²¹ МИД КНР заявил, что Китай и РФ продолжают торгово-экономическое сотрудничество // ТАСС. 26.12.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19629369> (дата обращения: 12.01.2024).

²² Кулагин В. Как регионы разворачиваются на Восток // Ведомости. 14.06.2023. URL:

Москва как отдельный регион выступает флагманом российско-китайского сотрудничества в региональном разрезе — в столице России сосредоточился огромный даже по мировым масштабам потребительский рынок, открытый для продвижения китайских товаров. Характерна позиция регионального московского руководства относительно привлечения китайского бизнеса и развития контактов и сотрудничества. Вице-мэр Москвы В.В. Ефимов заявил: «Мы заинтересованы, чтобы китайские производители приходили на наш рынок не только с готовой продукцией, но и со своими технологиями, желательно в рамках совместного партнерства»²³. В этих словах московского вице-мэра явно просматривается наиболее интересная для российских регионов модель взаимного сотрудничества с компаниями из КНР. Позиция российской стороны заключается в том, что просто ввоз готовой продукции, конечно, важен, но каждый регион рассматривает возможности своего развития и экономического роста, которые гарантированы только в том случае, если часть производства оказывается на территории того или иного российского региона. Это позволяет ему увеличить количество рабочих мест и сформировать индустриальную инфраструктуру.

Еще один важный момент, который особенно ценят в руководстве российских регионов, — это установление отношений взаимного партнерства. Таким путем там рассчитывают понять и перенять наиболее эффективные методы управления бизнесом, принятые в Китае, сформировать архитектуру своего регионального бизнеса так, чтобы избежать лишних препятствий в установлении и развитии контактов и предпринимательства. Значительный интерес для той же Москвы, по словам В.В. Ефимова, имеет сотрудничество с Китаем в микроэлектронике, машиностроении и станкостроении²⁴.

В последнее время заметно активизировали контакты с Китаем и другие российские

<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/14/980097-kak-regioni-razvorachivayutsya-na-vostok> (дата обращения: 15.01.2024).

²³ Там же.

²⁴ Там же.

регионы, особенно восточные. Их руководители стали регулярно посещать различные российско-китайские деловые мероприятия — бизнес-форумы, конференции, выставки. В 2022 г. в таких мероприятиях приняло участие девять губернаторов, в основном с Дальнего Востока. В 2023 г. ситуация изменилась, и в подобных мероприятиях участвовало уже 19 губернаторов, четверо (Республика Татарстан, Еврейская автономная область, Калужская область и Хабаровский край) же посетили Китай вне федеральной программы по собственной инициативе²⁵.

В целом китайское правительство положительно воспринимает новую внешнеполитическую стратегию России, в том числе и в контексте межрегионального развития, так как Китай, по словам председателя Союза китайских предпринимателей Чжоу Лицуня, стремится развивать свои северо-восточные регионы²⁶.

Сотрудничество России и КНДР

В условиях обострения международной обстановки и появления тенденций к росту конфронтации в АТР по многим вопросам позиции России и КНДР быстро сближаются. В лице Северной Кореи, которая разделяет российские оценки политики США и стран Запада в международных и региональных делах, Россия получила полную поддержку в связи с конфликтом на Украине²⁷.

Событием, знаменующим новый этап в отношениях между двумя странами, стал российско-северокорейский саммит, который прошел в России в сентябре 2023 г. Во время

²⁵ Кулагин В. Как регионы разворачиваются на Восток // Ведомости. 14.06.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/14/980097-kak-regioni-razvorachivayutsya-na-vostok> (дата обращения: 15.01.2024).

²⁶ В Китае рассказали о выгодах поворота России на Восток // РИА Новости. 15.06.2023. URL: <https://ria.ru/20230615/vostok-1878222079.html> (дата обращения: 23.02.2024).

²⁷ Давыдов О. В. Россия, КНДР и безопасность на Корейском полуострове // ИМЭМО РАН. 23.10.2023. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/russia-north-korea-and-security-on-the-korean-peninsula> (дата обращения: 23.02.2024).

шестидневного визита лидера КНДР Ким Чен Ына в Россию «явно было сформировано какое-то видение будущего отношений двух стран», несмотря на отсутствие каких-либо подписанных за время поездки соглашений» (Никифоров, 2023, с. 152–153). В КНДР прошедший саммит уже назвали эпохальным: Центральное телеграфное агентство Кореи отмечало, что визит главы государства в Россию пришелся на «знаменательный и важный в развитии российско-корейских отношений период»²⁸.

Говоря об экономических аспектах сотрудничества, можно назвать приоритетные векторы взаимоотношений России с КНДР, рассчитанные на комплексное долгосрочное сотрудничество:

— наращивание товарооборота и промышленных объемов северокорейской промышленности;

— формирование в Приморском крае, территории России, граничащей с КНДР и КНР, отдельной специальной зоны, предполагающей особые условия по таможенным пошлинам, визовому режиму и льготам по налогообложению;

— создание механизмов частичной замены или ротации центральноазиатских трудовых мигрантов на корейские трудовые кадры для их работы на территории Российской Федерации;

— реализация инфраструктурных инвестиционных проектов;

— создание платежной системы проведения расчетов в рублях за импорто-экспортные торговые операции и обслуживание реализации инвестиционных проектов;

— решение проблемы международного страхования экспортных кредитов и российских инвестиций в КНДР, приостановленное из-за санкций ООН в 2016 г.²⁹

²⁸ Эпохальный момент, установивший новую веху на пути развития корейско-российских отношений // ЦТАК. 14.09.2023. URL: <http://kcnk.kp/ru/article/q/e47f15998b6c765617c6dcf8a7df644b.kcmsf> (дата обращения: 23.02.2024).

²⁹ Зарипов И. Экономическое сотрудничество России и КНДР: проблемы и возможные перспективы развития // Инвест-Форсайт. 23.11.2023. URL: <https://www.if24.ru/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kndr/> (дата обращения: 23.02.2024).

Заключение

Таким образом, можно вполне определенно заявить, что разворот России на Восток реализуется, способствуя подъему российской экономики, выживанию и укреплению Российской Федерации в сложнейших условиях изоляции страны со стороны Запада. Все, что создано Российским государством

в XIX, XX и начале XXI вв. в экономике, политике, инфраструктуре, в изменении восприятия страны в пользу позитивных коннотаций, востребовано, работает эффективно, оправдывая все те огромные инвестиции, которые были направлены российским правительством для поворота на Восток.

Поступила в редакцию / Received: 30.10.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 29.03.2024
Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е. В. Колдуновой. Москва : Аспект Пресс, 2022. EDN: AEPWYM
- «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / отв. ред. А. Д. Воскресенский. Москва : МГИМО-Университет, 2010. EDN: PJBXVZ
- Асмолов К. В., Захарова Л. В. Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 3. С. 585–604. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-3-585-604>; EDN: KWBJKW
- Барский К. М. «Восточный вектор» начертил Примаков // Международная жизнь. 2016. № 10. С. 42–66. EDN: WWXPBV
- Бо Ма. Стратегия России «Поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // Сравнительная политика. 2017. Т. 8, № 2. С. 82–97. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-82-97>; EDN: YSSLZD
- Виноградов А. В. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. 2021. Т. 19, № 2. С. 6–20. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.2.65.2>; EDN: PXZFKS
- Виноградов А. В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 2. С. 228–246. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-2-228-246>; EDN: KXBMYD
- Воронова Т. А., Новикова Е. С. Сотрудничество России и Китая в условиях трансформации глобализационных процессов: вопросы экономической безопасности российской экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 11. С. 4673–4688. <https://doi.org/10.18334/epp.13.11.119790>; EDN: GRARCK
- Говоров Ю. Л. Роль и место Китая в российской политике «поворота на Восток» // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 2. С. 10–20. EDN: XDXXHP
- Изотов Д. А. Генезис политики экономических взаимодействий России со странами АТР: случай Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 124–137. <https://doi.org/10.31857/S013128120014753-9>; EDN: AZBAAB
- Караганов С. А. Век войн? Статья вторая. Что делать // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 2. С. 37–52. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-2-37-52>; EDN: GVHSJL
- Мосяков Д. В. Актуальные тенденции трансформации международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 5. С. 56–77. EDN: HPXMZV
- Никифоров А. С. Отношения России и КНДР после начала СВО // Корееведение в России: направление и развитие. 2023. Т. 4, № 4. С. 149–157. EDN: НКХМZY
- Торкунов А. В., Стрельцов Д. В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 4. С. 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16>; EDN: QBQAWC
- Торкунов А. В., Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. 2020. № 5. С. 8–21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>; EDN: DBKKFU

- Хуан Дэньсюэ, Ван Ин.* Российская политика «поворота на Восток»: мотивирующие факторы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 1. С. 18–30. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-18-30>; EDN: IASKOR
- Blakkisrud H.* An Asian Pivot Starts at Home: The Russian Far East in Russian Regional Policy // *Russia's Turn to the East. Global Reordering* / ed. by H. Blakkisrud, E. Wilson Rowe. Cham : Palgrave Pivot, 2018. P. 11–30. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69790-1_2
- Mankoff J.* Russia's Asia Pivot: Confrontation or Cooperation? // *Asia Policy*. 2015. No. 19. P. 65–87. <https://doi.org/10.1353/asp.2015.0009>
- Miller C.* Will Russia's Pivot to Asia Last? // *Orbis*. 2020. Vol. 64, no. 1. P. 43–57. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2019.12.004>
- Rozman G.* The Russian Pivot to Asia // *International Relations and Asia's Northern Tier: Sino-Russia Relations, North Korea, and Mongolia* / ed. by G. Rozman, S. Radchenko. Singapore : Palgrave, 2018. P. 13–26. https://doi.org/10.1007/978-981-10-3144-1_2

Сведения об авторах:

Мосяков Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН; e-Library SPIN-код: 5707-5500; ORCID: 0000-0003-2701-3533; e-mail: mosyakov.d@gmail.com

Шпаковская Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; e-Library SPIN-код: 5857-3760; ORCID: 0000-0003-4463-880X; e-mail: m.shpakovskaya@gmail.com

Понька Татьяна Ивановна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; e-Library SPIN-код: 5858-3578; ORCID: 0000-0003-4944-115X; e-mail: ponka-ti@rudn.ru

Данилов Виталий Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений; директор Центра прикладного анализа международных трансформаций, Российский университет дружбы народов; e-mail: danilov-va@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-192-203

EDN: VMXZKR

Научная статья / Research article

Приоритеты экономического сотрудничества России и Азербайджана в условиях глобальной турбулентности

И.А. Филькевич^{1,2,3} , З.Ф. Мамедов² , А.А. Губадова² , С.К. Мамедова²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Азербайджанский государственный экономический университет, Баку, Азербайджан

³АНО «Научно-исследовательский институт экономических стратегий», Москва, Российская Федерация

 filk66@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях санкционной политики Российской Федерация заинтересована выстраивать новую парадигму международных отношений, ориентированную на достижение экономических и политических преимуществ на основе сотрудничества с дружественными государствами. В качестве такого государства, безусловно, выступает Азербайджан, который благодаря своему географическому положению, политической стабильности и международной кооперации с российскими производителями сегодня способен стать стратегически важным партнером с учетом геополитических и геоэкономических реалий. Несмотря на наличие научных трудов по проблеме экономического сотрудничества России и Азербайджана, в настоящее время отсутствует комплексное исследование возможностей расширения экономического партнерства в условиях турбулентности глобальных процессов. Цель исследования — выявление приоритетов экономического сотрудничества России и Азербайджана в условиях глобальной трансформации современных международных отношений и поворота Российской Федерации на Восток. Для достижения поставленной цели использовались методы сравнения, системного анализа, синтеза, логического обобщения и экономического анализа. Изучена современная ситуация развития экономического сотрудничества Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией с учетом политических особенностей развития глобального сообщества, что делает данное исследование междисциплинарным. Новизна исследования заключается в том, что впервые выявлены факторы, содействующие углублению экономического партнерства двух стран. Отмечено, что в современных условиях возрастает роль Азербайджана как стратегического партнера Российской Федерации. Глобальная турбулентность привела к повышению значимости Азербайджана как международного транспортно-логистического центра: только в 2023 г. объем перевозок из России через территорию республики вырос почти вдвое. Авторы приходят к выводу, что страны заинтересованы в расширении экономического сотрудничества и создают условия для развития международной кооперации. Прогнозируется более тесное сотрудничество Азербайджана с государствами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включая процесс углубления интеграционного партнерства в рамках формирования единого экономического пространства. Кроме того, определены новые приоритеты международного экономического сотрудничества и стратегических направлений развития отношений Азербайджанской Республики и Российской Федерации в долгосрочной перспективе с учетом турбулентности глобальных процессов.

Ключевые слова: международные отношения, региональная интеграция, международная кооперация, Евразийский экономический союз, ЕАЭС

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

© Филькевич И.А., Мамедов З.Ф., Губадова А.А., Мамедова С.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Филькевич И. А., Мамедов З. Ф., Губадова А. А., Мамедова С. К. Приоритеты экономического сотрудничества России и Азербайджана в условиях глобальной турбулентности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 192–203. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-192-203>

Priorities of Economic Cooperation Between Russia and Azerbaijan in the Conditions of the Global Turbulence

Igor A. Filkevich^{1,2,3} , Zahid F. Mamedov² ,
Aybeniz A. Gubadova² , Sevda K. Mamedova²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Azerbaijan State University of Economics, Baku, Azerbaijan

³Autonomous non-profit Organization “Initial Research Institute of Economic Strategies”, Moscow, Russian Federation

 filk66@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that in the context of the sanctions policy, the Russian Federation is interested in building a new paradigm of international relations focused on achieving economic and political advantages based on cooperation with friendly states. Azerbaijan, of course, acts as such a state, which, due to its geographical location, political stability and international cooperation with Russian manufacturers, is now able to become a strategically important partner, taking into account geopolitical and geo-economic realities. Despite the availability of scientific papers on the problem of economic cooperation between Russia and Azerbaijan, there is currently no comprehensive study of the possibilities of expanding economic partnership in the conditions of turbulence of global processes. The purpose of the study was to determine the priorities of economic cooperation between Russia and Azerbaijan in the context of the global transformation of modern international relations and the turn of the Russian Federation to the East. To achieve this goal, the methods of comparison, system analysis, synthesis, logical generalization, and economic analysis were used. As a result of the study, the current situation of the development of economic cooperation between the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation was studied, taking into account the political peculiarities of the development of the global community, which makes this study interdisciplinary. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the factors contributing to the deepening of the economic partnership between the two countries have been identified. It was noted that in the new conditions, the role of Azerbaijan as a strategic partner of the Russian Federation is growing. The role of Azerbaijan as an international transport and logistics center has increased due to global turbulences, and in 2023 alone, the volume of traffic through the territory of the republic from Russia has almost doubled. It is concluded that the countries are interested in expanding economic cooperation and creating conditions for the development of international cooperation. Azerbaijan is expected to cooperate more closely with the states of the Eurasian Economic Union (EAEU), including the process of deepening the integration partnership within the framework of the formation of a single economic space. In addition, new priorities for international economic cooperation and strategic directions for the development of international relations between the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation in the long term have been identified, taking into account the turbulence of global processes.

Key words: international relations, regional integration, international cooperation, Eurasian Economic Union, EAEU

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Filkevich, I. A., Mamedov, Z. F., Gubadova, A. A., & Mamedova, S. K. (2024). Priorities of economic cooperation between Russia and Azerbaijan in the conditions of the global turbulence. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 192–203. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-192-203>

Введение

Рост неопределенности и непредсказуемости, который наблюдается в последние годы в международных отношениях,

приводит к подрыву геополитической и геоэкономической основ. Причем важным фактором турбулентности становится активизация конкурентной борьбы на сырьевых рынках, и в первую очередь на рынке нефти и

газа. Предпосылкой напряженности в данном секторе экономики послужило то обстоятельство, что «с 2001 г. США стали осуществлять последовательную стратегию, направленную на „ценностный разрыв“ с Российской Федерацией и странами, которые имеют крупнейшие запасы нефти и газа, включая Венесуэлу, Ирак, Иран, Сирию и ряд других стран» (Филькевич, 2006, с. 30, 32–33). На основе данной геополитической стратегии американский бизнес стремится занять лидирующие позиции в мировом производстве нефти в мире уже в 2025 г. (Смелков, 2023). Следует отметить, что уже в 2022 г. благодаря реализации политики роста напряженности в отношении стран, добывающих нефть и поставляющих ее на мировые рынки, крупнейшие нефтяные компании в США получили заметный рост чистой прибыли. В частности, «для *Exxon Mobil* чистая прибыль составила в 2022 г. 55,7 млрд долл. (США. — Прим. авт.) и увеличилась на 83,8 % по сравнению с 2021 г. В свою очередь, для *Chevron* чистая прибыль составила в 2022 г. 35,5 млрд долл. (США. — Прим. авт.), рост был на уровне 89,8 % по сравнению с 2021 г.»¹. Новый виток напряженности, происходящий на Ближнем Востоке в 2023–2024 гг., заставляет страны искать пути преодоления турбулентности за счет продвижения на более устойчивые рынки. Поворот России на Восток обусловлен необходимостью развития тесных взаимоотношений с дружественными странами, одной из которых выступает Азербайджан.

Следует отметить, что для преодоления турбулентности глобальных процессов Азербайджан и Россия осуществляют последовательные шаги, направленные на снижение политической напряженности в регионе, создание условий для развития экономического партнерства и решения важных проблем в области безопасности. В частности, «при активном участии стран была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря

в 2018 г., которая четко оговаривает принципы разделения водных пространств Каспия, тем самым обеспечивая политическую, экономическую, военную и экологическую стабильность в регионе» (Пивовар, 2019). Также Российская Федерация принимает самое активное участие в разрешении конфликта между Азербайджаном и Арменией по Нагорному Карабаху, именно при ее активной роли в качестве посредника удалось остановить военный конфликт в 2020 г.

31 октября 2022 г. при содействии России начала реализовываться «дорожная карта» нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией, предусматривающая в том числе восстановление экономических и транспортных связей в регионе². Как подчеркивают Э.М. Аллахвердиев и Т.Г. Мустафаев, «за 31 год, прошедший с момента установления дипломатических отношений между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией, между двумя странами было подписано более 250 двусторонних документов и были предприняты важные шаги для их реализации» (Аллахвердиев, Мустафаев, 2023, с. 55).

Укрепляя экономическое сотрудничество сегодня, Азербайджан и Россия содействуют стабилизации ситуации в регионе, что создает перспективы для долгосрочного развития международной кооперации стран. По нашему мнению, «Россия — основной торговый партнер Азербайджана. Исторические и экономические отношения, единая транспортная сеть, общая инфраструктура и широкое знание русского языка способствуют сотрудничеству между двумя странами. На наш взгляд, развитие банковской системы обеих стран впредь есть предпосылка интенсификации интеграционных процессов. Тесная экономическая интеграция с Россией отвечает стратегическим интересам Азербайджана» (Mamedov, 2008, p. 70).

¹ «Большая нефтяная пятерка» получила рекордную прибыль в 2022 году // Office Life. 08.02.2023. URL: <https://officelife.media/news/40549-bolshaya-neftyanaya-pyaterka-poluchila-rekordnuyu-pribyl-v-2022-godu/> (дата обращения: 03.12.2023).

² Интервью директора Четвертого департамента стран СНГ МИД России Д.В. Гончара ТАСС, 4 августа 2023 года // МИД России. 04.08.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1899623/> (дата обращения: 03.12.2023).

Цель исследования состоит в определении приоритетов экономического сотрудничества России и Азербайджана в условиях глобальной трансформации современных международных отношений и поворота Российской Федерации на Восток.

Материалы и методы исследования

В статье применялись материалы Содружества Независимых Государств (СНГ), Евразийского банка развития, данные национальных статистических агентств Азербайджана и России, публикации международных информационных агентств, исследования научно-исследовательских центров Азербайджана и России и другие аналитические работы.

В рамках подготовки статьи использовались методы сравнения, логического обобщения, экономического и системного анализа. Использованные в работе материалы и методы исследования позволили провести комплексный анализ развития экономического сотрудничества Азербайджана и России с учетом глобальных вызовов.

Результаты

Как показывают результаты исследования, в настоящее время происходит изменение стратегических приоритетов Российской Федерации, которые в силу геополитических и геоэкономических процессов заставляют ее развивать более тесные отношения с государствами Азии, что связано с применением экономических санкций со стороны Западной Европы, США и ряда других стран (Новая парадигма развития международных экономических отношений..., 2022). Новые реалии формируются путем расширения и углубления экономического и политического сотрудничества, в первую очередь со странами постсоветского пространства. Наиболее тесное взаимодействие имеет место с государствами — членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также рядом стран СНГ, в первую очередь с Азербайджаном и Узбекистаном (Котилко, 2011).

Следует отметить, что особая роль Азербайджана обусловлена географическим

положением страны и реализацией новой стратегии Российской Федерации, направленной на укрепление экономического сотрудничества со странами Центральной Азии и Ближнего Востока. Наличие у Азербайджана общей границы с Россией, а также государствами, которые рассматриваются в качестве ключевых российских партнеров в ближайшей перспективе (Арменией, Грузией, Ираном и Турцией), создают предпосылки формирования новых приоритетов экономического партнерства двух стран.

По мнению экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), качество транспортной инфраструктуры Азербайджана заметно выше, чем в других странах Восточного партнерства. Причем особенно высоко оценивается эффективность железнодорожных перевозок, республика занимает 11-е место в мире по индексу инфраструктуры Всемирного экономического форума. «Инвестиционный план ТЕН-Т отдаст приоритет созданию 6 логистических центров и завершению оставшихся систем сигнализации, телекоммуникаций и электрификации вдоль железных дорог. Общая стоимость приоритетных проектов составит 2,1 млрд евро»³.

По нашему мнению, современные приоритеты Азербайджанской Республики и Российской Федерации в экономической сфере обеспечивают такие документы, как «Бакинская декларация о дружбе и стратегическом партнерстве от 3 июля 2008 г., Совместное заявление о приоритетных направлениях экономического сотрудничества между Россией и Азербайджаном от 1 сентября 2018 г., Программа сотрудничества между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Российской Федерации на период до 2024 г.» (Аллахвердиев, Мустафаев, 2023, с. 55).

³ Strengthening the Role of Private Finance in Infrastructure Development in Eastern Partner Countries. Paris : OECD, 2020. P. 19–20. URL: <https://www.oecd.org/eurasia/competitiveness-programme/eastern-partners/Strengthening-the-Role-of-Private-Finance-in-Infrastructure-Development-in-Eastern-Partner-Countries-EN.pdf> (accessed: 29.12.2023).

Дальнейшему развитию сотрудничества Азербайджана и России способствовало подписание «Декларации о союзническом взаимодействии между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией», которое состоялось 22 февраля 2022 г.⁴ Декларация состоит из 43 пунктов и охватывает все сферы политических и экономических взаимоотношений между государствами. Подписанная декларация представляет собой новый этап в развитии экономического партнерства между Россией и Азербайджаном. Приоритетные направления сотрудничества включают в себя следующие отрасли промышленности: нефтегазовую, химическую, машиностроение и др. Кроме того, предусматриваются совместные инвестиции в сельское хозяйство, туризм, строительство и т. д.

Как представляется, важными факторами дальнейшего расширения экономического сотрудничества Азербайджанской Республики и Российской Федерации выступают следующие:

1) общее историческое прошлое, причем развитие российских и азербайджанских экономических отношений было заложено еще в рамках Российской империи;

2) большинство азербайджанских предпринимателей хорошо владеют русским языком, причем во многих вузах Азербайджана подготовка экономистов ведется на русском языке;

3) проживание в России большой азербайджанской диаспоры. «К этому крайне важно добавить, что дружеские отношения между нашими народами были скреплены совместно пролитой кровью в ходе Великой Отечественной войны» (Витгенберг, Пивовар, 2020, с. 26). В частности, 26 ноября 2023 г. в рамках культурно-просветительского проекта «Народы СССР в освобождении Ленинграда» и в связи с 80-летием прорыва блокады Ленинграда состоялось мероприятие «Герои

⁴ Декларация о союзническом взаимодействии между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией // Президент России. 22.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5777> (дата обращения: 23.03.2024).

Ленинграда: подвиг азербайджанцев в обороне Отечества»⁵;

4) наличие хорошо развитых транспортных коммуникаций;

5) создание общих механизмов регулирования экономики с целью формирования общего рынка. В частности, в 2023 г. Государственная служба по антимонопольному надзору и контролю за потребительским рынком Азербайджанской Республики получила доступ к 39 123 документам Росстандарта в целях стандартизации и обеспечения их прямого применения на территории Азербайджана⁶.

Россия выступает стратегическим партнером для Азербайджана. «В 2022 г. внешне-торговый оборот между Азербайджаном и Россией составил 3 млрд 710 млн долл. США, а удельный вес РФ в общем обороте составил 7,04 %. Объем внешней торговли между Азербайджаном и Россией в 2022 г. по сравнению с 2021 г. увеличился на 715 млн долл. США и вырос на 23,9 %. Российская Федерация в 2022 г. занимала третье место во внешней торговле Азербайджана. Первое место по внешнеторговому обороту занимала Италия (18 млрд 123 млн долл. США, или 34,4 %), второе — Турция (5 млрд 842 млн долл. США, или 11,09 %)» (Аллахвердиев, Мустафаев, 2023, с. 55).

«По данным Государственного комитета статистики Азербайджана, по итогам 2023 г. Россия заняла третье место среди торговых партнеров Азербайджана. По итогам 2023 г. внешнеторговый оборот Азербайджана и России достиг 4,3 млрд долл. США и увеличился на 17,5 % по сравнению с 2022 г. При этом

⁵ В Санкт-Петербурге состоялось мероприятие «Герои Ленинграда: Подвиг азербайджанцев в обороне Отечества» // Xalq qəzeti. 28.11.2023. URL: <https://xalqqazeti.az/ru/sosial-heyat/150623-sankt-peterburqe-sostoyalos-meropriyat-qeroi> (дата обращения: 23.12.2023).

⁶ Караваев А. Россия — Азербайджан: важные тенденции в экономических отношениях 2023 года // Каспийский институт стратегических исследований. 19.11.2023. URL: <https://caspiainstitute/product/karavaev-aleksandr/rossiya-azerbajdzhan-novye-tendencii-v-ehkonomicheskix-otnosheniyah-2023-goda-38593.shtml?ysclid=iraems82q6122914264> (дата обращения: 23.12.2023).

экспорт Азербайджана в Россию в 2023 г. составил 1,1 млрд долл. США и вырос на 22,7 %. В свою очередь, поставки российских товаров в Азербайджан достигли 3,1 млрд долл. США и увеличились на 15,6 %»⁷. Можно отметить, что по сравнению с 1995 г. внешнеторговый оборот вырос в 22,8 раза.

Необходимо отметить, что развитию торгово-экономического сотрудничества Азербайджана и России способствует поддержка со стороны правительств и министерств, которая обеспечивается в рамках «Программы сотрудничества между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Российской Федерации на период до 2024 года»⁸, «Плана действий по развитию ключевых направлений Российско-Азербайджанского сотрудничества на период до 2024 г.»⁹, «Соглашения между Министерством экономики Азербайджанской Республики и Министерством промышленности и торговли Российской Федерации об укреплении сотрудничества в области промышленности»¹⁰, «Соглашения между Министерством экономики Азербайджанской Республики и Министерством экономического развития Российской Федерации о развитии экономического сотрудничества»¹¹ и других документов.

Для расширения экономического сотрудничества и координации действий бизнеса было открыто «Представительство Российского экспортного центра в Баку, идут работы по созданию павильона Азербайджана во Всероссийском Выставочном Центре в Москве» (Əkbərov, 2021). Открытие именно в Российской Федерации первого торгового представительства Азербайджана за рубежом

является важным показателем приоритета развития экономических и торговых отношений двух стран.

Следует учитывать, что Азербайджан активно сотрудничает с Россией в топливно-энергетическом комплексе (Vidadili et al., 2017). По данным Дж. Дэвенпорт и Н. Уэйта, доказанные запасы нефти Азербайджана в 2022 г. составили 1 млрд т (0,4 % мировых запасов) и природного газа соответственно 2,5 трлн м³ (1,3 % мировых запасов) (Davenport & Wayth, 2023).

Важно отметить, что между Азербайджаном и Россией развивается активное инвестиционное сотрудничество (Насыева, 2023). «Объем взаимных прямых иностранных инвестиций составил свыше 4,5 млрд долл. США в 2023 г., причем 4,2 млрд долл. США приходится на российские инвестиции в Азербайджан. Всего на территории Азербайджана функционирует около 1000 предприятий с участием российского капитала в таких отраслях, как добыча и транспортировка нефти и газа, энергетика, химическая промышленность, нефтехимия, фармацевтика, машиностроение и другие» (Малахов, Серик, Забоев, 2023).

Крупнейшие российские инвестиции в Азербайджане направляются в разработку газоконденсатного месторождения Шах-Дениз на 2,9 млрд долл. США, осуществляемого «ЛУКОЙЛ»; в Южно-Кавказскую трубопроводную компанию, где вложения российского капитала составляют 300 млн долл. США; в развитие автозаправочных станций «ЛУКОЙЛ-Азербайджан» (115 млн долл. США) (Кузнецов и др., 2022).

В свою очередь, крупнейшими проектами Азербайджана на территории Российской Федерации выступают прямые иностранные инвестиции *Karat Holding* и *Azersun Holding* на сумму свыше 170 млн долл. США в период с 2014 по 2020 г. Вторым по объему инвестиционных вложений выступает приобретение инвестиционного портфеля Международным банком Азербайджана в размере 52 млн долл. США (Herrala, 2020).

Новым инвестиционным проектом должен стать проект по развитию транспортного

⁷ Салаев Э. Товарооборот Азербайджана и России вырос в 2023 году // Sputnik Азербайджан. 31.01.2024. URL: <https://az.sputniknews.ru/20240131/tovarooborot-azerbaydzhana-i-rossii-vyros-v-2023-godu-462291981.html> (дата обращения: 23.03.2024).

⁸ Документы, подписанные в рамках визита Президента Азербайджанской Республики И.Г. Алиева в Российскую Федерацию // Президент России. 01.09.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5333> (дата обращения: 23.03.2024).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

коридора «Север — Юг». «В сентябре 2022 г. Россия, Азербайджан и Иран по итогам трехсторонней встречи подписали совместную декларацию по данному проекту, а в мае 2023 года Россия и Иран подписали Соглашение о совместном строительстве железнодорожного участка Решт — Астара. На реализацию этого проекта выделяется межгосударственный кредит на сумму 1,3 млрд евро, из которого 85 % приходится на долю Российской Федерации» (Мартынова, 2023). Как отметил А. Скатын, генеральный директор «Навиния РУС», «объем перевозок по международному транспортному коридору „Север — Юг“ в первом квартале 2023 г. вырос вдвое — до 2,3 млн тонн. Данная компания выступает основной российской логистической компанией, которая находится в Азербайджане со своим офисом и может оперативно решать любые вопросы в сфере логистики между нашими странами»¹².

Важно отметить, что благодаря развитию транспортного коридора «Север — Юг» Азербайджан в ближайшие годы может стать стратегическим транзитным хабом для Российской Федерации, которая заинтересована в развитии альтернативных транспортно-логистических коридоров в силу введения экономических санкций со стороны почти 50 государств мира. Причем азербайджанская компания *ADY Express* уже сейчас осуществляет инвестирование в строительство четырех терминалов в иранской Астаре в рамках развития транспортного коридора «Север — Юг», данные терминалы планируется ввести в эксплуатацию в 2024 г.

Как показывают результаты исследования, в настоящее время свыше 70 субъектов Российской Федерации осуществляют экономическое сотрудничество с Азербайджаном. Лидерами по межрегиональному товарообороту с республикой в 2022 г. выступали Москва, Краснодарский край, Ставропольский

край, Московская область, Свердловская область, Республика Татарстан, Волгоградская область, Саратовская область и город Санкт-Петербург¹³.

В рамках «Декларации о союзническом взаимодействии между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией»¹⁴ стороны договорились более активно использовать национальные валюты во взаимных расчетах, обеспечивать взаимодействие платежных систем, включая совместное обслуживание банковских карт, а также развивать прямые корреспондентские отношения между банками обеих стран. Следует заметить, что «уже в 2022 г. более 30 % товарооборота между Азербайджаном и Россией проводилось в национальных валютах»¹⁵. По нашему мнению, именно увеличение расчетов с применением национальных валют становится важным приоритетом экономического сотрудничества между Россией и Азербайджаном.

Банковский сектор Азербайджана включает 24 банка, 10 из которых — с иностранным капиталом (около 25 % всех активов банковской системы). Общий объем активов банковского сектора достигает 33 % ВВП. Государственные банки составляют 19,2 % всех активов банковской системы (Rəhmanov & Süleymanov, 2021). В 2022 г. президент Азербайджана подписал распоряжение, согласно которому приватизация системообразующих банков не предусматривается¹⁶. При

¹³ Михаил Мишустин принял участие в работе XI Российско-Азербайджанского межрегионального форума // Правительство России. 17.11.2022. URL: <http://government.ru/news/47065/> (дата обращения: 22.11.2023).

¹⁴ Декларация о союзническом взаимодействии между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией // Президент России. 22.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5777> (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁵ Тагиева А. Год союзничества: что Азербайджану и России дала Московская декларация // Sputnik Азербайджан. 21.02.2023. URL: <https://az.sputniknews.ru/20230221/god-soyuznichestva-chto-azerbaydzhanu-i-rossii-dala-moskovskaya-deklaratsiya--451967351.html> (дата обращения: 22.11.2023).

¹⁶ Хайдаршина Г. Азербайджан: потенциал превращения в региональный финансовый центр // Газпромбанк. 22.05.2023. URL: <https://investfunds.ru/analytics/351110/download/> (дата обращения: 11.12.2023).

¹² Россия — Азербайджан: Стратегия делового взаимодействия, возможности для сотрудничества и партнерства // Российско-азербайджанский диалог. 21.07.2023. URL: <https://ruazdialog.ru/2023/07/21/rossiya-azerbaydzhan-strategiya-delo/> (дата обращения: 22.11.2023).

этом в случае кризиса эти банки будут иметь приоритет в получении господдержки.

Среди важных проектов, реализуемых в рамках банковского сотрудничества, необходимо выделить следующие: «*Международный Банк Азербайджана и Росэксимбанк*, один из ведущих банков России, подписали меморандум о сотрудничестве, о чем было заявлено на заседании Азербайджано-российской межправительственной комиссии в Москве. Согласно соглашению, оба банка будут участвовать в торговых отношениях между Азербайджаном и РФ, а также оказывать взаимную поддержку в ряде секторов. Приоритетным направлением взаимодействия станет возможность финансирования инвестиционных проектов, направленных на развитие инфраструктуры, информационных технологий, энергетического комплекса и агропромышленного комплекса. Кроме того, банки будут вместе работать над проектами в сфере обеспечения сохранности окружающей среды, использования природных ресурсов и применения „зеленых“ технологий»¹⁷.

Банк «*МБА-МОСКВА*», являясь экспертом в области торговых отношений между Россией и Азербайджаном, способствует выходу российских компаний на азербайджанский рынок. Работа Банка в области внешнеэкономической деятельности направлена на общее развитие торгово-экономических взаимоотношений между Азербайджаном и Россией и, как результат, увеличение торгового оборота между двумя странами¹⁸.

По нашему мнению, важную роль играют и другие российские банки в Азербайджане. В частности, «приход *Группы ВТБ* в Азербайджан не случаен: в стратегии международного

развития приоритет делается на эффективное продвижение бизнеса на пространстве СНГ» (Мамедов, Намазов, 2021, с. 1078).

Для развития деловых коммуникаций между Азербайджаном и Россией организуются межрегиональные форумы, и такие мероприятия играют важную роль в развитии двустороннего сотрудничества. Кроме того, в 2023 г. стала функционировать ассоциация «*Российско-азербайджанский диалог*»¹⁹, которая представляет собой деловое объединение, объединяющее российские и азербайджанские деловые круги с целью роста международного бизнес-взаимодействия, расширения коммуникаций и связей между странами, направленных на продвижение инвестиционных проектов и развитие торгово-экономических отношений. Создание Ассоциации поддержали отраслевые и общественные объединения бизнеса двух стран, финансовые и правительственные структуры.

Важно отметить, что в настоящее время ЕАЭС и Азербайджан демонстрируют устойчивое экономическое развитие, а также рост взаимной торговли и прямых иностранных инвестиций. «Для Азербайджана в рамках реализации концепции евразийства перспективным направлением сотрудничества выступает укрепление экономического взаимодействия с государствами — членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» (Базавлук, Курылев, Савин, 2022). Важно отметить, что в настоящее время ЕАЭС демонстрирует устойчивое экономическое развитие и рост взаимной торговли и прямых иностранных инвестиций (Syssoyeva, 2015). Проблемы роста военной напряженности в странах Азии, отмечаемые Э. Золинген (Solingen, 2007), заставляют государства искать новые формы экономического сотрудничества, содействующие укреплению мира в регионе.

Важным направлением развития экономического партнерства Азербайджана с ЕАЭС стало участие президента Азербайджана И. Алиева в заседании Высшего Евразийского

¹⁷ Международный Банк Азербайджана начинает сотрудничество в сфере экспорта с еще одним российским банком // *Finance Time*. 29.04.2021. URL: <https://www.financetime.az/russian/news/news-view.php?id=27605> (дата обращения: 22.12.2023).

¹⁸ Заур Гарайсаев выступил на круглом столе «Россия — Азербайджан: стратегия делового взаимодействия» // Банк «МБА-Москва». 19.04.2023. URL: https://www.ibam.ru/about/news/zaur-garaisaev-vystupil-na-kruglom-stole-rossiya-azerbaydzhan-strategiya-delovogo-vzaimodeystviya/?utm_referre (дата обращения: 11.12.2023).

¹⁹ Объединение деловых кругов России и Азербайджана // РБК. 19.07.2023. URL: <https://presscentr.rbc.ru/tpost/f7h51mjo81-obedinenie-delovih-krugov-rossii-i-azerb> (дата обращения: 22.12.2023).

экономического совета в качестве гостя 25 мая 2023 г. Как отметил в своем выступлении И. Алиев, «сотрудничество Азербайджана со странами — членами ЕАЭС, за исключением Армении, успешно развивается на протяжении 30 лет. Существуют серьезные предпосылки нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией на основе взаимного признания территориальной целостности и суверенитета»²⁰.

Можно ожидать, что «в рамках современной политики Азербайджан будет развивать более тесное экономическое сотрудничество с государствами — членами Евразийского экономического союза» (Пантин, 2022). Как показывает исследование, «товарооборот Азербайджана со странами ЕАЭС в 2022 г. составил 4,7 млрд долл. США и вырос на 31 % по сравнению с 2021 г. В 2022 г. доля государств — членов ЕАЭС во внешнеторговом обороте Азербайджана достигла 9 %»²¹. Необходимо подчеркнуть, что Азербайджан осуществляет «необходимые шаги для дальнейшего расширения торгово-экономического сотрудничества с ядром ЕАЭС, которое составляют Россия, Беларусь и Казахстан» (Abışlı & Səbrayilov, 2022).

Приоритеты развития экономического сотрудничества между Азербайджаном и ЕАЭС, на наш взгляд, должны опираться на зону свободной торговли СНГ и взаимодействие с системой экономического регулирования Евразийского экономического союза. Азербайджану в рамках поэтапного сближения с ЕАЭС на первом этапе можно предусмотреть заключение Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом, как это сделала Китайская Народная Республика. Далее необходимо рассчитывать на получение статуса наблюдателя в ЕАЭС. Безусловно, в

перспективе Азербайджан имеет все возможности стать полноправным членом в данной международной организации. Если бы не политическая напряженность между Азербайджаном и Арменией, данный процесс протекал бы более быстрыми темпами, поскольку созданы все экономические предпосылки к подобной интеграции.

Следует обратить внимание, что из-за геополитической ситуации государства — члены ЕАЭС стали более активно осуществлять грузопоставки через Азербайджан. В частности, только в 2022 г. транзитные перевозки между Россией и Азербайджаном увеличились почти в 2 раза, а с Казахстаном — более чем в 4 раза по сравнению с предыдущим годом²².

В настоящее время закладываются основы Большого евразийского партнерства, которое будет осуществляться в различных форматах разноскоростной интеграции и двустороннего взаимодействия стран. При этом в основу проекта, инициированного президентом России В.В. Путиным, положена задача преодоления глобальной турбулентности посредством политической стабильности и экономической заинтересованности государств в создании Большой Евразии. В рамках взаимоотношений Азербайджана и России данный проект нацелен на обеспечение безопасности государств, расширение возможностей использования общих транспортных коридоров и развитие новых форм сотрудничества в политике, экономике, культуре и гуманитарной сфере.

Важным фактором углубления экономического взаимодействия России и Азербайджана выступает расширение гуманитарного сотрудничества. При этом растут количество реализуемых научно-технологических и инновационных проектов и число научных и студенческих обменов, разрабатываются сов-

²⁰ Алиев указал на наличие предпосылок для нормализации отношений Баку и Еревана // ТАСС. 25.05.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17844965> (дата обращения: 17.12.2023).

²¹ Президент: Мы видим большой потенциал для дальнейшего роста товарооборота // АЗЕРТАДЖ. 25.05.2023. URL: <https://azertag.az/ru/xeber/2632193> (дата обращения: 17.12.2023).

²² Тагиева А. На пути к интеграции: какие инфраструктурные возможности Азербайджана интересны ЕАЭС // Sputnik Азербайджан. 15.08.2023. URL: <https://az.sputniknews.ru/20230815/na-puti-k-integratsii-kakie-infrastrukturnye-vozmozhnosti-azerbaydzhana-interesny-aeas-457698491.html> (дата обращения: 27.03.2024).

местные программы по подготовке высокопрофессиональных кадров (Глобальные экономические тренды и позиция России, 2022).

В интервью телеканалу «Россия 24» президент Азербайджанской Республики И. Алиев отметил: «Знание русского языка — это и потребность и... дань уважения нашим историческим связям. Сегодня я вижу, как это востребовано в обществе»²³. Большое влияние на сохранение статуса русского языка в Азербайджане оказывает отношение к нему азербайджанской молодежи, которая все больше осознает, что наряду с владением государственным азербайджанским языком обязательно владение и русским как одним из мировых языков и языков межнационального общения на постсоветском пространстве. Это в настоящее время является насущной необходимостью. Русский язык является средством профессионального роста, одним из важнейших условий конкурентоспособности специалистов в республике (Aliyev & Künü, 2023). «В Азербайджане активно поддерживают русский язык, на нем получают высшее и среднее образование десятки тысяч местных школьников и студентов. Важно отметить, что более 15 тыс. азербайджанцев учатся в российских вузах... В 2010 г. в Баку открылся филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, а в 2015 — филиал Первого Московского медицинского университета им. Сеченова»²⁴.

В Азербайджанском государственном экономическом университете (*Azerbaijan State University of Economics, UNEC*) русский язык выступает в двух ракурсах: как язык обучения в русском секторе и как иностранный язык — в азербайджанском секторе. Около 20 % студентов предпочитает учиться на русском языке, поэтому по инициативе ректора UNEC был создан отдельный факультет с

обучением на русском языке. Работу этого факультета планируется развивать совместно с Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом. Кроме того, Азербайджанский государственный экономический университет — единственный зарубежный университет, который имеет филиал на территории Российской Федерации, в Дербенте. Граждане России учатся бесплатно, поступая по результатам ЕГЭ. Данный филиал стал первым зарубежным иностранным филиалом на территории России, получившим государственную лицензию.

Немаловажное значение в процессе установления гуманитарного и экономического сотрудничества играют диаспоры, представленные в странах: по оценкам экспертов, на территории Российской Федерации проживает до 2 млн азербайджанцев²⁵, а в Азербайджане — более 150 тысяч русских²⁶.

Заключение

Как показали результаты исследования, в условиях турбулентности глобальных процессов и роста политической напряженности в отношении основных стран, добывающих и экспортирующих углеводородные ресурсы на международные рынки, приоритетом для Российской Федерации и Азербайджанской Республики становится укрепление добрососедских отношений и расширение экономического сотрудничества. Подводя итоги, можно отметить, что ключевые документы и соглашения, подписанные двумя странами, создают объективные предпосылки для углубления международной кооперации и

²⁵ В России живут 2 млн азербайджанцев, а в Азербайджане 100 тыс. человек изучают русский язык // Интерфакс-Азербайджан. 10.10.2013. URL: <https://interfax.az/print/588793/ru> (дата обращения: 27.03.2024).

²⁶ Ибрагимов А. Гейдар Алиев заложил основы стратегического партнерства между Россией и Азербайджаном // Российский совет по международным делам. 13.02.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/alimusa-ibragimov/geydar-aliev-zalozhil-osnovy-strategicheskogo-partnerstva-mezhdu-rossii/> (дата обращения: 27.03.2024).

²³ Ильхам Алиев: Отдавая дань уважения русскому языку, мы ни в коей мере не ущемляем свой язык // Report. 26.12.2018. URL: <https://report.az/ru/nauka-i-obrazovanie/prezident-uvazhaya-russkij-yazyk-my-ne-ushemlyаем-svoj-yazyk/> (дата обращения: 17.12.2023).

²⁴ Алиев Э. Отношения России и Азербайджана. 30 лет партнерства и новые перспективы // ТАСС. 04.04.2022. URL: <https://tass.ru/politika/14270545> (дата обращения: 27.03.2024).

развития внешнеэкономического сотрудничества во всех сферах деятельности.

Для расширения внешней торговли страны должны осуществлять последовательные шаги по сокращению тарифных и нетарифных барьеров. Причем в настоящее время закладываются основы формирования общего экономического пространства на основе применения российских ГОСТов. Развитию международного сотрудничества двух стран способствует создание институтов поддержки экономического сотрудничества и продвижения бизнеса через систему государственных и общественных объединений. Причем представительства по поддержке российского бизнеса на территории Азербайджана существуют как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Готовность России к долгосрочному сотрудничеству с Азербайджаном подтверждается ростом прямых инвестиций в азербайджанскую экономику и созданием более 1000 предприятий в республике с участием российского капитала. Причем особое внимание уделяется развитию инновационных технологий и реализации инвестиционных проектов с учетом интересов азербайджанской стороны. Авторы пришли к выводу, что

финансово-банковская интеграция и переход на использование национальных валют в расчетах способствует расширению экономического сотрудничества двух стран.

Как показало исследование, в настоящее время Азербайджан становится стратегическим международным транспортно-логистическим центром, обеспечивающим эффективное продвижение российской продукции на рынки стран Азии. Причем данный проект приводит к созданию совместных логистических организаций на территории двух стран. Важным условием развития совместного бизнеса выступает общность интересов в гуманитарной сфере, включая приоритет получения образования в республике на русском языке с целью повышения конкурентоспособности азербайджанского бизнеса на российском рынке. Приоритетным направлением расширения экономического партнерства может стать не только участие двух стран в Содружестве Независимых Государств, но и реализация проекта Большой Евразии, а также поэтапная интеграция Азербайджана с Евразийским экономическим союзом при безусловной поддержке со стороны Российской Федерации.

Поступила в редакцию / Received: 19.01.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 29.03.2024

Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- Аллахвердиев Э. М., Мустафаев Т. Г. Экономическое и инвестиционное сотрудничество Азербайджана и РФ // *Инновации и инвестиции*. 2023. № 8. С. 55–59. EDN: EIVWCQ
- Базавлук С. В., Курылев К. П., Савин Л. В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 1. С. 30–42. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42>; EDN: TEDNBW
- Виттенберг Е. Я., Пивовар Е. И. Российско-азербайджанское сотрудничество в сфере бизнеса: достижения, проблемы, перспективы // *Труды института постсоветских и межрегиональных исследований*. 2020. № 3. С. 9–102. EDN: YROOSJ
- Глобальные экономические тренды и позиция России / под общ. ред. И. Н. Платоновой, М. А. Максаковой. Москва : Издательский дом «Научная библиотека», 2022.
- Котилко В. В. Механизмы инновационного сотрудничества России и стран СНГ. Москва : LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
- Кузнецов А., Винокуров Е., Малахов А., Забоев А. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР — 2022. Москва : Евразийский банк развития, 2022.
- Малахов А., Серик Е., Забоев А. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР — 2023. Алматы : ЕАБР, 2023.
- Мамедов З. Ф., Намазов В. Ф. Финансовый рынок Азербайджана: новые тренды и перспективы // *Финансы и кредит*. 2021. Т. 27, № 5. С. 1074–1092. EDN: EIRNTR

- Мартынова Е.* Международные транспортные коридоры как фактор формирования Большого евразийского партнерства // *Россия и новые государства Евразии*. 2023. № 3. С. 68–77. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-68-77>; EDN: ZAWISE
- Новая парадигма развития международных экономических отношений: вызовы и перспективы для России / под ред. Т. М. Исаченко, Л. С. Ревенко. Москва : МГИМО-Университет, 2022.
- Пантин В. И.* Идеологические основы евразийской экономической интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 17–29. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29>; EDN: ХАКЛВР
- Пивовар Е. И.* Особый правовой статус Каспия. Итоги и перспективы V Каспийского саммита в Актау // *Вестник РГГУ*. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2019. № 1. С. 12–32. EDN: ХНУЕАР
- Смелков К. А.* Экономический анализ нефтяного рынка США: основные факторы и перспективы развития // *Фундаментальные исследования*. 2023. № 6. С. 47–52. <https://doi.org/10.17513/fr.43470>
- Филькевич И. А.* Новая эра. Глобализация и Россия: история, реалии, перспективы. Москва : Изд-во МГИПК и ПК, 2006. EDN: QOISDZ
- Абишли Л. В., Сабрайлов İ. İ.* Müasir dövrdə Azərbaycanın iqtisadi inkişafının aktual məsələləri // *AMEA-nın Xəbərləri*. İqtisadiyyat seriyası. 2022. No. 4. P. 27–34.
- Алиев Р., Күнү С.* Eğitim, bilim, sosyal güvenlik ve sağlık harcamalarının ekonomik büyümeye etkisi: Azerbaycan örneği // *KAÜİİBFD*. 2023. No. 14 (27). P. 249–275. <https://doi.org/10.36543/kauiibfd.2023.010>
- Davenport J., Wayth N.* 72nd edition Statistical Review of World Energy. London : Energy Institute, 2023.
- Əkbərov N.* Milli iqtisadiyyatın institusional idarəetmə çəvikliyinin təmini məsələləri // *AMEA-nın Xəbərləri*. İqtisadiyyat seriyası. 2021. No. 4. P. 37–44.
- Насијева Р.* Azərbaycan iqtisadiyyatına investisiya qoyuluşlarının dövlət strategiyası və onun əsas komponentləri // *AMEA-nın Xəbərləri*. İqtisadiyyat seriyası. 2023. No. 4. P. 32–36.
- Herrala R.* Capital Controls in an Integrated World: A Review of Recent Developments, Policies and the Academic Debate // *BOFIT Policy Brief*. 2020. Vol. 9. P. 1–19. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/251696/1/bpb2009.pdf> (accessed: 17.12.2023).
- Mamedov Z.* Russian Bank Expansion in CIS Countries and CIS Bank Participation in the Russian Market // *The Caucasus & Globalization*. 2008. Vol. 2, no. 1. P. 61–70. EDN: PZDAVP
- Rəhmanov F., Süleymanov E.* Azərbaycan iqtisadiyyatı: makroiqtisadi analiz. Bakı : MCV nəşri, 2021.
- Solingen E.* Pax Asiatica versus Bella Levantina: The Foundations of War and Peace in East Asia and the Middle East // *American Political Science Review*. 2007. Vol. 101, iss. 4. P. 757–780. <https://doi.org/10.1017/S0003055407070487>
- Sysoyeva R.* Eurasian Integration as a Way to Respond to Global Challenges [dissertation]. Leioa : University of the Basque Country, 2015.
- Vidadili N., Suleymanov E., Bulut C., Mahmudlu C.* Transition to Renewable Energy and Sustainable Energy Development in Azerbaijan // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2017. No. 80. P. 1153–1161.

Сведения об авторах:

Филькевич Игорь Александрович — доктор экономических наук, профессор, ведущий специалист Высшей школы промышленной политики и предпринимательства, Российский университет дружбы народов; исследователь Международного научно-исследовательского центра евразийской экономики, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC); главный научный сотрудник Центра евразийских исследований, Научно-исследовательский институт экономических стратегий; eLibrary SPIN-код: 2620-4037; ORCID: 0000-0003-0398-2575; e-mail: filk66@mail.ru

Мамедов Захид Фаррух — доктор экономических наук, профессор, руководитель Международного научно-исследовательского Центра евразийской экономики, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC); eLibrary SPIN-код: 4640-3857; ORCID: 0000-0001-6425-8690; e-mail: prof.zahid.mamed@mail.ru

Губадова Айбениз Анвар кызы — PhD (экономика), доцент кафедры прикладной экономики, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC); eLibrary SPIN-код: 7316-5085; ORCID: 0000-0001-7418-5085; e-mail: a.gubadova@unec.edu.az

Мамедова Севда Керим кызы — PhD (экономика), руководитель Исследовательского центра экономики здравоохранения, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC); eLibrary SPIN-код: 9429-8791; ORCID: 0000-0002-8306-4135; e-mail: dr.m.sevda@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-204-215

EDN: VQVUIP

Научная статья / Research article

Алжирско-российские отношения: стратегическое партнерство в эпоху геополитики

Л. Сур

Университет Мустафы Стамбули Маскара, Алжир, Алжир

 l.sour@univ-mascara.dz

Аннотация. Раскрывается проблематика современных отношений Алжира и России. Актуальность темы обусловлена тем, что в последние годы отношения между двумя странами претерпели качественную трансформацию, поскольку связи в военной сфере расширились до экономических отношений и инвестиционного сотрудничества, что привело к новой динамике в двусторонних отношениях. В условиях растущей взаимозависимости обе страны также обращают внимание на политику крупных держав, особенно западных, и традиционное двустороннее стратегическое сотрудничество углубляется для решения новых геостратегических задач, что во многом будет определять их будущее направление. В этих условиях важно проанализировать формирующуюся геополитическую динамику и определить ее влияние на стратегические аспекты двусторонних отношений. Исследование призвано выделить ключевые события в этих отношениях и сделать упор на их развитие в эпоху геополитической напряженности. Методологически исследование базируется на политическом реализме. Основными источниками для анализа служат материалы аналитических центров, выступления официальных должностных лиц и др. Выявлены факторы, лежащие в основе современного сотрудничества между Алжиром и Россией, и проанализировано влияние геополитической динамики на это сотрудничество. Обе страны рассматривают друг друга как важных партнеров в деле обеспечения безопасности в отдельных регионах, например в Северной Африке и Сахеле, а также как партнеров в более амбициозных проектах политического и стратегического характера.

Ключевые слова: алжирско-советские отношения, двусторонние отношения, безопасность, военные силы, Ближний Восток, Северная Африка

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сур Л. Алжирско-российские отношения: стратегическое партнерство в эпоху геополитики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 204–215. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-204-215>

Algeria — Russia Relations: Strategic Partnership in the Age of Geopolitics

Lotfi Sour

University of Mustapha Stambouli Mascara, Algiers, Algeria

 l.sour@univ-mascara.dz

Abstract. The relationship between Algeria and Russia is stronger than at any other time in history. While this may be true in most regards, the historical narratives help to decipher how the Algerian-Russian relationship has evolved to its current state. The problems of modern relations between Algeria and Russia are revealed. The

© Сур Л., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

relevance of the topic is linked to the fact that relations between the two countries have undergone a qualitative change in recent years, as military ties have expanded to include economic relations and investment cooperation, leading to a new dynamic in bilateral relations. With growing interdependence, the two countries are also paying attention to the policies of major powers, especially Western powers, and the traditional bilateral strategic cooperation is deepening to address new geostrategic challenges, which will largely determine their future direction. Under these circumstances, it is important to analyze the emerging geopolitical dynamics and determine its impact on the strategic aspects of the bilateral relations. This article aims to highlight the main developments in these relations and to emphasize their evolution in the era of geopolitical tensions. Methodologically, the study is based on political realism. The main sources of the analysis are materials of think tanks, speeches of official officials and others. The study shows what underlies the current cooperation between Algeria and Russia and how geopolitical dynamics affect it. Both countries see each other as important security partners in certain regions, such as North Africa and the Sahel, and as partners in more ambitious projects of a political and strategic nature.

Key words: Algerian-Soviet relations, bilateral relations, security, military, Middle East, North Africa

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Sour, L. (2024). Algeria — Russia relations: Strategic partnership in the age of geopolitics. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 204–215. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-204-215>

Введение

Отношения Алжира и России сложились задолго до создания современных государств — Алжирской Народной Демократической Республики и Российской Федерации. Фактически начало взаимодействию было положено в конце XVIII в., когда во время правления императрицы Екатерины Великой был подписан первый двусторонний договор (Davison, 1976).

Исторически отношения Алжира и России продемонстрировали свою устойчивость, выдерживая различные трансформации геостратегического ландшафта. Алжирско-российские связи сохранили свою стратегическую направленность и стабильность благодаря совпадению интересов и взаимному доверию. Своей стабильностью и устойчивостью эти отношения обязаны наследию постколониальных связей периода холодной войны, а также уникальным траекториям развития двух стран.

Теоретическим основанием этой статьи является реализм, поскольку для исследования отношений Алжира и России обычно используют традиционные реалистические подходы, характерные для анализа двусторонних связей.

Россия рассматривает Алжир как ценного союзника в реагировании на вызовы региональной безопасности и как партнера в более широких политических и стратегических

проектах. На геополитические перспективы Алжира влияет его центральное расположение в регионе Северной Африки, в котором идет борьба за политическое и экономическое влияние между региональными и внерегиональными державами. Такое сочетание системных и несистемных переменных оправдывает актуальность классических реалистических концепций, поскольку рассмотрение каждой из них отдельно было бы недостаточным. Следовательно, реалистическая парадигма по существу рассматривает отношения исходя из целесообразности и геополитических соображений, ведь алжирско-российские отношения основываются на конкретных геостратегических расчетах.

В первом разделе статьи автор рассматривает историю алжирско-российских отношений, уделяя особое внимание последнему десятилетию. Во втором разделе представлена взаимосвязь между возрождением России в качестве глобального игрока и тем, какое значение этот контекст имеет для алжирско-российских отношений. В третьей части статьи выделены реалии и проблемы двусторонних отношений, особенно в трех основных областях: военной, политической и в сфере безопасности.

Алжирско-российские отношения: от СССР к Российской Федерации

Вне всякого сомнения, и Алжир, и Россия придают большое значение историческому

контексту своих отношений. Оба государства рассматривают сегодняшние отношения как часть давней истории, где позитивное прошлое закрепляет как нынешние, так и будущие отношения, и эта историческая преемственность сохраняется даже с учетом меняющихся обстоятельств в обеих странах. Этот исторический контекст отношений Алжирской Республики и Российской Федерации насчитывает десятилетия, начиная с длительной войны Алжира за независимость. Во время этого конфликта Советский Союз оказывал Алжиру политическую, военную и финансовую поддержку (Zoubir, 1987a). СССР предоставил военную помощь алжирскому Фронту национального освобождения (ФНО, *Front de Libération nationale*), головной организации, которая координировала борьбу против колониальной Франции (Shrader, 1999). Советский Союз был первой страной в мире, признавшей временное правительство Алжирской Республики в октябре 1960 г., а 23 марта 1962 г. его легитимность была подтверждена путем установления дипломатических отношений между Москвой и Алжиром (Mousli, 2019, p. 285).

Эпоха Ахмеда бен Беллы (1962–1965 гг.)

Алжир имел решающее значение для советской политики в Магрибе не только потому, что обе страны часто выражали единую позицию по основным политическим вопросам, но и из-за ведущей роли Алжира в делах «третьего мира». С момента обретения независимости в 1962 г. Алжир смог завоевать репутацию стабильного революционного социалистического государства, чей прагматизм позволил ему установить хорошие отношения с обоими блоками (Zoubir, 1987a). Независимость Алжира в июле 1962 г. была тепло встречена Советским Союзом, который в сентябре 1963 г. предоставил стране кредит в 100 млн долл. США. Основным фактором, сблизившим СССР и Алжир, была потребность последнего в модернизации армии. Между 1964 и 1966 гг. Алжир получил значительное количество военной техники из Советского Союза, в результате чего Алжир

при А. бен Белле стал вторым по величине получателем советской помощи в Африке после Египта (Zoubir, 1987a).

Важно отметить, что Советский Союз сыграл решающую роль в содействии промышленному развитию Алжира, поддерживая такие ключевые отрасли, как энергетика, горнодобывающая промышленность и металлургия, машиностроение и водное хозяйство. Советская помощь распространялась на строительство различных объектов, в том числе металлургических комбинатов в Эль-Хаджаре и г. Аннабе, теплоэлектростанции в г. Жижель, газопровода Альрар — Тинфуйе — Хасси-Мессауд, а также плотин Бени-Зид и Тилезит (Жерлицына, 2015).

В конце 1963 г. Москва предоставила Алжиру кредиты на сумму около 200 млн долл. США для приобретения советской техники и технического оборудования, а также согласилась покупать алжирскую сельскохозяйственную продукцию и полезные ископаемые, такие как ртуть и свинец. После пограничных столкновений с Марокко в октябре-ноябре 1963 г. Москва стала также основным поставщиком военной техники для Алжира в гонке вооружений между двумя североафриканскими странами. В следующем году СССР обязался построить учебный нефтехимический и исследовательский институт (Ottoway & Ottoway, 1970).

Весной 1964 г. первый президент Алжира А. бен Белла посетил Москву, где ему вручили Ленинскую премию мира и присвоили звание Героя Советского Союза в знак того, что Алжир стал самым важным социалистическим союзником СССР на Ближнем Востоке. Для сравнения: президент Египта Гамаль Абдель Насер был удостоен такой награды только спустя месяц в ходе визита Н.С. Хрущева в Египет. Одна из основных причин оказания СССР такой поддержки Алжиру заключалась в преследовании еще одной цели в регионе, а именно — в устранении китайского влияния (Vugne, 2009).

Эпоха Хуари Бумедьена (1965–1976 гг.)

Военный переворот, в результате которого 19 июня 1965 г. был свергнут А. бен Белла,

чрезвычайно беспокоил Советский Союз. Более того, серьезные опасения вызывал антикоммунизм нового алжирского лидера, Х. Бумедьена, и Москва опасалась, что Алжир может пойти по непредсказуемому пути развития.

Через шесть месяцев после переворота Х. Бумедьен посетил Москву. Хотя его прием был не таким впечатляющим, как прием А. бен Беллы, Х. Бумедьену удалось получить гораздо больше экономической и военной помощи, чем его предшественнику (Zoubir, 1987a). В 1960–1970-е гг. двустороннее сотрудничество достигло своего пика, а 1970-е гг. впоследствии были описаны как «золотой век» алжирско-советского взаимодействия, когда внешняя политика Алжира была направлена на укрепление связей с антиимпериалистическими державами мира, включая Советский Союз (John, 1968, p. 342).

Совместимость идеологий Алжира и СССР основывалась на близости политических точек зрения и устремлений и включала борьбу за схожие ценности и идеалы. Обе стороны были полны решимости бороться с империализмом, колониализмом и неоколониализмом ради «свободы», национальной независимости, мира и мирного сосуществования. Более того, обе страны имели схожее отношение ко многим внешнеполитическим действиям США, что и было отмечено в совместном коммюнике, опубликованном 18 декабря 1965 г. после визита Х. Бумедьена в Москву¹. Американский империализм в Южном Вьетнаме и агрессия США против Демократической Республики Вьетнам рассматривались обеими странами как серьезная угроза миру во всем мире. Однако политика Советского Союза не всегда оказывалась совместимой с общеарабскими проблемами, наиболее важными для Алжира, особенно во время Октябрьской войны 1973 г. (Dawisha, 1981, pp. 50–51).

¹ Le président Boumediene fait à Moscou son premier voyage hors d'Afrique // *Le Monde*. 14.12.1965. URL: https://www.lemonde.fr/archives/article/1965/12/14/le-president-boumediene-fait-a-moscou-son-premier-voyage-hors-d-afrique_2193276_1819218.html (accessed: 10.10.2023).

В конце 1970-х гг. 90 % алжирской военной техники имело советское происхождение (Grimaud, 1984). По оценкам российской прессы, в период с 1962 по 1989 г. Москва поставила в Алжир военной техники на 11 млрд долл. США, что соответствует 70–80 % военных запасов Алжира, и это оружие было оплачено в основном за счет кредитов, предоставленных Советским Союзом Алжиру на аналогичную сумму (Katz, 2007, p. 152).

Москва вносила свой вклад и в развитие горнодобывающего сектора Алжира, открывая свои учебные центры и университеты для молодых алжирских выпускников, обучавшихся наряду с представителями других африканских и арабских стран. Многие руководители, инженеры и офицеры молодой Алжирской Республики получили советское образование, которое укреплялось матримониальными (межнациональные браки) и культурными (изучение языка) связями.

Эпоха после Х. Бумедьена

Когда 27 декабря 1978 г. Х. Бумедьен умер, СССР был обеспокоен дальнейшим политическим развитием Алжира. В соболезнованиях, направленных советским руководством в адрес алжирского народа, подчеркивалось, что Х. Бумедьен был «большим другом Советского Союза» (Zoubir, 1987a) и что Конституция Алжира подтвердила социалистическую ориентацию в развитии страны. Хотя не было никаких признаков того, что Алжир собирается изменить курс своего политического развития, СССР, вероятно, обеспокоило решение нового президента Шадли Бенджедиды устранить с политического Олимпа деятелей ФНО, чьи идеологические позиции казались слишком радикальными. Кроме того, либеральные реформы Ш. Бенджедиды, развернутые в начале 1980-х гг., вызвали обеспокоенность СССР в свете их влияния на будущую траекторию двусторонних отношений (Mortimer, 2015).

Доподлинно известно, что Ш. Бенджедид не был последователем Х. Бумедьена и

занимал нейтральную позицию относительно политической или идеологической принадлежности к социализму. За время его правления политические тенденции в Алжире развернулись на 180 градусов в сторону западного блока. Например, он был первым президентом Алжира, посетившим Париж. Кроме того, американо-алжирские отношения значительно потеплели в результате посреднической роли Алжира в освобождении американских заложников в Иране в начале 1981 г. (Iratni, 1986).

Алжирско-советские отношения, в свою очередь, не были такими же, как и в 1970-е гг., но сохраняли свою динамику. Например, во время визита в Москву в марте 1986 г. Ш. Бенджедид и М.С. Горбачев осудили действия американцев в заливе Сидра (Kullaa, 2021, p. 222). Однако к концу 1980-х гг. помощь Алжиру из Москвы резко сократилась и в итоге сошла на нет, хотя алжирские военные лидеры продолжали пользоваться политической поддержкой России в течение «черного десятилетия» 1992–2002 гг. (Mokhefi, 2015).

Алжирско-российские отношения в постсоветский период

После распада Советского Союза в декабре 1991 г. ближневосточная политика России, как и ее внешняя политика в целом, претерпела существенную трансформацию. В этом контексте отношения Алжира с Москвой стали менее конструктивными. Фактически в 1990-е гг. российско-алжирское сотрудничество прекратилось, поскольку оба правительства столкнулись с серьезными внутренними проблемами (Титоренко, 2006).

В то время как российская экономика находилась в состоянии «свободного падения», Алжир переживал вооруженный конфликт между силами безопасности страны и радикальными исламистскими повстанцами («черное десятилетие»), в результате которого погибло 200 тыс. человек (Pennell, 2021). В то же время решение Алжира присоединиться в 2000 г. к «Средиземноморскому диалогу» Организации Североатлантического

договора (НАТО)² стало источником напряженности в отношениях между Алжиром и Москвой.

Однако после того как в странах пришли к власти А. Бутефлика (в 1999 г.) и В.В. Путин (в 2000 г.), двусторонние отношения начали улучшаться. В 2001 г. А. Бутефлика совершил официальный визит в российскую столицу вскоре после визита министра иностранных дел России И.С. Иванова в Алжир. Во время визита А. Бутефлика в Москву была подписана первая двусторонняя декларация о стратегическом партнерстве, что, вероятно, должно было сбалансировать решение Алжира присоединиться к «Средиземноморскому диалогу». Кроме того, оба лидера обсудили вопросы поставок вооружения, а также сотрудничество в области развития топливно-энергетического сектора Алжира³.

Исторический визит В.В. Путина в Алжир в марте 2006 г. также стал переломным моментом в двусторонних отношениях. В.В. Путин стал первым высокопоставленным лидером из Москвы, посетившим Алжир с 1969 г. Примечательно, что во время остановки российского лидера в Алжире оба правительства решили спорный долговой вопрос — Москва согласилась полностью списать долг, если Алжир закупит российские промышленные товары на эквивалентную сумму. Алжир также обязался закупить у Москвы военной техники на 7,5 млрд долл. США⁴. Во многом благодаря росту цен на нефть и газ у Алжира было достаточно ресурсов, чтобы стать третьим по величине покупателем военной продукции из России. Кроме

² Relations Algeria — NATO // Embassy of Algeria in Brussels. URL: <https://embbrussels.mfa.gov.dz/embassy/relations-algeria-nato> (accessed: 10.10.2023)

³ Barth M. The Algeria — Russia Strategic Partnership: An Assertive Geopolitical Move? // Brussels International Center for Research and Human Rights. March 22, 2019. URL: <https://www.bic-rhr.com/sites/default/files/inline-files/Algeria-Russia%20strategic%20partnership%20-%20Analysis%2C%20North%20Africa%20-%20official.pdf> (accessed: 10.10.2023).

⁴ Algeria Signs Up to Russian Debt-For-Arms Deal // Energy Intelligence. March 14, 2006. URL: <https://www.energyintel.com/0000017b-a7aa-de4c-a17b-e7eafa470000> (accessed: 10.10.2023).

того, в 2000-е гг. российские энергетические гиганты сыграли решающую роль в развитии сектора добычи углеводородов Алжира и строительстве его трубопроводной инфраструктуры (Němečková, Melniková & Piskunova, 2021, p. 379).

Растущие проблемы безопасности и военные связи: возобновленное партнерство

Военные связи уже давно стали наиболее важным и динамичным компонентом отношений Алжира и России. Двустороннее военное сотрудничество варьируется от военно-морского сотрудничества до продажи вооружений и совместных военных и антитеррористических учений. Эти примеры сотрудничества подчеркивают высокую степень институционального доверия, возникшего между вооруженными силами двух стран. Кроме того, из всех столпов алжирской власти армия, которая остается первым из них, похоже, является той структурой, где российское влияние носит наиболее долгосрочный характер⁵. Например, нынешний начальник штаба Национальной народной армии Алжира (ННА) Саид Ченгриха прошел обучение в советской Академии Генерального штаба в 1970-х гг. Его предшественник Ахмед Гайд Салах, влиятельный представитель армейской элиты в ходе первых месяцев народного восстания (движение *Хирак*) и организатор свержения А. Бутефлики, также прошел обучение в Советском Союзе.

Продажа вооружения продолжает доминировать в двусторонних отношениях. К моменту окончания холодной войны примерно 90 % арсенала ННА происходило из Советского Союза (Mokhefi, 2015). В начале 2000-х гг. Алжир использовал доходы от экспорта нефти и природного газа для финансирования масштабных закупок оружия в рамках модернизации своих вооруженных сил. Соответственно, поскольку во время

«арабской весны» цены на газ и нефть были относительно высокими, Алжир имел возможность инвестировать значительные средства в закупку вооружения у России. Кроме того, свержение Муаммара Каддафи, ранее являвшегося одним из ключевых покупателей российского вооружения, и продолжающаяся нестабильность в Ливии увеличили важность Алжира как клиента России.

В стране была развернута программа военной модернизации и обучения стоимостью 7,5 млрд долл. США, предполагающая закупку истребителей МиГ-29 и Су-30, ракетных систем, танков и другой техники⁶. Несмотря на то, что 15 самолетов МиГ были возвращены в 2008 г. из-за дефектных комплектующих, сделка продолжилась. В период с 2008 по 2012 г. Алжир поднялся с 22-го на 6-е место в мире по объему закупок оружия, причем Россия поставила 93 % этого вооружения, включая боевые самолеты, две подводные лодки, зенитно-ракетные комплексы большой дальности и почти 200 танков Т-90 (Mokhefi, 2015). В период с 2014 по 2018 г. Алжир стал третьим по величине клиентом России, покупая 14 % от общего объема российского экспорта вооружений. Россия поставляла две трети вооружения в Алжир, который превратился для Москвы в крупнейшего покупателя на Африканском континенте, что составляло половину от общего объема продажи оружия в этом регионе⁷. В этот период Алжир стал пятым по величине импортером оружия в мире, увеличив свои закупки на 55 % с 2009 по 2013 г. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ), с 2016 по 2020 г. на долю Алжира приходилось 15 % от российского экспорта вооружений⁸.

⁶ Russia in NATO's South: Expansionist Strategy or Defensive Posture? / ed. by C. Berger, C. Salloum // NDC Research Paper. 2021 (January). No. 16. P. 11. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep29561> (accessed: 10.10.2023).

⁷ Ramani S. Russia's Cautious Calculus in Algeria // Carnegie Endowment for International Peace. March 22, 2019. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/78667> (accessed: 10.10.2023).

⁸ Da Silva D. L., Tian N., Béraud-Sudreau L., Marksteiner A., Liang X. Trends in World Military

⁵ Mohammedi A. Russia — Algeria: A Flexible and Pragmatic Partnership // FMES. January 22, 2021. URL: <https://fmes-france.org/russia-algeria-a-flexible-and-pragmatic-partnership/> (accessed: 10.10.2023).

Сегодня Алжир импортирует широкий спектр основных категорий российского вооружения, включая ряд современных систем, таких как оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер-Э» и подводные лодки проекта 636⁹. Россия, похоже, полна решимости сохранить свою долю на рынке Алжира из-за высокого спроса и способности последнего платить за новейшее российское оружие¹⁰.

Новая геополитическая динамика и новые драйверы для сотрудничества Алжира и России

Общие опасения и схожие геополитические интересы

На отношения между Алжиром и Россией влияют три группы факторов: геополитические, экономические и фактор общей безопасности. Столкнувшись с тремя геополитическими осями, возникшими на Ближнем Востоке (контрреволюционная ось во главе с Абу-Даби, ось Анкара — Доха и «ось сопротивления» во главе с Тегераном), Россия и Алжир стали придерживаться схожего гибкого курса во внешней политике.

В XXI в. внешнеполитическая доктрина России основывается на отказе от союзов и блоковой логики, что проявилось в ее ближневосточной политике. Благодаря подобному курсу Москва смогла воспользоваться своими военными успехами в Сирии после 2015 г. После обострения отношений с главными противниками Сирии в первые годы сирийского конфликта (Саудовской Аравией, Турцией, Катаром), которые упрекали Москву за

решительную поддержку Дамаска, Россия сумела наладить отношения с ключевыми ближневосточными акторами. Она поддерживает хорошие отношения с Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), одним из основных экономических партнеров России в арабском мире, сохраняет при этом ставший почти систематическим диалог с Турцией (по Сирии, Ливии, Нагорному Карабаху), а также развивает сотрудничество с Ираном и Сирией¹¹. Россия намерена поддерживать хорошие отношения со всеми сторонами, гарантируя при этом, что никакие отношения не будут поставлены под угрозу (например, сотрудничество с Ираном при сохранении связей с Израилем; диалог с Турцией при сохранении отношений с ОАЭ).

Со своей стороны Алжир следует примеру России и пытается поддерживать хорошие отношения практически со всеми за счет относительной стабильности в своих внешних связях. В то время как Россия считает, что гибкость во внешней политике, то есть способность вести диалог со всеми акторами, является инструментом силы и вектором экономических возможностей, Алжир просто рассматривает ее как защитный механизм.

Несмотря на периодически возникающую напряженность, правительство Алжира поддерживает хорошие отношения с ОАЭ. С идеологической точки зрения алжирские лидеры олицетворяют все, что ОАЭ поддерживают в арабском мире: военную мощь в противовес нестабильности, которую может принести демократия, и террористическим угрозам. В этом конкретном вопросе Алжир, Москва и Абу-Даби, как представляется, занимают схожие позиции. Кроме того, Алжир является вторым по величине заказчиком военной промышленности ОАЭ¹². В Ливии Алжир выбрал сбалансированную позицию,

Expenditure, 2021 // SIPRI Fact Sheet. April 2022. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf (accessed: 10.10.2023).

⁹ Algerian Navy — Modernisation // Global Security. October 10, 2022. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/world/algeria/navy-modernization.htm> (accessed: 10.10.2023).

¹⁰ Pritchett J. Less Than a Full Deck: Russia's Economic Influence in the Mediterranean // Carnegie Endowment for International Peace. July 21, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/07/21/less-than-full-deck-russia-s-economic-influence-in-mediterranean-pub-84973> (accessed: 10.10.2023).

¹¹ Mohammedi A. Russia — Algeria: A Flexible and Pragmatic Partnership // FMES. January 22, 2021. URL: <https://fmes-france.org/russia-algeria-a-flexible-and-pragmatic-partnership/> (accessed: 10.10.2023).

¹² Mezran K., Henneberg S. Gulf Influence in the Maghreb // New Lines Institute for Strategy and Policy. June 1, 2022. URL: <https://newlinesinstitute.org/north-africa/gulf-influence-in-the-maghreb/> (accessed: 10.10.2023).

выстраивая отношения и с Правительством национального единства, и с войсками Х. Хафтара¹³. С Турцией, своим главным спонсором, Алжир поддерживает отношения, аналогичные российско-турецким: он видит в ней важного партнера, но не всегда одобряет ее внешнеполитическую активность. Наконец, Алжир поддерживает хорошие отношения с Ираном с 2000 г. Как и Россия, Алжир поддерживает ось Тегеран — Дамаск (способствуя, например, возвращению Сирии в Лигу арабских государств (ЛАГ)) с определенной осторожностью. Эта осторожность проистекает из приверженности Алжира поддержанию прочных двусторонних отношений с Саудовской Аравией.

Отдельно следует выделить ситуацию с Западной Сахарой. Исторически позиция России по вопросу Западной Сахары близка позиции Алжира (Zoubir, 1987b, p. 18). Помимо давних отношений с Алжиром Москва поддерживает теплые связи с Фронтом ПОЛИСАРИО. Последний приветствовал роль Москвы в посредничестве между различными сторонами конфликта и предоставлении дополнительных рычагов воздействия на Марокко, если это необходимо. Алжир, в свою очередь, несмотря на традиционную поддержку Фронта ПОЛИСАРИО и сложные отношения с Рабатом, занимает осторожную и сдержанную позицию в плане урегулирования текущей напряженности в Западной Сахаре¹⁴.

С точки зрения России, помимо роли Алжира в обеспечении региональной стабильности в Северной Африке, эта страна также вносит существенный вклад в борьбу с

терроризмом в Сахаро-Сахельской зоне, активно участвует в международных усилиях по достижению национального согласия в Мали и обладает конструктивным посредническим потенциалом в ливийском урегулировании. Борьба с терроризмом остается одним из основных интересов как Алжира, так и России. В частности, начиная с 2016 г. правительства двух стран также начали обмениваться разведанными о продвижении террористических организаций по всему Магрибу¹⁵.

В итоге Россия и Алжир имеют схожие взгляды в таких сферах, как поддержание стабильности (в том числе через важность, придаваемую борьбе с терроризмом) и разрешение конфликтов путем посредничества. Кроме того, Алжир вошел в число восьми африканских стран, которые российские президенты посетили за последние два десятилетия, что отражает географические приоритеты России на континенте (Hamchi & Rebiai, 2014).

Украинский кризис в отношениях Алжира и России

Алжир занимает сбалансированную и беспристрастную позицию по украинскому кризису. Такой нейтралитет объясняется не только множеством геополитических причин, но также военным весом и растущим экономическим влиянием России в регионе. Например, Алжир был одним из 35 государств, которые воздержались при голосовании по резолюции Генеральной Ассамблеи ООН ES-11/1, осуждавшей специальную военную операцию России, тогда как такие страны, как Корея, Народная Демократическая Республика (КНДР), Белоруссия, Эритрея и Сирия, проголосовали против¹⁶.

¹³ См.: Libye: le chef de la diplomatie algérienne rencontre le maréchal Haftar à Benghazi // *Le Figaro*. 05.02.2020. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/libye-le-chef-de-la-diplomatie-algerienne-rencontre-le-marechal-haftar-a-benghazi-20200205> (accessed: 10.10.2023); Favez Al-Sarraj arrives in Algiers // *APS*. June 20, 2020. URL: <https://www.aps.dz/en/algeria/34626-favez-al-sarraj-arrives-in-algiers> (accessed: 10.10.2023).

¹⁴ Sahara Occidental: l'anniversaire du cessez-le feu revient en plein guerre // *APS*. 06.09.2021. URL: <https://www.aps.dz/monde/127045-sahara-occidental-l-anniversaire-du-cessez-le-feu-revient-en-plein-guerre> (accessed: 10.10.2023).

¹⁵ Feuer S., Borshchevskaya A. Russia Makes Inroads in North Africa // *The Washington Institute for Near East Policy*. November 2, 2017. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/russia-makes-inroads-north-africa> (accessed: 10.10.2023).

¹⁶ Ghebouli Z. L. The War in Ukraine: A Test for Algiers' Non-Alignment Doctrine // *The Middle East Institute*. July 7, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/war-ukraine-test-algiers-non-alignment-doctrine> (accessed: 10.10.2023).

Позиция Алжира заключается, с одной стороны, в нежелании принимать чью-либо сторону в конфликте, который его непосредственно не касается, а с другой — в приверженности миру и поиску решения конфликта на основе переговоров. Так, в начале апреля 2022 г. делегация во главе с министром иностранных дел Алжира Рамтаном Ламамрой встретилась с министром иностранных дел России С.В. Лавровым в Москве и министром иностранных дел Украины Д.И. Кулебой в Варшаве. Результатом этих консультаций стал призыв к «прямым переговорам» между двумя конфликтующими сторонами¹⁷. Данный визит проходил в рамках деятельности Контактной группы Лиги арабских государств по Украине, в которую также входят Египет, Ирак, Иордания, Судан и Генеральный секретарь ЛАГ.

В условиях стремительной эскалации боевых действий на Украине антиимпериалистическое наследие Алжира уравнивается его исторически прочными связями с Россией. В сравнении с ними отношения Алжира с Украиной не так прочны. Такое сочетание факторов — как внутренних, так и международных, исторических и современных — помогает объяснить позицию Алжира¹⁸.

Алжир также пытается осторожно балансировать между Россией и государствами — членами НАТО, которые ввели экономические санкции против Москвы. Именно поэтому Алжир не занял официальную политическую позицию по российско-европейскому противостоянию, воздерживаясь от заявлений о поддержке или осуждении военной операции России на Украине¹⁹. Все заявления МИД

¹⁷ Belkaid A. Maghreb — Ukraine: L'Algérie et le Maroc refusent de choisir // Orient XXI. 19.05.2022. URL: <https://orientxxi.info/magazine/maghreb-ukraine-1-l-algerie-et-le-maroc-refusent-de-choisir,5603> (accessed: 10.10.2023).

¹⁸ Farrand A. Russia's War in Ukraine Will Relieve the Pressure on Algeria's Leaders for Now // Democracy for the Arab World Now. March 4, 2022. URL: <https://dawnmena.org/russias-war-in-ukraine-will-relieve-the-pressure-on-algerias-leaders-for-now/> (accessed: 10.10.2023).

¹⁹ Sakhri M. A Stable Balance: Understanding the Algerian Stance on the War in Ukraine // Politics-DZ.

Алжира были сосредоточены на положении алжирских граждан на территории Украины²⁰.

Углубление нового поворота Алжира «на Восток»: «новая эра» в алжирско-российских отношениях

Новое руководство Алжира во главе с Абдельмадждидом Теббуном, избранным в декабре 2019 г. на пост президента, подтвердило приоритет политики «Взгляда на Восток». Здесь речь идет не столько об обновлении политики, проводимой его предшественником А. Бутефликой, сколько о следовании дипломатической линии, которой придерживалась страна после десятилетия дипломатического и внешнеполитического квазипаралича режима А. Бутефлики²¹. Фактически стратегия «Взгляд на Восток» направлена на укрепление стратегического сотрудничества Алжира с Россией и Китаем. Это, в свою очередь, означает, что в эпоху изменения мирового порядка Алжир сделал свой выбор, присоединившись к китайско-российскому политическому и экономическому полюсу²².

Очевидно, что современные отношения Алжира с Россией — это унаследованное партнерство, рожденное из необходимости и выгоды периода после обретения Алжиром независимости. Партнерство Алжира и России, названное «стратегическим», характеризуется фундаментальной асимметрией в распределении материальных возможностей,

December 26, 2022. URL: <https://www.politics-dz.com/en/a-stable-balance-understanding-the-algerian-stance-on-the-war-in-ukraine/> (accessed: 10.10.2023).

²⁰ An Insight into Algeria's Position on Russia — Ukraine Conflict // Future for Advanced Research and Studies. March 15, 2022. URL: <https://futureuae.com/en-US/Mainpage/Item/7192/declared-neutrality-an-insight-into-algerias-position-on-russia-ukraine-conflict> (accessed: 10.10.2023).

²¹ Vasilenko A., Lukyanov G. International Organizations in Algeria's Foreign Policy // Russian International Affairs Council. February 7, 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/international-organizations-in-algeria-s-foreign-policy/> (accessed: 10.10.2023).

²² Blank S. Algeria and Russia Are Uniting to Divide West Africa // The Hill. September 21, 2023. URL: <https://thehill.com/opinion/international/4214238-algeria-and-russia-are-uniting-to-divide-west-africa/> (accessed: 10.10.2023).

международного статуса и амбиций между двумя партнерами (Жерлицына, 2015). В этом ключе Алжир, крупнейшая страна в Африке и арабском мире, имеет важное геополитическое значение — Алжир является крупной средиземноморской страной, обладает серьезным влиянием в Африканском союзе, является членом ЛАГ и Движения неприсоединения и рассматривается в качестве очень ценного геостратегического актива России. Несмотря на приверженность доктрине неприсоединения и восприятие Алжиром себя как неприсоединившейся к какому-либо блоку державы, его внешнеполитический курс намного сложнее. В связи с этим в условиях ожидаемых изменений в международной системе Россия играет ключевую роль в рамках стратегии Алжира «Взгляд на Восток»²³.

В более широком смысле для алжирских лидеров связи с Россией являются более надежными и стабильными, поскольку в отношениях Алжира с Европой после алжирских протестов 2019–2021 гг. наблюдались взлеты и падения. Кроме того, опросы внутри страны подтверждают исключительно позитивный взгляд на Россию и в значительной степени негативный взгляд на США и крупные западные державы, хотя общественное мнение играет довольно ограниченную роль в формировании внешней политики Алжира²⁴. Политические элиты Алжира и России также выражают лояльность друг другу на основе общих целей и схожего видения различных вопросов. Фактически, обращаясь к России, Алжир не просто стремится избежать гегемонии Запада в глобальной системе путем поиска надежных партнеров. Скорее, он склоняется к содействию в создании нового

антизападного альянса со стороны России и Китая. Можно утверждать, что для Алжира «многополярность» дает возможность заявить о себе более решительно, а также работать со своими евразийскими друзьями для защиты своих обширных интересов.

Следует отметить, что для Алжира очевидны по крайней мере два основных преимущества от «поворота на Восток».

Во-первых, это преимущество в сфере политической безопасности, так как сегодня Алжир сталкивается с дестабилизацией в регионах Северной Африки и в Сахеле (Медушевский, Малютин, 2023). Таким образом, в сфере безопасности ориентир на Восток можно рассматривать как балансирующий акт, который приведет Алжир в состояние равновесия с иностранными силами.

Во-вторых, Алжир фокусируется на построении экономических связей с Россией и Китаем, а также со странами БРИКС, чтобы стимулировать свой экономический рост.

В этом меняющемся контексте в июне 2023 г. президент Алжира А. Теббун отправился с важным визитом в Россию, где его тепло приветствовал президент России В.В. Путин, что ознаменовало собой выдающееся дипломатическое событие²⁵. Решение президента А. Теббуна провести свой официальный визит в Москву на фоне российско-украинского военно-политического кризиса, несмотря на резкую критику со стороны Европы и США²⁶, неслучайно и отражает усиливающуюся тенденцию в Алжире укреплять связи с Россией, что было дополнительно усилено подписанием Декларации о расширенном стратегическом партнерстве²⁷.

²³ Rumer E. *Russia in the Middle East: Jack of All Trades, Master of None* // Carnegie Endowment for International Peace. October 31, 2019. URL: <https://carnegieendowment.org/2019/10/31/russia-in-middle-east-jack-of-all-trades-master-of-none-pub-80233> (accessed: 10.10.2023).

²⁴ См.: *Algeria Country Report* // Arab Barometer VI. 2021. URL: <https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/Algeria-Arab-Barometer-Public-Opinion-2021-ENG.pdf> (accessed: 10.10.2023); *Opinion Polls in Algeria* // EU Neighbors South. 2021. URL: <https://south.euneighbours.eu/wp-content/uploads/2023/05/Opinion-Polls-2022-Algeria.pdf> (accessed: 10.10.2023).

²⁵ *President of the Republic Arrives in Moscow for Three-Day State Visit* // APS. June 13, 2023. URL: <https://www.aps.dz/en/algeria/47872-president-of-the-republic-arrives-in-moscow-for-three-day-state-visit> (accessed: 10.10.2023).

²⁶ *Tebboune's Visit to Moscow Likely to Fuel Western Concerns About Algeria's Foreign Policy* // The Arab Weekly. June 16, 2023. URL: <https://thearabweekly.com/tebboune-visit-moscow-likely-fuel-western-concerns-about-algerias-foreign-policy> (accessed: 10.10.2023).

²⁷ *Algeria — Russia: Signing of In-Depth Strategic Partnership Declaration, Several Agreements and MOUs* // People's Democratic Republic of Algeria Permanent

Во время визита А. Теббуна в Россию в центре обсуждений находились темы сотрудничества в сфере экономики и технологий, включая взаимодействие в области мирного атома. Во время своего участия во Всемирном экономическом форуме в Санкт-Петербурге в качестве почетного гостя А. Теббун призвал российские предприятия рассмотреть возможность инвестирования в Алжир. Примечательно, что уже сейчас наблюдается заметный приток российских инвестиций в различные сектора алжирской экономики, включая энергетику, фармацевтику, транспорт, логистику и инфраструктуру²⁸. Кроме того, В.В. Путин особо отметил открытие площади имени алжирского национального героя эмира Абделькадера в Москве. Этот жест не только означает укрепление российско-алжирских отношений, но и несет в себе исторический посыл, адресованный Франции, поскольку сопротивление эмира Абделькадера французской колониальной оккупации

Алжира в XIX в. имеет глубокое значение для алжирского общества²⁹.

Заключение

В исследовании показано, что традиционные геополитические интересы по-прежнему лежат в основе отношений Алжира и России. Двусторонние отношения определяются такими факторами, как борьба с терроризмом и обеспечение внутренней стабильности в Северной Африке и зоне Сахеля, опора на сотрудничество в военной сфере и стремление к расширению экономических связей. Эти общие интересы являются основой для взаимной поддержки, которую правительства двух стран оказывают друг другу в многосторонних институтах, таких как ООН, и в региональных структурах. Преобладание вопросов, связанных с безопасностью, также помогает объяснить крепкие алжиро-российские связи в военной сфере. Россия рассчитывает на то, что Алжир поддержит позицию Москвы по некоторым жизненно важным для нее вопросам, а Алжир, в свою очередь, рассматривает Россию как важного партнера в оказании помощи в обеспечении его национальной безопасности.

Mission of Algeria to the UN — New York. 2023. URL: <https://pmnewyork.mfa.gov.dz/news-and-press-releases/algeria-russia-signing-of-in-depth-strategic-partnership-declaration-several-agreements-and-mous> (accessed: 10.10.2023).

²⁸ Notte H. Dangerous Decline: Russia's Military and Security Influence in the Global South and the Implications for the United States // CNS Occasional Paper. 2023. No. 58. URL: https://nonproliferation.org/wp-content/uploads/2023/11/RSI-Short-Report_Notte_2023_OP_CNS2.pdf (accessed: 10.10.2023).

²⁹ The President of Russia and the President of Algeria Made Statements for the Press // The President of Russia. June 15, 2023. URL: <http://www.en.kremlin.ru/events/president/transcripts/71437> (accessed: 10.10.2023).

Поступила в редакцию / Received: 23.01.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 13.02.2024
Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- Жерлицына Н. А.* Стратегическое партнерство России и Алжира в условиях кризиса: потенциал и вызовы // Вестник Университета. 2015. № 8. С. 24–31. EDN: ULZBYD
- Медушевский Н. А., Малютин Д. А.* Сотрудничество России и Алжира в контексте противодействия терроризму в Сахеле // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12, № 8А. С. 42–49. EDN: WVCCPN
- Тупоренко В. Е.* Возвращение России в Алжир // Международная жизнь. 2006. № 6. С. 3–11.
- Byrne J. J.* Our Own Special Brand of Socialism: Algeria and the Contest of Modernities in the 1960s // Diplomatic History. 2009. Vol. 33, no. 3. P. 427–447. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.2009.00779.x>
- Davison R. H.* “Russian Skill and Turkish Imbecility”: The Treaty of Kuchuk Kainardji Reconsidered // Slavic Review. 1976. Vol. 35, no. 3. P. 463–483. <https://doi.org/10.2307/2495120>
- Dawisha K.* Soviet Decision-Making in the Middle East: The 1973 October War and the 1980 Gulf War // International Affairs. 1981. Vol. 57, no. 1. P. 43–59. <https://doi.org/10.2307/2619358>
- Grimaud N.* La politique extérieure de l'Algérie, 1962–1978. Paris : Karthala, 1984.

- Hamchi M., Rebiai S.* Russian-Algerian Relations in a Multipolarizing World // Africa's Growing Role in World Politics / ed. by T. Deych, A. Zhukov, O. Kulkova, E. Korendyasov. Moscow : Institute for African Studies RAS, 2014. P. 257–273.
- Iratni B.* Foreign Policy and Nation-State Building in Algeria, 1962–1985 [dissertation]. Coventry : Warwick University, 1986.
- John P. S.* Independent Algeria from Ben Bella to Boumédiène: II. Foreign Policy // *The World Today*. 1968. Vol. 24, no. 8. P. 339–345.
- Katz M. N.* Russia and Algeria: Partners or Competitors? // *Middle East Policy*. 2007. Vol. 14, no. 4. P. 152–157. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4967.2007.00330.x>
- Kullaa R.* The Soviet Union's Global Ports and Flexible Web-Like Naval Strategy: Case Studies of Antsiranana and Tivat // *International Journal of Maritime History*. 2021. Vol. 33, no. 1. P. 209–231. <https://doi.org/10.1177/0843871421991163>
- Mokhefi M.* Alger — Moscou: évolution et limites d'une relation privilégiée // *Politique étrangère*. 2015. No. 3. P. 57–70. <https://doi.org/10.3917/pe.153.0057>
- Mortimer R. A.* Algerian Foreign Policy: From Revolution to National Interest // *The Journal of North African Studies*. 2015. Vol. 20, no. 3. P. 466–482. <https://doi.org/10.1080/13629387.2014.990961>
- Mousli M.* Algerian-Russian Cooperation: True Strategic Partnership? // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19, no. 2. P. 284–292. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-284-292>; EDN: EPQMVH
- Němečková T., Melniková L., Piskunova N.* Russia's Return to Africa: A Comparative Study of Egypt, Algeria and Morocco // *The Journal of Modern African Studies*. 2021. Vol. 59, no. 3. P. 367–390. <https://doi.org/10.1017/S0022278X21000070>; EDN: TCLGLK
- Ottoway D., Ottoway M.* Algeria: The Politics of a Socialist Revolution. Berkeley : University of California Press, 1970.
- Pennell C. R.* The Algerian State, Islamist Insurgents, and Civilians Caught in Double Jeopardy by the Violence of the Civil War of the 1990s // *Terrorism and Political Violence*. 2021. Vol. 33, no. 7. P. 1447–1468. <https://doi.org/10.1080/09546553.2019.1629910>
- Shrader C. R.* The First Helicopter War: Logistics and Mobility in Algeria, 1954–1962. Westport : Praeger Publishers, 1999.
- Zoubir Y.* Soviet Policy in the Maghreb // *Arab Studies Quarterly*. 1987a. Vol. 9, no. 4. P. 399–421.
- Zoubir Y.* Soviet Policy Toward the Western Sahara Conflict // *Africa Today*. 1987b. Vol. 34, no. 3. P. 17–32.

Сведения об авторе:

Сур Лотфи — PhD (политические науки), доцент кафедры политологии, Университет Мустафы Стамбули Маскара; ORCID: 0000-0001-8783-9340; e-mail: l.sour@univ-mascara.dz

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-216-226

EDN: VWERON

Научная статья / Research article

Газопровод «Центральная Азия — Центр»: вызовы и возможности современных энергетических отношений России и стран Центральной Азии

Д. Ранджбар¹ , С.М. Мукан² , А.А. Ниязгулова² ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Международный университет информационных технологий, Алматы, Республика Казахстан randzhbar_meshkin_d@pfur.ru

Аннотация. Недавно заключенный «газовый союз» России, Казахстана и Узбекистана переживает поворотный этап, символизируя серьезный сдвиг в энергетической динамике Центральной Азии. Целью трехстороннего альянса, инициированного президентом России В.В. Путиным, является транспортировка российского газа в Узбекистан через Казахстан. Событие знаменует собой исторический момент, поскольку российский газ впервые начал импортироваться в Центральную Азию. Однако «союз» воспринимается со стороны Узбекистана с пристальным вниманием и настороженностью. На фоне острых энергетических проблем в регионе союз нацелен на удовлетворение насущных потребностей стран Центральной Азии, но также оставляет множество долгосрочных геополитических и экономических проблем в отношениях стран-участниц. Цель исследования — всесторонний анализ роли и места системы газопроводов «Средняя Азия — Центр» в рамках формирующегося газового союза между Россией, Казахстаном и Узбекистаном. Рассматривается исторический контекст создания данной газопроводной системы, стратегические цели стран — участниц союза, а также потенциальные последствия реализации этого союза для регионального и глобального энергетического ландшафта. Методология исследования включает в себя анализ существующей литературы, политических документов и отчетов по энергетике. Теоретический фундамент данного исследования основан на нелиберальной теории. Авторы приходят к выводу, что создание нового энергетического альянса является признаком начала нового этапа в процессе трансформации энергетического сотрудничества России и стран Центральной Азии.

Ключевые слова: трубопровод, Казахстан, Узбекистан, санкции, природный газ

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Ранджбар Д., Мукан С. М., Ниязгулова А. А. Газопровод «Центральная Азия — Центр»: вызовы и возможности современных энергетических отношений России и стран Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 216–226. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-216-226>

Central Asia — Center Gas Pipeline System: Challenges and Opportunities for Modern Russia — Central Asia Energy Relations

Daniyal Ranjbar¹ , Saken M. Mukan² , Aigul A. Niyazgulova²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²International Information Technology University, Almaty, Republic of Kazakhstan

randzhbar_meshkin_d@pfur.ru

Abstract. The recently formed “Gas Union” of Russia, Kazakhstan and Uzbekistan is at a turning point, symbolizing a major shift in the energy dynamics of Central Asia. The goal of this tripartite alliance, initiated by Russian President Vladimir Putin, is to transport Russian gas to Uzbekistan through Kazakhstan. This event marks a historic moment, as it is the first time that Russian gas has been imported into Central Asia. Against the backdrop of acute energy problems in the region, this union is aimed at meeting the immediate needs of the member states from Central Asia, but it also leaves many long-term geopolitical and economic issues for the parties involved. This article aims to comprehensively analyze the Central Asia — Center gas pipeline within the framework of the emerging Russia — Central Asia Gas Union. It seeks to identify and discuss the geopolitical, economic, and environmental challenges and opportunities this renewed energy cooperation presents. The scope of this study encompasses an examination of the historical context of the pipeline, the strategic objectives of the involved nations, and the potential implications for the regional and global energy landscape. The research methodology includes a thorough review of existing literature, policy documents, and energy reports. The theoretical foundation of the study is based on neoliberal theory. The authors conclude that the creation of a new energy alliance is a sign of the beginning of a new stage in the transformation of energy cooperation between Russia and the Central Asian countries.

Key words: pipeline, Kazakhstan, Uzbekistan, transit, sanctions, natural gas

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

For citation: Ranjbar, D., Mukan, S. M., & Niyazgulova, A. A. (2024). Central Asia — Center gas pipeline system: Challenges and opportunities for modern Russia — Central Asia energy relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 216–226. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-216-226>

Введение

Сегодня регион Центральной Азии сталкивается с различными проблемами энергетического характера. Одни ученые рекомендуют диверсифицировать источники и поставщиков энергии, создать стратегические запасы, модернизировать энергетическую инфраструктуру в масштабах страны/региона и обеспечить гибкость при переходе на иные виды топлива (Shaffer, 2009, p. 93). Другие, напротив, пишут о необходимости развития энергетического сотрудничества в регионе, включая взаимодействие в сферах обмена информацией, инвестиций, исследований и разработки (Bahgat, 2011, p. 2).

На этом фоне происходят глобальные изменения на энергетическом рынке, связанные с введением в 2022 г. санкций против России со стороны стран коллективного

Запада. Эти санкции, направленные в первую очередь против энергетического сектора, потребовали пересмотра российской энергетической политики и экспортных стратегий. В результате Россия обращает внимание на своих ближайших соседей в Центральной Азии, но уже не только как на альтернативные маршруты экспорта энергоносителей, но и как на партнеров по обеспечению энергетической безопасности и поддержанию своей роли в качестве глобального поставщика энергоресурсов (Аржаев, 2023). Все это послужило катализатором для создания направленного на укрепление регионального энергетического сотрудничества и создание буфера против воздействия западных санкций газового союза России, Казахстана и Узбекистана¹.

¹ Старт дан. Начались поставки российского газа в Казахстан и Узбекистан // [Neftegaz.ru](https://neftegaz.ru). 07.10.2023. URL:

Центральным элементом данного союза является газопроводная система «Средняя Азия — Центр» (САЦ). Исторически являясь ключевым звеном, связывающим обширные газовые запасы Центральной Азии с внешними рынками, эта трубопроводная система в последнее время вновь приобрела стратегическое значение. Кроме того, роль газопровода в транспортировке среднеазиатского газа на европейские рынки лежит в основе меняющейся евразийской энергетической динамики, когда Россия перенаправляет свою энергетическую политику на юго-восток, укрепляя и расширяя энергетическое присутствие на Евразийском континенте (Харитонов, 2023, с. 84).

Цель исследования — всесторонний анализ места газопровода САЦ в рамках формирующегося газового союза России, Казахстана и Узбекистана. Авторы ставят перед собой задачи по выявлению и обсуждению геополитических, экономических и экологических вызовов и возможностей, которые открывает это возобновленное энергетическое сотрудничество, рассматривая исторический контекст создания трубопроводной системы, стратегические цели стран — участниц газового союза, а также потенциальные последствия для регионального и глобального энергетического рынка.

Для достижения этих целей в данном исследовании используются количественные методы. Методология исследования включает в себя анализ существующей литературы, политических документов и отчетов по энергетике для фундаментального понимания темы. Кроме того, используются методы анализа данных для изучения тенденций производства и потребления энергии.

Теоретический фундамент данного исследования составляет неоллиберальная теория, позволяющая понять, какую роль энергетические ресурсы играют как во взаимодействии России и стран Центральной Азии, так и в целом в развитии Центрально-

Азиатского региона как одного из мировых источников энергоресурсов. В рамках неоллиберализма исследователи рассматривают международные отношения не как игру с нулевой суммой, когда выигрыш одного равен проигрышу другого, а, скорее, как нечто взаимозависимое. Особый акцент делается на понятии «национальных интересов», играющем ключевую роль в энергетической политике и используемом для «укрепления и защиты общественного блага от внутренних вызовов и продвижения внешнеполитических целей» (Kratochwil, 1982, p. 13). Несмотря на то, что понятие «национальных интересов» в первую очередь используется в работах реалистов и неореалистов, оно имеет место и в рамках неоллиберализма, так как приоритеты современного независимого развития любого государства во многом зависят от того, насколько четко и однозначно сформулированы его национальные интересы, а также от ясного понимания путей и способов их реализации (Жаде, 2005; Саидов, Кашинская, 2005; Панышина, Уфимцева, 2016; Ананьев, 2019).

Исторический контекст и предпосылки газового союза

Центральная Азия является одним из важнейших регионов в глобальной энергетической системе в первую очередь благодаря своим огромным запасам природного газа и нефти. Развитие энергетического сектора центральноазиатских стран неразрывно связано с региональными политическими преобразованиями. После распада Советского Союза новые независимые государства Центральной Азии стремились к утверждению суверенитета над этими ресурсами и поиску путей экономического развития. На этом фоне рос интерес мировых держав к региону, что привело к формированию сложной системы взаимодействий между внутри- и внерегиональными акторами (Yazdani, 2021).

Исторически сложилось, что Россия доминировала в экспорте энергоносителей из Центральной Азии благодаря контролю над основными трубопроводными сетями, унаследованными от Советского Союза.

<https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/797079-start-dan-nachalis-postavki-rossiyskogo-gaza-v-kazakhstan-i-uzbekistan/> (дата обращения: 25.04.2024).

После распада СССР Россия стремилась сохранить это влияние, адаптируясь к новым геополитическим реалиям. Это включало в себя сохранение контроля над трубопроводной инфраструктурой, инвестирование в региональные энергетические проекты, заключение новых соглашений с государствами Центральной Азии о транзите газа и поиск альтернативных маршрутов для обеспечения экспорта энергоносителей в Европу и Азию. В рамках постсоветского пространства энергетическая политика России в Центральной Азии также определялась стремлением Москвы сохранить свое влияние в условиях конкуренции с другими глобальными игроками, такими как Китай и ЕС. В дальнейшем этот подход эволюционировал от позиции доминирования к более тонкому взаимодействию, балансирующему между конкуренцией и сотрудничеством в более широких рамках формирующейся евразийской стратегии России (Белоглазов, 2008). Недавний поворот к сотрудничеству со странами Центральной Азии, отчасти обусловленный геополитическими сдвигами и западными санкциями, знаменует собой новый этап эволюции энергетической стратегии России.

Одним из ключевых элементов советского наследия в энергетической сфере в регионе является газопроводная система САЦ. Этот инфраструктурный проект был реализован в 1960–1988 гг., представляя собой сеть трубопроводов, идущую из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан в Россию. Мощность этой системы и ее стратегическое значение менялись на протяжении многих лет, однако последние события свидетельствуют о потенциальной активизации ее роли в региональной энергетической динамике (Тазетдинов, 2011). Роль САЦ как проводника среднеазиатского газа на российский и европейский рынки менялась в зависимости от динамики рынка, региональной политики и технологического прогресса².

² Chow E. C., Hendrix L. E. *Central Asia's Pipelines: Field of Dreams and Reality* // The National Bureau of Asian Research. 2010. No. 23 (Special Report). URL: <https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/>

Энергетический сектор Узбекистана и Казахстана

Узбекистан

Узбекские власти считают, что Узбекистан — одна из немногих стран в мире, обладающих достаточными запасами энергии для удовлетворения своих энергетических потребностей. Т.П. Салихов и Т.Х. Насыров из Института энергетики и автоматизации Академии наук Республики Узбекистан утверждают, что Узбекистан достиг самообеспеченности топливом в 1995 г. и стал полностью самодостаточным по энергоресурсам к 1996–1997 гг. (Salikhov & Nasyrov, 2005, p. 106). За последнее десятилетие Узбекистан экспортировал около 10–15 млрд куб. м газа в Россию и 4,5 млрд куб. м в Центрально-Азиатский регион³. Однако сегодня Узбекистан столкнулся с ситуацией повышенного внутреннего спроса на энергоресурсы, причиной чему стали высокий уровень рождаемости и природные условия.

Энергетический сектор Узбекистана недостаточно прозрачен, и трудно привести конкретные статистические данные, подтверждающие степень нехватки энергоресурсов в стране, особенно в свете официальных заявлений о полной самообеспеченности ими. Однако многочисленные жалобы населения, периодические отключения электричества и перебои с поставками газа в стране свидетельствуют о наличии серьезных проблем с энергетической безопасностью, требующих срочного внимания со стороны властей. Хотя широкомасштабное повышение энергоэффективности и внедрение возобновляемых источников энергии являются необходимыми мерами для повышения доступности энергообеспечения и экономического роста с помощью энергии, именно развитие торговли внутри Центрально-Азиатского региона может способствовать немедленному обеспечению достаточности и устойчивости энергообеспечения Узбекистана (Aminjonov, 2018).

legacy_files/files/publication/1009_EChow_LHendrix_CentralAsia.pdf (accessed: 29.12.2023).

³ Uzbekistan // U.S. Energy Information Administration. 2022. URL: <https://www.eia.gov/international/overview/country/UZB> (accessed: 30.04.2024).

Таблица 1

Добыча газа в Узбекистане в 2017–2023 гг., млн куб. м

Год / Добыча газа	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Данные Агентства статистики	56 417,6	60 396,5	60 537,5	49 736,2	53 802,0	51 678,4	46 710,3
Данные Рабочей группы при Президенте	55 789,3	61 004,4	52 787,3	–	–	–	–
Данные «Узбекнефтегаза»	53 055,9	56 877,7	55 967,3	48 055,5	–	–	–

Источник: Узбекистан превратился в нетто-импортера газа. Как так получилось? // Газета.uz. 25.01.2024. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/01/25/gas-importer/> (дата обращения: 28.03.2024).

На конец 2020 г. подтвержденные запасы природного газа в Узбекистане составляли 1,86 трлн куб. м⁴. Отмечалось, что половина этих запасов (933 млрд куб. м) приходится на долю «Узбекнефтегаза» со 122 нефтегазовыми месторождениями и что при текущих объемах добычи их хватит как минимум на 34 года⁵. В феврале 2021 г. бывший министр энергетики, а ныне советник президента по энергетической безопасности Алишер Султанов заявил, что этих объемов газа достаточно для обеспечения «трех Узбекистанов»⁶.

Однако в дальнейшем Узбекистан столкнулся с падением уровня добычи природного газа в стране (табл. 1). Добыча газа в 2023 г. снизилась до 46,7 млрд куб. м, что на 9,6 %, или на 4,97 млрд куб. м, меньше, чем в 2022 г. В свою очередь в 2022 г. добыча упала на 2,12 млрд куб. м. В целом, по данным Агентства по статистике, с 2018 г. падение составило около 13,68 млрд куб. м (почти 30 % от текущих объемов добычи).

Власти объяснили сложившуюся ситуацию истощением существующих месторождений и технологическими потерями. Министр энергетики Узбекистана Журабек Мирзамахмудов отметил, что основная часть потерь приходится на «Узбекнефтегаз», у которого «75–80 % месторождений уже выработаны»⁷. В ближайшие годы «Узбекнефтегаз»

планирует сохранить добычу на уровне 34,1 млрд куб. м, но только за счет геолого-разведки и выявления новых месторождений, что требует больших инвестиций⁸.

В последние годы Узбекистан сталкивается с серьезными трудностями в энергетическом секторе, связанными с перебоями в работе, особенно в холодное зимнее время. Экс-министр энергетики Узбекистана А. Султанов признал, что «за последние 30 лет государство ничего не инвестировало в нефтяной, газовый и энергетический сектора. Отсутствие внимания и накопившиеся проблемы в энергетическом секторе дали свои плоды»⁹. Как и в прошлом году, зимы в Центральной Азии все чаще сопровождаются отключениями и перебоями в работе старой инфраструктуры, что превратило эту проблему в важный политический и социальный вопрос.

Казахстан

На протяжении всей истории развития нефтегазовой отрасли в Казахстане основной акцент и инвестиции были направлены на ее нефтяную, а не газовую часть. Совокупная доля добывающего сегмента нефтегазового сектора республики соответствует 11,3 % ВВП, при этом газовый сектор имеет наименьшую долю. Несмотря на имеющиеся в стране крупные месторождения, они характеризуются сложной экономикой и геологией. Кроме того, большая часть природных запасов газа состоит из высокосернистого попутного газа, что значительно усложняет его

⁴ Запасы природного газа в Узбекистане оцениваются в 1,86 триллиона кубометров // Газета.uz. 10.08.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/10/gas-reserves/> (дата обращения: 28.03.2024).

⁵ Там же.

⁶ «Наш газ может прокормить три Узбекистана» — министр энергетики // Газета.uz. 09.02.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/02/09/ener/> (дата обращения: 25.04.2024).

⁷ Глава Минэнерго прокомментировал снижение добычи газа в Узбекистане // Газета.uz. 27.04.2023. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/04/27/gas/> (дата обращения: 25.04.2024).

⁸ Там же.

⁹ Aramov J. Russia — Kazakhstan — Uzbekistan Gas Union: The Costs and Benefits for Uzbekistan // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. November 23, 2023. URL: <https://cabar.asia/en/russia-kazakhstan-uzbekistan-gas-union-the-costs-and-benefits-for-uzbekistan> (accessed: 30.12.2023).

разработку и добычу и делает стоимость переработки газа высокой, поэтому цены на покупку газа все время были ниже себестоимости. В связи с этим разработка запасов и использование такого газа остаются проблематичными и высокочрезмерными, что обуславливает отсутствие интереса к финансированию и развитию газовых проектов¹⁰.

Что касается запасов природного газа в Казахстане, то, как видно из данных табл. 2, по данным Ежегодного статистического бюллетеня Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) за 2022 г., Казахстан занимает 21-е место по этому показателю.

Таблица 2

Мировые доказанные запасы природного газа по странам

Рейтинг	Страна	Трлн куб. м
1	Российская Федерация	47,759
2	Иран	33,988
3	Катар	23,831
4	США	16,396
5	Туркменистан	13,950
6	Саудовская Аравия	9,514
7	ОАЭ	8,210
8	Нигерия	5,913
9	Венесуэла	5,511
10	Алжир	4,504
11	Ирак	3,714
12	Китай	3,142
13	Мозамбик	2,840
14	Австралия	2,587
15	Канада	2,464
16	Египет	2,209
17	Малайзия	2,172
18	Норвегия	2,081
19	Азербайджан	1,917
20	Узбекистан	1,846
21	Казахстан	1,830

Источник: World Proven Natural Gas Reserves by Country // ОПЕК Annual Statistical Bulletin of 2022. URL: https://asb.opec.org/data/ASB_Data.php (accessed: 30.04.2024).

Казахстан все еще зависит от поставок по центральноазиатскому газотранспортному коридору, связывающему его с Узбекистаном. Густонаселенные южные и юго-

¹⁰ Обзор газовой отрасли РК — страна входит в состояние дефицита газа // Halyk Research. 15.02.2024. URL: https://halykfinance.kz/download/files/analytics/AC_gas.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

восточные регионы Казахстана имеют ограниченный доступ к местному газу, сильно завися от импорта газа из Узбекистана (Askhat, Mukan & Saudabekova, 2021). Таким образом, природный газ как стратегический источник энергии для местного населения в Южном Казахстане крайне необходим, несмотря на то что в 2018 г. экс-президент Н. Назарбаев объявил о 50-процентной газификации страны¹¹.

В результате отсутствия инвестиций и должной проработки вопросов развития газовой отрасли правительство страны не имеет достаточных мощностей по переработке газа, сама газовая инфраструктура требует модернизации, а большая часть ресурсной базы является побочным эффектом добычи нефти. Поэтому страна оказалась перед выбором между увеличением добычи нефти или добычей газа. Потребление газа в стране стремительно растет, в том числе благодаря низким тарифам и намерениям государства достичь целей углеродной нейтральности. Длительное бездействие и чрезмерное вмешательство государства, основанное на принципах нерыночного ценообразования, привели к накоплению проблем в отрасли и нехватке газа в стране. В итоге в условиях дефицита природного газа на внутреннем рынке страны попутный газ стал востребованным ресурсом.

Одним из последствий подобной политики стала ситуация, когда богатый энергоресурсами Казахстан пережил похожий с Узбекистаном энергетический кризис. В 2022 г. в Казахстане было объявлено «чрезвычайное положение»¹², когда 130 тыс. жителей города Экибастуз остались без отопления в 30-градусный мороз. Следует подчеркнуть, что энергетический хаос и кризис цен на энергоносители также послужили импульсом к масштабным протестам в Казахстане и практически пошатнули статус-кво нынешнего

¹¹ Назарбаев установил срок для газификации Астаны // Tengrinews.kz. 05.03.2018. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-ustanovil-srok-dlya-gazifikatsii-astanyi-339206/ (дата обращения: 30.12.2023).

¹² Chynybaeva B. The “Winterstans”: Energy Crisis in Central Asia // Climate Action Network Eastern Europe, Caucasus and Central Asia (EECCA). February 17, 2023. URL: <https://canecca.org/en/the-winterstans/> (accessed: 30.12.2023).

президента Казахстана, поскольку после протестов правительство было вынуждено уйти в отставку.

Генезис газового союза России, Казахстана и Узбекистана

Создание газового союза России и стран Центральной Азии было обусловлено сложным взаимовлиянием нескольких факторов.

Западные санкции, введенные против России в 2022 г., заставили Москву пересмотреть свою энергетическую политику, что привело к стратегическому сдвигу в сторону соседей по Центральной Азии. Географическое положение региона, являющегося мостом между Европой и Азией, повышало его стратегическую значимость в энергетических расчетах России.

Россия восприняла энергетический кризис 2022 г. в Казахстане и Узбекистане как «возможность» выдвинуть свой формат «трехстороннего газового союза». В итоге, по соглашению 2023 г., Узбекистан в течение следующих 2 лет будет ежегодно поставлять из России через Казахстан 2,8 млрд куб. м газа¹³.

Экономические императивы также сыграли одну из значимых ролей. Поскольку европейский энергетический рынок становился все более непредсказуемым, Россия стремилась освоить альтернативные рынки и закрепить свою роль доминирующего энергетического игрока в Евразии. Цель союза — использовать синергию между странами-участницами, расширяя торговлю энергоресурсами и развитие инфраструктуры, обеспечивая при этом энергетическую безопасность и диверсификацию¹⁴.

Газовый союз был создан путем дипломатических маневров и заключения соглашений,

¹³ Aramov J. Russia — Kazakhstan — Uzbekistan Gas Union: The Costs and Benefits for Uzbekistan // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. November 23, 2023. URL: <https://cabar.asia/en/russia-kazakhstan-uzbekistan-gas-union-the-costs-and-benefits-for-uzbekistan> (accessed: 30.12.2023).

¹⁴ Coleman N., Elliott S. Gazprom Signs Strategic Cooperation Pact with Uzbekistan, Eyes More Gas Routes // S&P Global. November 1, 2023. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/natural-gas/110123-gazprom-signs-strategic-cooperation-pact-with-uzbekistan-eyes-more-gas-routes> (accessed: 10.01.2024).

в которых основное внимание уделялось энергетическому сотрудничеству, оптимизации трубопроводов и балансу торговли газом между странами-участницами. Эти соглашения были основаны на встречах и визитах на высоком уровне, направленных на обеспечение региональной энергетической безопасности и экономического сотрудничества. Они также включали в себя обсуждение вопросов энергоэффективности, технологического обмена, возобновляемых источников энергии, региональной стабильности, экономического развития и экологической устойчивости.

Роль Казахстана и Узбекистана в газовом союзе выходит за рамки их географического положения. Благодаря разветвленной сети трубопроводов и значительным запасам нефти и газа Казахстан стал важнейшим транзитным и инвестиционным узлом в рамках союза¹⁵. Способность сбалансировать отношения с Россией и Китаем сделала Казахстан ключевым посредником и стратегическим партнером великих держав в региональном энергетическом ландшафте.

Участие Узбекистана в газовом союзе было обусловлено его потребностью в энергетической безопасности и диверсификации экономики. Как страна с растущими потребностями в энергоресурсах, Узбекистан рассматривал союз как возможность обеспечить надежные поставки энергоресурсов, используя при этом потенциал технологического и инфраструктурного развития¹⁶. Участие страны означало переход от традиционно изолированной энергетической политики к более интегрированному региональному подходу.

Создание газового союза России, Казахстана и Узбекистана — это многогранное событие, обусловленное геополитическими сдвигами, экономическими стратегиями и региональной динамикой. Оно знаменует собой важный этап в евразийской энергетической политике с потенциальными последствиями для глобального энергетического ландшафта.

¹⁵ Huasheng Z. Central Asia in Change: Beyond the 'Great Game' // The Valdai Discussion Club. August 1, 2023. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/central-asia-in-change-beyond-the-great-game/> (accessed: 10.01.2024).

¹⁶ Ibid.

Геополитические последствия

Газовый союз России, Казахстана и Узбекистана существенно меняет динамику сил в регионе. Его создание знаменует собой переход от подхода, основанного на доминировании, к более кооперативной и регионально интегрированной стратегии. Возрастает роль Казахстана и Узбекистана как акторов международных отношений, которые ранее выступали, например, объектами для демократизации со стороны западных стран (Honrada, Ranjbar & Mukan, 2023).

Создание подобного союза также отвечает стратегическим интересам России в Центральной Азии. Во-первых, Россия обеспечивает стабильную буферную зону вдоль своего южного фланга — области традиционных геополитических интересов. Во-вторых, союз предоставляет России доступ к значительным энергетическим ресурсам Центральной Азии, обеспечивая диверсификацию маршрутов поставок энергоносителей, особенно в условиях западных санкций и растущей ненадежности европейских рынков¹⁷. Кроме того, он позволяет России сохранять свои позиции в регионе на фоне роста китайского влияния.

Отдельно следует выделить и проблему изношенности трубопроводной системы САЦ. Россия не может позволить себе тратить миллионы долларов на обновление устаревшей советской газовой инфраструктуры, поскольку рынок природного газа в Центральной Азии слишком мал. Вместо этого Россия может подключить его к таким текущим проектам, как «Пакистанский поток», трубопровод Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ), трубопровод Иран — Пакистан — Индия (ИПИ) и коридор Север — Юг (Strokan, 2023).

Создание этого союза имеет последствия, выходящие за пределы региональных границ и влияющие на более широкую канву глобальной энергетической политики. По мнению директора Департамента экономического

сотрудничества МИД России Д.А. Биричевского, газовый союз обладает достаточным потенциалом для дальнейшего расширения¹⁸. Он сигнализирует о переходе к региональным блокам и альянсам в торговле энергоресурсами, бросая вызов существующему глобальному энергетическому порядку, в котором доминируют несколько ключевых игроков. Такая перестройка может привести к изменениям в глобальных цепочках поставок энергоносителей, потенциально влияя на мировые цены на энергоносители и стабильность рынка.

Экономические возможности

Газовый союз России, Казахстана и Узбекистана дает существенные экономические преимущества странам-участницам. Для России он открывает новые рынки для экспорта газа, потенциально компенсируя потерю европейских рынков и увеличивая доходы энергетического сектора. Страны Центральной Азии получают выгоду от платы за транзит, увеличения иностранных инвестиций и улучшения доступа к энергоресурсам¹⁹. Этот альянс может стимулировать экономический рост, создать рабочие места и улучшить энергетическую инфраструктуру региона. Он также позволит странам-участницам диверсифицировать свою экономику, снизив зависимость от одного экспортного товара и способствуя более широкому экономическому развитию.

Воздействие союза на динамику газового рынка и цены на газ весьма значительно. Обеспечивая альтернативный источник природного газа для Азии, союз может влиять на установление более конкурентоспособных цен, что благоприятно скажется на потребителях. Кроме того, такая перестройка может отразиться на стратегиях других экспортеров газа, которым придется приспособливаться к

¹⁷ Losz A., Mitrova T. Central Asia's Overlooked Energy Crisis: What it Means for the Global Gas Market // Center on Global Energy Policy at Columbia University, SIPA. March 28, 2023. URL: <https://www.energypolicy.columbia.edu/central-asias-overlooked-energy-crisis-what-it-means-for-the-global-gas-market/> (accessed: 10.01.2024).

¹⁸ The Gas Union of Russia, Uzbekistan and Kazakhstan May Expand // Embassy Life. August 16, 2023. URL: <https://embassylife.ru/en/post/33038> (accessed: 11.01.2024).

¹⁹ Strokan M., Mukhammadkulova N. A Trilateral Gas Union: Risks and Benefits for Central Asia // The Diplomat. January 20, 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/01/a-trilateral-gas-union-risks-and-benefits-for-central-asia/> (accessed: 10.01.2024).

меняющейся динамике рынка²⁰. Способность союза потенциально контролировать значительную часть поставок газа в Азию может дать ему значительное влияние на установление региональных цен на газ. Развитие газового союза также может укрепить дальнейшее развитие евразийской интеграции (Базавлук, Курылев, Савин, 2022).

Создание газового союза, вероятно, подтолкнет развитие инфраструктуры и откроет новые инвестиционные возможности. Потребуется модернизация и расширение существующей трубопроводной сети, а также создание новых трубопроводов для обеспечения роста добычи и транспортировки газа. Это может привлечь в регион значительные инвестиции. Кроме того, существуют возможности в смежных секторах, таких как энергетические технологии, интеграция возобновляемых источников энергии и проекты по повышению энергоэффективности (Грозин, 2023). Эти инвестиции стимулируют энергетический сектор и потенциально могут способствовать более широкому экономическому росту и технологическому прогрессу в регионе.

Экономические последствия создания союза могут выйти за пределы энергетического сектора и повлиять на региональную политику, торговые схемы и дипломатические отношения. Газовый союз позиционирует Россию и страны Центральной Азии как центральных игроков в Евразии, потенциально меняя региональные альянсы и экономические блоки.

Проблемы и ограничения

Несмотря на перспективность, создание газового союза России со странами Центральной Азии не лишено политических и экономических рисков. В политическом плане союз может усилить напряженность в регионе, поскольку соседние страны или мировые державы могут расценить его как изменение существующего регионального баланса сил. С экономической точки зрения зависимость регионального сотрудничества

от природного газа создает дополнительные риски, особенно в условиях нестабильности мирового энергетического рынка. Кроме того, экономические выгоды зависят от стабильных политических отношений между странами-участницами, а любая внутренняя нестабильность может поставить под угрозу достижение целей такого союза.

Отдельно можно выделить и позицию Туркменистана. На сегодняшний день Туркменистан является одним из крупнейших производителей и экспортеров природного газа в Центральной Азии, сотрудничая с различными странами Европы и Азии. В рамках центральноазиатского сотрудничества Туркменистан, Казахстан и Узбекистан взаимодействуют в сфере транспортировки газа в Китай по трем веткам газопровода Туркменистан — Китай. В настоящее время по указанному газопроводу поставляется 40 млрд куб. м газа в год из 55 млрд, остальное приходится на Узбекистан и Казахстан²¹. Однако Туркменистан скептически отнесся к газовой инициативе России.

12 августа 2023 г. Министерство иностранных дел Туркменистана опубликовало заявление заместителя председателя правления «Туркменгаза» Мырата Арчаева о том, что планы России по созданию «газового союза» с Казахстаном и Узбекистаном затрагивают интересы Ашхабада. В связи с этим М. Арчаев перечислил вопросы, возникшие у туркмен после интервью с директором департамента экономического сотрудничества МИД России Д.А. Биричевским, допустившим «расширение трехстороннего сотрудничества в газовой сфере»²².

Другая проблема связана с модернизацией и расширением существующей инфраструктуры в связи с ростом поставок газа²³.

²¹ Сообщение для средств массовой информации // Посольство Туркменистана в РФ. 12.08.2023. URL: <https://russia.tmembassy.gov.tm/ru/news/120178> (дата обращения: 20.02.2024).

²² Туркмения увидела угрозу своим интересам в «газовом союзе» России, Казахстана и Узбекистана // Ведомости. 14.08.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/08/14/989899-turkmeniya-uidela-ugrozu-svoim-interesam> (дата обращения: 20.02.2024).

²³ Russie, Qazaq va Ozbek etehadiye gas: “hazine ha va mazaya” [Газовый союз России, Казахстана и

²⁰ Russia and Central Asian States Will Cooperate on Gas // Oxford Analytica. Expert Briefings. 2023. URL: <https://doi.org/10.1108/oxan-db278988> (accessed: 11.01.2024).

Газопроводная система САЦ, несмотря на свою протяженность, нуждается в модернизации и технологическом обновлении для повышения эффективности и пропускной способности. Это дорогостоящее и технологически сложное мероприятие, требующее специальных знаний и постоянных инвестиций. Кроме того, интеграция различных инфраструктурных систем стран-участниц также создает логистические проблемы.

Поскольку в мировой энергетической политике все большее предпочтение отдается устойчивым и возобновляемым источникам энергии, ориентация союза на ископаемое топливо может столкнуться с растущим вниманием к экологии. Это потребует стратегического поворота в сторону более устойчивых практик, что представляет собой серьезную проблему с учетом нынешних инфраструктурных и инвестиционных предпочтений (Lv, 2023). Члены союза должны будут найти тонкий баланс между экономическим ростом и сохранением окружающей среды, включая решение проблем, связанных с выбросами парниковых газов и экологическими последствиями, которые являются ключевыми в современном глобальном дискурсе энергетических проектов.

Следует отметить, что основные санкции, введенные против России, могут напрямую повлиять на деятельность союза. Эти санкции, особенно направленные на энергетический сектор, могут ограничить возможности России по инвестированию и развитию необходимой инфраструктуры для газового союза. Они также могут ограничить доступ союза к мировым финансовым системам и рынкам,

Узбекистана: «издержки и выгоды»] // The Islamic Republic News Agency. 23.11.2023. (На фарси). URL: <https://irna.ir/xjP5GK> (accessed: 12.01.2024).

что повлияет на его экономическую жизнеспособность. Кроме того, существенный риск представляют вторичные санкции, которые направлены против организаций, ведущих бизнес со странами или секторами, попавшими под санкции (Чувывчикина, 2023). Санкции могут удержать потенциальных инвесторов и партнеров от сотрудничества со странами — членами газового союза, что, в свою очередь, может привести к их изоляции на мировом энергетическом рынке и ограничить возможности союза по доступу к необходимым технологиям и инвестициям.

Чтобы справиться с вышеуказанными проблемами, сохранить экономическую жизнеспособность и региональную стабильность, потребуются продуманные дипломатические и стратегические маневры. Способность союза адаптироваться к внешнему давлению и находить альтернативные пути для сотрудничества и привлечения инвестиций станет залогом его успеха и устойчивости.

Заключение

Создание газового союза знаменует собой начало трансформации в энергетической политике Центральной Азии. Ключевым элементом данного объединения является газопроводная система САЦ, используя которую его участники осуществляют поставки газа.

В целом развитие энергетического сотрудничества между Россией, Казахстаном и Узбекистаном может положительно сказаться на уровне энергетической безопасности в регионе Центральной Азии. Принятые сегодня решения, несомненно, определяют энергетическую безопасность и геополитическую расстановку сил в Центральной Азии на годы вперед.

Поступила в редакцию / Received: 15.01.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 02.03.2024
Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- Ананьев Б. И. Санкции в теории международных отношений: методологические противоречия и проблемы интерпретации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14, № 3. С. 136–150. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-07>; EDN: YNACQW
- Аржаев Ф. И. Геоэкономическая стратегия России в Центральной Азии в условиях санкционного давления // Научный результат. Экономические исследования. 2023. Т. 9, № 3. С. 5–15. <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2023-9-3-0-1>; EDN: VMSVBR

- Базавлук С. В., Курьлев К. П., Савин Л. В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 30–42. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42>; EDN: TEDHBW
- Белоглазов А. В. Энергетическая политика России в Центральной Азии в начале XXI века (2000–2007 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, № 7. С. 219–232. EDN: JVWEZD
- Грозин А. В. Проект газового альянса и перспективы формирования газотранспортной системы Россия — Южная Азия // Геоэкономика энергетики. 2023. Т. 21, № 1. С. 56–78. https://doi.org/10.48137/26870703_2022_21_1_56; EDN: CFWHNT
- Жаде З. А. Национальные интересы и безопасность России в контексте геополитики // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 2. С. 59–63. EDN: JXZDNV
- Паньшина Д. А., Уфимцева О. В. Национальные интересы как базовое понятие в теории международных отношений // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2016. № 4. С. 22–25. EDN: YLNTKQ
- Саидов А. Х., Кашишская Л. Ф. Национальная безопасность и национальные интересы: взаимосвязь и взаимодействие (опыт политико-правового анализа) // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 119–126. EDN: OPCVGV
- Тазетдинов В. И. История развития производства труб большого диаметра: от газопроводов «Средняя Азия — Центр» до «Белой металлургии» // Актуальные вопросы экономических наук. 2011. № 21–2. С. 211–215. EDN: RWADHP
- Харитонова Д. В. Энергия Большой Евразии: перспективы и достижения // Геоэкономика энергетики. 2023. Т. 21, № 1. С. 79–92. https://doi.org/10.48137/26870703_2022_21_1_79; EDN: HHQHGG
- Чувьичкина И. А. Трансформация российско-европейских отношений в энергетике в контексте санкционной политики // Экономические и социальные проблемы России. 2023. № 2. С. 31–45. <https://doi.org/10.31249/espr/2023.02.02>; EDN: FNWXKP
- Aminjonov F. Energy Security Policies of the Central Asian Countries: Hydrocarbons and Electric Power Sectors. Almaty : Eurasian Research Institute, 2018.
- Askhat G., Mukan S., Saudabekova E. Kazakhstan's Energy Policy in the Context of Sustainable Development Implementation // Journal of Central Asian Studies. 2021. Vol. 83, no. 3. P. 45–52. <https://doi.org/10.52536/2788-5909.2021-3.04>
- Bahgat G. Energy Security: An Interdisciplinary Approach. Chichester, West Sussex, U.K. : Wiley, 2011.
- Honrada G. J., Ranjbar D., Mukan S. Regional Democratization: A Comparative Analysis of EU and US Efforts in Central Asia and Southeast Asia // Journal of International Studies. 2023. Vol. 19, no. 2. P. 277–306. URL: <https://e-journal.uum.edu.my/index.php/jis/article/view/16476> (accessed: 10.01.2024).
- Kratochwil F. On the Notion of “Interest” in International Relations // International Organization. 1982. Vol. 36, no. 1. P. 1–30. <https://doi.org/10.1017/S0020818300004768>
- Ly Yongjun. Transitioning to Sustainable Energy: Opportunities, Challenges, and the Potential of Block Chain Technology // Frontiers in Energy Research. 2023. Vol. 11. P. 1–20. <https://doi.org/10.3389/fenrg.2023.1258044>
- Salikhov T. P., Nasyrov T. H. The Conception of the Use of Renewable Energy Sources and Their Role in the Energy Balance of Uzbekistan // Renewable Energies for Central Asia Countries: Economic, Environmental and Social Impacts / ed. by A. Iacomelli. Dordrecht : Springer, 2005. P. 103–121. https://doi.org/10.1007/1-4020-3926-3_9
- Shaffer B. Energy Politics. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2009.
- Strokan M. A Window to India? The Trilateral Gas Union and Russia's Energy Pivot to Asia // Asian Affairs. 2023. Vol. 54, no. 3. P. 498–526. <https://doi.org/10.1080/03068374.2023.2254077>
- Yazdani E. Foreign Relations in Central Asia: A Comparison Between the Soviet and post-Soviet Era // Comparative Politics Russia. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 56–67. <https://doi.org/10.24412/2221-3279-2021-10040>; EDN: RONCVI

Сведения об авторах:

Ранджбар Даниал — ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; e-library SPIN-код: 5294-1502; ORCID: 0000-0002-1619-3383; e-mail: randzhbar.meshkin.d@pfur.ru

Мукан Сакен Муканулы — PhD (международные отношения), профессор кафедры медиакоммуникаций и истории Казахстана, Международный университет информационных технологий; ORCID: 0000-0003-0652-2806; e-mail: s.mukan@iitu.edu.kz

Ниязгулова Айгуль Аскарбековна — PhD (медиакоммуникации), заведующая кафедрой медиакоммуникаций и истории Казахстана, Международный университет информационных технологий; ORCID: 0000-0003-2728-6814; e-mail: a.nijasgulova@iitu.edu.kz

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-227-238

EDN: VXLNHV

Научная статья / Research article

Проблемы во взаимодействии между дипмиссиями УССР и РСФСР в Варшаве в процессе создания СССР

С.А. Скляров

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 redactors@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются наиболее острые проблемы и их решение во взаимоотношениях между дипломатами РСФСР и Украинской ССР (УССР) в Польше в период создания Советского Союза (1921–1923 гг.) Актуальность исследования обусловлена введением в научный оборот недавно рассекреченных архивных документов, а также ростом интереса к теме в связи со столетним юбилеем создания СССР. Цель состоит в выявлении ранее замалчиваемых фактов и проблем, сопровождавших работу внешнеполитических ведомств советских республик вплоть до жесткой централизации и регламентации их деятельности, пришедшихся на вторую половину 1923 г. До сих пор в российской историографии вопросы взаимодействия дипломатических ведомств советских республик остаются практически неизученными. При этом к теме проявляют несомненный интерес ограниченные материалами в основном локальных архивов исследователи в других постсоветских странах. Автор опирается на методы сравнительного исторического анализа, а также на ранее засекреченные документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), в частности, переписку полномочного представительства РСФСР с центральным аппаратом Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) РСФСР в Москве. Установлено, что во взаимоотношениях между действовавшими в Варшаве в 1921–1923 гг. дипломатическими миссиями РСФСР и УССР возникали постоянные недоразумения и конфликтные ситуации. К их разрешению приходилось постоянно привлекать вышестоящих должностных лиц в Москве и Харькове. При этом не всегда возникавшие разногласия и конфликты удавалось решать оперативно из-за отсутствия готовых решений в профильных ведомствах двух республик. Многие разногласия в действиях российских и украинских дипломатов отражали многочисленные внутрипартийные споры по самым разным вопросам субординации и государственного устройства, развернувшиеся среди победивших в России и на Украине большевиков. Возникавшие противоречия, особенно на первом этапе становления дипломатических миссий, пытался углубить и использовать в своих целях МИД Польши.

Ключевые слова: Россия, Украина, конфликты между республиками, Польша, Советский Союз, сепаратный договор, репатриация, москвофилы

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Скляров С.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Склярёв С. А. Проблемы во взаимодействии между дипмиссиями УССР и РСФСР в Варшаве в процессе создания СССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 227–238. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-227-238>

Problems of Interaction Between the Diplomatic Missions of the Ukrainian SSR and the RSFSR in Warsaw in the Process of Creating the USSR

Sergey A. Sklyarov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation
redaktors@mail.ru

Abstract. The article examines the most acute problems and their solutions in the relations between the diplomats of the RSFSR and the Ukrainian SSR in Poland during the establishment of the Soviet Union (1921–1923). The relevance of the study is due to the introduction of recently declassified archival documents into the scientific discourse, as well as the growing interest in the topic in connection with the centennial of the creation of the USSR. The purpose of the study is to reveal the previously silenced facts and problems that accompanied the work of the foreign policy departments of the Soviet republics up to the rigid centralization and regulation of their activities, which occurred in the second half of 1923. So far, the issues of interaction between the diplomatic departments of the Soviet republics have remained virtually unexplored in the Russian historiography. At the same time, researchers in other post-Soviet countries are undoubtedly interested in the subject, which is limited by the materials of mainly local archives. The work is based on the methods of comparative historical analysis. The source base is based on the previously classified documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, in particular, the correspondence of the RSFSR plenipotentiary representation with the central office of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the RSFSR in Moscow. As a result of the study, the author came to the conclusion that in 1921–1923 there were constant misunderstandings and conflict situations in the relations between the diplomatic missions of the RSFSR and the Ukrainian SSR operating in Warsaw. The higher officials in Moscow and Kharkov had to be constantly involved in their resolution. At the same time, it was not always possible to resolve disagreements and conflicts that arose promptly due to the lack of ready solutions in the specialized departments of the two republics. Many disagreements in the actions of Russian and Ukrainian diplomats reflected the numerous intra-party disputes over various issues of subordination and state structure that developed among the Bolsheviks who had won in Russia and Ukraine. The contradictions that arose, especially in the first stage of the establishment of diplomatic missions, were tried to be deepened and used for their own purposes by the Polish Ministry of Foreign Affairs.

Key words: Russia, Ukraine, conflicts between the republics, Poland, Soviet Union, separate agreement, repatriation, Moscowophiles

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Sklyarov, S. A. (2024). Problems of interaction between the diplomatic missions of the Ukrainian SSR and the RSFSR in Warsaw in the process of creating the USSR. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 227–238. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-227-238>

Введение

Прошел век с того момента, как 31 января 1924 г. Второй съезд Советов СССР окончательно утвердил первую Конституцию Советского Союза, в соответствии со ст. 49 и 51 которой создавался общесоюзный Народный комиссариат СССР по иностранным делам¹. В рамках подготовки к этому

событию всю вторую половину 1923 г. шла реорганизация Народных комиссариатов иностранных дел (НКИД) союзных республик, сопровождавшаяся серьезными дискуссиями, спорами и разногласиями среди большевиков. Одним из наиболее конфликтных и неизученных до сих пор вопросов предста-

факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm> (дата обращения: 10.07.2023).

¹ Конституция: Основной закон Союза Советских Социалистических республик // Исторический

ют взаимоотношения между полномочными представительствами Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) в Польше в 1921–1923 гг. Об этом свидетельствует рассекреченная после распада СССР переписка полпредства РСФСР в Варшаве с центральным аппаратом в Москве.

Степень исследования проблемы

Советская историография крайне скудно освещала межреспубликанские противоречия в процессе создания СССР. В редких работах можно найти осторожные попытки рассмотреть вставшие в первые годы Советской власти вопросы о нецелесообразности создания отдельной Белорусской республики и выделения из состава РСФСР Латвии в 1918 г. (Куличенко, 1973, с. 108, 113) или косвенные указания на возможное наличие противоречий во внешнеэкономических отношениях между РСФСР и УССР по вопросу заключения торгового договора с Польшей в 1921–1922 гг. и стремление Польши сыграть на них (Джеджула, 1965, с. 30).

Рост интереса к проблемным вопросам взаимоотношений между советскими республиками в период создания СССР пришелся на годы перестройки, когда начали активно публиковаться засекреченные ранее документы², и на период после распада Советского Союза. Лучше всего на данный момент исследованы пограничные споры между союзными республиками в период создания и в первые годы существования СССР. К этой тематике обращаются белорусские (Хоміч, 2000; Бараноўскі, 2018; Райченко, 2018), российские (Короткова, 2018), азербайджанские (Мустафаева, 2010; Гасанлы, 2011) и армянские³

историки. В публикациях украинских (Боечко, 1991; Боечко, Ганжа, Захарчук, 1994; Єфіменко, 2012; Сокирська, 2018) и российских⁴ исследователей поднимаются споры, развернувшиеся в 1920-е гг. при определении и пересмотре границ между УССР и РСФСР.

В постсоветский период также детально исследуется противостояние в вопросах национальной политики и государственного устройства при создании СССР между Москвой (прежде всего сторонниками «автономизма» в Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)) и руководством Украинской и Грузинской ССР (Купчик, 2010; Сахаров, 2012; Вдовин, 2018, с. 12–20; Аверьянов, 2019; Биюшкина, 2022; Белявцева, 2023).

Однако до сих пор очень слабо изучены межреспубликанские противоречия в дипломатической сфере. В частности, О. Купчик кратко упоминает о противодействии в 1921 г. властей РСФСР установлению дипломатических отношений УССР с Белорусской, Армянской и Азербайджанской ССР, а также Грузинской и Дальневосточной республиками (Купчик, 2015). И.Б. Матяш обращает внимание на неудачные попытки властей УССР добиться в апреле-июне 1923 г. от Политбюро Центрального комитета (ЦК) РКП(б) пересмотра вопроса о слиянии НКВД УССР и РСФСР, а также на проявившиеся тогда разногласия между консульствами УССР и РСФСР в вопросе возвращения в УССР репатриантов из Америки (Матяш, 2016, с. 312–316). В ряде работ можно найти отдельные аспекты споров между Харьковом и Москвой в 1920-е гг. о кадровых назначениях в диппредставительства СССР за рубежом⁵.

² Из истории образования СССР: документы и материалы о работе комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму ЦК партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191–219.

³ Нагорный Карабах в 1918–1923 гг.: сборник документов и материалов. Ереван : Изд-во АН Армении, 1992. С. 609–670.

⁴ Галкин Ю. И. Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 гг. за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области. Москва : Щербинская типография, 2007. См. также: (Борисенок, 2005).

⁵ Україна — Польща 1920–1939 рр.: 3 історії дипломатичних відносин УССР з Другою Річчю Посполитою : Документи і матеріали. Київ : Дух і Літера, 2012. См. также: (Рубльов, Горбуров, 2017).

Первые проявления противоречий между Харьковом и Москвой в работе советских дипломатов в Варшаве и причины этих противоречий

Учитывая формально независимый статус Советской России и Советской Украины, заключивших в качестве равноправных сторон 18 марта 1921 г. Рижский мирный договор с Польшей, обе советские республики установили дипломатические отношения с Варшавой. 3 августа 1921 г. в Варшаву прибыл полномочный представитель РСФСР Л.М. Карахан, а 4 августа в Москву — поверенный в делах Польши в РСФСР Титус Филипович. Между Польшей и УССР обмен диппредставительствами произошел позже: 6 октября в Варшаву отправился полпред УССР А.Я. Шумский, а в Харьков — поверенный в делах Польши Франтишек Ян Пулаский. До прибытия полноценных дипмиссий с февраля 1921 г. дипотношения между Польшей, РСФСР и УССР поддерживали представители польской и российско-украинской делегаций Смешанной комиссии по делам репатриации (Матвеев, 2010а; 2010б, с. 44).

Заклученный 20 декабря 1920 г. союзный договор между РСФСР и УССР предусматривал «независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон». Согласно договору, два советских государства создавали объединенные комиссариаты военных и морских дел, Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ), внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфа, которые одновременно входили в состав Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР и имели в Совнаркоме УССР своих уполномоченных, «утверждаемых и контролируемых украинскими ЦИК и Съездом Советов». Объединенные комиссариаты должны были подчиняться Всероссийскому съезду Советов и Всероссийскому центральному исполнительному комитету (ВЦИК), в которых УССР должна была делегировать своих представителей. Конкретные формы управления объединенными комиссариатами должны были устанавливаться

«особыми соглашениями между обоими правительствами». При этом об органах власти, отвечавших за внешнюю политику, в союзном договоре вообще ничего не было сказано⁶.

Громоздкость и отсутствие документальной детализации управления создаваемым военным и хозяйственным союзом Советской России и Советской Украины оставляли широкое поле не только для теоретических дискуссий в РКП(б) и Коммунистической партии (большевиков) Украины (КП(б)У), но и практически немедленно проявились в деятельности открытых в Варшаве полпредств РСФСР и УССР, а также в продолжавшей свою работу Смешанной комиссии по репатриации. По ряду ключевых вопросов позиции Харькова и Москвы либо расходились и нуждались в согласовании, либо вообще не были сформулированы и утверждены одной из сторон.

12 октября 1921 г. полпред РСФСР Л.М. Карахан запросил у замнаркома по иностранным делам РСФСР М.М. Литвинова инструкции по вопросу, как вести себя делегации на переговорах в Смешанной комиссии по репатриации по вопросу амнистии участников интернированных в Польше белогвардейских частей. К этому моменту правительство УССР уже прислало инструкцию для русско-украинской делегации, а позиция властей РСФСР еще не была сформулирована. Согласно инструкции УССР, надлежало предоставить амнистию пелюровцам, которые «искренне заявят о готовности быть лояльными гражданами УССР». При этом, чтобы не допустить просачивания с репатриантами враждебных элементов, амнистии подлежали «только рядовые и редкие одиночки-офицеры и интеллигенты, в искренности которых не возникает сомнений»⁷.

⁶ Союзний договір між РСФРР та УСРР (28 грудня 1920 р.) // Павло Павлович Гай-Нижник. Особистий сайт. URL: [http://www.hai-nyzhnyk.in.ua/doc2/1920\(12\)28.sozuznyi_dogovir.php](http://www.hai-nyzhnyk.in.ua/doc2/1920(12)28.sozuznyi_dogovir.php) (дата обращения: 15.03.2023).

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 82 (52484). Л. 114–115.

Л.М. Карахану пришлось настоять на исключении из требований украинской стороны условия о высылке из Польши поименно перечисленных «белогвардейцев», список которых был доведен до сведения полпреда УССР А.Я. Шумского нотой председателя Совнаркома и наркома по иностранным делам УССР Х.Г. Раковского. Настаивая на непродлении такого требования, Л.М. Карахан в письме наркому по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерину от 5 ноября 1921 г. указал, что такое требование «означало бы бросить вызов и польпра (польскому правительству. — С.С.) и Сейму и создать безвыходное положение», учитывая резко отрицательное отношение поляков к подобным ультиматумам⁸.

Несмотря на более мягкий подход РСФСР, польские власти предприняли попытку вести переговоры о судьбе интернированных военнослужащих Украинской Народной Республики (УНР) без посредничества российских дипломатов, непосредственно с представителями Советской Украины. Как сообщал советник полпредства РСФСР в Польше Л.Л. Оболенский в письме Г.В. Чичерину от 6 декабря 1921 г., Варшава подняла вопрос о судьбе интернированных через поверенного в делах Польши в УССР Ф.Я. Пуласского. Харьков предложил отправить своих представителей в лагеря для интернированных с целью составления списков подпадающих под амнистию петлюровцев, после чего лагеря должны были быть ликвидированы, а не подпавшие под амнистию — высланы из Польши. В ответ «Пуласский будто бы заявил», что эти интернированные будут высланы в Бразилию. Такое высказывание породило подозрения у представителей УССР, что на самом деле им позволят перебраться из Польши не в Бразилию, а «в Чехию и оттуда в Румынию»⁹.

Иногда несогласованность позиций союзных республик в сочетании с неразберихой между НКВД РСФСР и УССР приводила

к комичным ситуациям. Об одной из них 19 декабря 1921 г. телеграфировал из Варшавы Г.В. Чичерину Л.М. Карахан. В декабре советская сторона дала сразу три противоречивых ответа на предложение Варшавы начать переговоры о заключении торгового договора. Г.В. Чичерин в ноте НКВД РСФСР дал согласие от имени РСФСР и УССР на немедленное начало переговоров в Москве. А.Я. Шумский в ходе предварительного обмена мнениями с польской стороной дал от имени Советской Украины согласие на начало переговоров в Варшаве. В то же время Х.Г. Раковский в Харькове заявил польскому представителю, что отклоняет какие-либо переговоры до ликвидации петлюровщины. «Поляки имеют полную возможность высмеять нас за это», отмечал Л.М. Карахан, призывая усилить координацию и исключить в будущем такой разнбой¹⁰.

Разногласия по торговому договору

В 1921–1922 гг. Л.Л. Оболенский постоянно жаловался в Москву на попытки полпреда УССР А.Я. Шумского вести самостоятельную политику без согласования с ним и линией НКВД РСФСР. В ноябре 1921 г. Л.Л. Оболенский сообщил в Москву о переговорах А.Я. Шумского с представителями МИД Польши о возможном заключении между УССР и Польшей отдельного торгового договора.

В полученных в ответ письмах — 28 ноября от наркома Г.В. Чичерина и 29 ноября от члена аппарата НКВД Я.Х. Давтяна — сообщалось о решении коллегии НКВД РСФСР о недопустимости заключения Украинской ССР сепаратного торгового договора с Польшей, а также об отправке Х.Г. Раковскому шифровки с просьбой инструктировать в этом ключе А.Я. Шумского. В то же время российский нарком указывал на жалобы Х.Г. Раковского на несоблюдение «необходимого декораума независимости Украины» полпредом РСФСР в Варшаве Л.М. Караханом в случае с вторжением петлюровцев на Советскую

⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 209. Д. 82 (52484). Л. 148.

⁹ Там же. Д. 83 (52485). Л. 56–57.

¹⁰ Там же. П. 215. Д. 52628. Л. 8–9.

Украину, из-за чего А.Я. Шумский «оказывается иногда поставлен в нелепое положение». Вспомнив о жалобах российских дипломатов на «склонность Шумского к более воинственной политике», Г.В. Чичерин настаивал на подчинении полпредов союзных республик «директивам полпреда РСФСР, работающего по директивам Наркоминдела РСФСР, связанного с Политбюро». В свою очередь, Я.Х. Давтян сообщал о необходимости прямого подчинения А.Я. Шумского «директивам нашего полпреда», добавляя, что «о подчинении полпредов союзных республик полпредам РСФСР мы снесли уже с Политбюро»¹¹.

Между тем Л.Л. Оболенский продолжал жаловаться на отсутствие у него контроля над диалогом между Варшавой и Харьковом. В письме от 6 декабря он сообщал Г.В. Чичерину, что поляки не предпринимали никаких действий в его адрес по поводу начала обсуждения вопроса о заключении торгового договора между Польшей и РСФСР. В то же время накануне Ф.Я. Пулаский заявил А.Я. Шумскому, что МИД Польши пришлет ноту правительству УССР с предложением начать переговоры о торговом договоре. В связи с таким развитием событий Л.Л. Оболенский сообщал, что договорился с украинцами действовать в русле полученных от НКВД РСФСР указаний¹².

Только 8 декабря 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) издало постановление о запрете союзным республикам заключать договоры без согласования с НКВД РСФСР и о подчинении полпредов советских республик полпредам РСФСР. «В случае расхождения должно выполняться решение полпреда РСФСР с перенесением вопроса в Москву для согласования с центральными ведомствами заинтересованных республик», — говорилось в постановлении¹³.

Кроме того, Политбюро ЦК РКП(б) запретило советским республикам заключать

договоры с другими странами без согласия НКВД РСФСР. В качестве примера такого договора Г.В. Чичерин привел заключенный 25 ноября 1921 г. украинским дипломатом Ю.М. Коцюбинским договор с Эстонией, о котором он не только не уведомил Москву, но и не уточнил условия, на которых можно было заключать такой договор. В результате договор Украинской ССР с Эстонией противоречил политике Москвы по ряду вопросов¹⁴.

В 1922 г. переговоры о заключении торгового договора с Польшей было поручено вести объединенной советской делегации, которую возглавил А.Я. Шумский.

Решение Политбюро ЦК РКП(б) хотя и установило правила субординации между дипломатами УССР и РСФСР, но не сделало взаимоотношения между ними более теплыми. В НКВД РСФСР постоянно шли жалобы от постпредства РСФСР на поведение украинских дипломатов. Так, в письме без подписи от 12 мая 1922 г. на имя члена коллегии НКВД Я.С. Ганецкого сообщалось, что положение украинской дипмиссии в Варшаве «более, чем странно, народу — масса, денег тратят уйму, делать — ничего не делают, да и не хотят: самостоятельности им не дано». В отсутствие самостоятельности, по словам автора письма, работа полпредства УССР сводилась «к весьма продуктивной деятельности крыловской мартышки с чурбаном», поэтому он предлагал подумать о сокращении персонала украинской дипмиссии, так как помощи от украинцев «нам здесь абсолютно никакой нет, а помешать они иногда весьма могут, хотя бы в репатриации и в деле Махно»¹⁵.

Проект Л.М. Карахана по реорганизации НКВД

Отголоски спора между «независимцами» и «автономистами» в проекции организации работы внешнеполитического ведомства будущего союза республик можно найти в письме российского полпреда Л.М. Карахана Г.В. Чичерину от 3 февраля 1922 г. Л.М. Карахан сообщал, что он не знает, как идет дело

¹¹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 215. Д. 52637. Л. 1–3; П. 209. Д. 86 (52488). Л. 17–19.

¹² Там же. Д. 83 (52485). Л. 56–58.

¹³ Там же. П. 209. Д. 86 (52488). Л. 23–24.

¹⁴ Там же. Л. 21–22.

¹⁵ Там же. П. 211. Д. 131 (52533). Л. 55–56.

объединения республик и какие проекты существуют, но считает опасным создание федерального НКИД, так как в таком случае был риск включить «в коллегия „большую и невеселую“ компанию». По его мнению, функции общего НКИД нужно передать НКИД России, а «для общего руководства внешней политикой» создать отдельный общесоюзный орган, сформированный из представителей, делегированных ВЦИКами союзных республик. У России в этом органе как «у самой великой» должно быть большинство, остальные республики делегировали бы по одному представителю. Возглавить этот орган Л.М. Карахан предлагал В.И. Ленину, а собирать — «время от времени по мере надобности». В промежутках между сессиями этого органа руководить внешней политикой должен был президиум, «т.е. Ильич, т.е. те же, что и теперь». Л.М. Карахан предполагал, что при такой схеме управления внешней политикой союза будет уязвлено самолюбие отдельных республик, но «что делать, когда-нибудь надо начать и формально собирать Россию». Такая схема позволила бы НКИД России выступать от имени «России и союзных ей держав»¹⁶.

Он также предлагал ликвидировать НКИД в республиках, разрешив им при этом сохранить «право активного и пассивного посольства», ставя в пример Баварию, которая такое право имела. Однако эти посольства должны были иметь «в значительной мере представительный характер, а не деловой». В будущем Л.М. Карахан допускал формирование общесоюзного органа по руководству внешней политикой, что должно было свести роль республик к положению штатов США или германских государств¹⁷.

Предвидя несогласие с такой формулой украинцев, которые, по его мнению, соглашались на такой союз без больших споров только в случае, если союз будет называться не Российским, а, например, Восточноевропейским, Л.М. Карахан настаивал, что уступать им нельзя, так как «Россию нельзя

растворить в Союзе». Лишь в будущем, когда существование союза будет признано другими странами, он допускал изменение названия¹⁸.

Сомнения и споры по поводу субординации в создаваемом союзном государстве среди российских и украинских дипломатов в Варшаве продолжались практически весь 1922 и 1923 гг. Это неудивительно, учитывая частую смену конъюнктуры по этому вопросу как в Москве, так и в Харькове.

Попытки Варшавы углубить раскол между РСФСР и УССР

Сепаратные переговоры по торговому договору и судьбе интернированных бойцов армии УНР — не единственные направления, по которым МИД Польши пыталось усилить разногласия между РСФСР и УССР.

В письме от 1 сентября 1922 г. Л.Л. Оболенский сообщал Я.С. Ганецкому о пересказанном ему А.Я. Шумским содержания беседы заместителя управляющего политического департамента МИД Польши Романа Кноля с сотрудником полпредства УССР И.М. Сияком. Р. Кноль заявил о поручении министра иностранных дел Польши Габриэля Нарutowича поставить вопрос о целесообразности работы представительства Польши в УССР «со всеми последствиями для укрпосольства в Варшаве». Такую постановку вопроса он обосновал тем, что практически все поднимаемые польской стороной перед властями УССР вопросы фактически решались не в Харькове, а передавались в НКИД РСФСР. При этом Р. Кноль высказался за установление непосредственных отношений между Польшей и Украиной. Он также выразил желание получить от Харькова официальное заявление о том, что в польском МИД неправильно трактуют характер отношений между Польшей, УССР и РСФСР, чтобы продемонстрировать, что «Украина вполне самостоятельна». В этом случае, по его словам, «польпра [польское правительство. — С.С.] согласно будет послать своего посла в Харьков и будет считать укрпредставительство в Варшаве посольством»¹⁹.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 211. Д. 130 (52532). Л. 13–14.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 125.

В ответном письме от 12 сентября, направленном на имя секретаря полпредства РСФСР в Варшаве И.Л. Лоренца, Я.С. Ганецкий, с одной стороны, сообщал, что «Сияк отчасти не понял Кноля, отчасти сам раздул вопрос». С другой стороны, сообщая о намерении советских республик «объединить внешнюю политику и внешнее представительство», он отмечал желание польских властей посорить РСФСР и УССР. При этом, по мнению Я.С. Ганецкого, сами поляки «великолепно учитывают, что подобные планы им не удались бы», но, приложив усилия в этом направлении, «они до известной степени попали в точку»²⁰.

Новости о создании СССР нарушили привычный ритм работы советских дипломатов. «Не знаю... что вы придумаете в связи с упразднением РСФСР, неужели заставите меня вторично вручать грамоту от СССР, — писал Я.С. Ганецкому предвидевший трудности с признанием новой формы советской государственности Л.Л. Оболенский²¹, — это будет с вашей стороны бесчеловечно»²².

После того, как 30 декабря 1922 г. было объявлено о создании СССР, Варшава не просто отказалась признавать Советский Союз, но и почти год продолжала разыгрывать карту самостоятельности советских республик, сохраняя независимые диппредставительства и в Москве, и в Харькове. Лишь 13 декабря 1923 г. после почти полугодовых переговоров последовало официальное признание Польшей образования СССР. Все это время Польша сопротивлялась закрытию самостоятельного представительства в УССР.

Как сообщал Л.Л. Оболенскому в письме от 10 августа 1923 В.Л. Копп, заменивший Я.С. Ганецкого в коллегии НКВД в качестве куратора польского направления, заместитель поверенного в делах Польши в УССР Марцеллий Шаротта отказывался считаться с образованием Советского Союза и передачей международных отношений УССР в ведение

НКВД в Москве, продолжая посылать ноты в адрес правительства УССР и пользоваться дипломатической курьерской службой. Пресечь его деятельность должен был уполномоченный НКВД СССР при Совнаркоме УССР А.Г. Шлихтер. Планировалось возвращать М. Шаротте его ноты с указанием, «что Наркоминдел Союза находится в Москве, куда и надо обращаться с дипломатической перепиской». В отношении курьерской службы предлагалось указать на недопустимость продолжения ее деятельности, а в случае «если это не подействует, мы лишим польских курьеров между Варшавой и Харьковом дипломатического иммунитета»²³.

Также переведенных в полпредство СССР украинских дипломатов лишили прямой курьерской связи с Харьковом и «прямого провода». В письме Л.Л. Оболенскому от 14 августа 1923 г. В.Л. Копп обосновывал эту меру дороговизной такой связи и тем, что «недопустимо, чтобы тов. Лебединец или Беседовский получали какие-либо самостоятельные директивы из Харькова»²⁴.

Российско-украинские споры в процессе ликвидации полпредства УССР

Провозглашение 30 декабря 1922 г. на 1-м Всесоюзном съезде Советов образования СССР, предполагавшее централизацию внешней политики и диппредставительств за рубежом, до предела обострило отношения между полпредствами РСФСР и УССР. До июля 1923 г., когда был образован НКВД СССР, внешняя политика Советского Союза находилась в ведении НКВД РСФСР. Однако отсутствие утвержденной процедуры создания НКВД СССР и понятных планов о судьбе уже существовавших диппредставительств союзных республик и работавших в них дипломатов способствовало распространению различных вариантов развития событий, домыслов и интриг.

В письме от 13 февраля 1923 г. Л.Л. Оболенский просил Я.С. Ганецкого «привести к порядку украинцев» в связи с распространением ими слухов о том, что в ходе

²⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 211. Д. 134 (52536). Л. 74.

²¹ После отъезда в октябре 1922 г. в Москву Л.М. Карахана Л.Л. Оболенский фактически возглавил полпредство РСФСР в Варшаве. 16 октября 1923 г. он был назначен полпредом СССР в Польше.

²² АВП РФ. Ф.04. Оп. 32. П. 212. Д. 52567. Л. 5.

²³ Там же. Д. 52565. Л. 25–26.

²⁴ Там же. Л. 28–30.

реорганизации советских диппредставительств в Варшаве будет ликвидировано полпредство РСФСР. По словам Л.Л. Оболенского, «это глупо, преждевременно и может оказать разлагающее влияние на мою публику»²⁵.

Нельзя не учитывать, что в это время в РКП(б) параллельно шла дискуссия по различным вопросам государственного строительства. При этом в партии и государстве еще не было авторитарного правления, а в условиях бытовавшего в то время внутрипартийного плюрализма возможны были любые решения и их пересмотр. Так, председатель Совнаркома УССР Х.Г. Раковский на прошедшем в апреле XII съезде РКП(б) под аплодисменты зала раскритиковал попытки наркоматов СССР подмять под себя союзные республики, в том числе подписывать от имени Украины международные договоры, так как никто им таких полномочий не давал. Он призвал резко ограничить полномочия союзных наркоматов и «Русского ЦИКа», перераспределив эти полномочия в пользу союзных республик²⁶.

На многие вопросы реорганизации диппредставительств Москва не могла дать конкретные ответы даже в июле 1923 г., когда уже было принято решение о ликвидации республиканских полпредств за границей. Как следует из письма В.Л. Коппа Л.Л. Оболенскому от 20 июля 1923 г., в центральном аппарате НКВД еще не было четких инструкций «по ликвидации украинского посольства», их обещали прислать позднее. В качестве варианта обсуждался вопрос введения института «украинских советников» при полпредстве СССР, однако В.Л. Копп сообщал, что, будет ли он введен, еще не было известно, а он сам предпочел бы ограничиться введением особого украинского стола при консульстве и спрашивал мнение Л.Л. Оболенского на этот счет. Однако В.Л. Копп указывал, что до окончательного решения вопроса «необходимо принять меры для обеспечения за нами инвентаря и денежных средств

посольства», чтобы они не были отправлены в Харьков. Также, говоря о ликвидации украинского полпредства, В.Л. Копп просил Л.Л. Оболенского в ожидании скорого рассмотрения в Москве незамедлительно представить свои соображения относительно «использования персонала посольства»²⁷.

Только в письме от 24 июля 1923 г. В.Л. Копп информировал Л.Л. Оболенского о достигнутом с бывшим замнаркомом иностранных дел Украины тов. Яковлевым соглашении о ликвидации украинских миссий к 5 августа. Оно предусматривало передачу полпредствам СССР всех дел и имущества, а также создание при консульской части особого стола по украинским делам с привлечением одного или нескольких сотрудников украинской миссии. В полпредствах СССР предполагалось заместить должность советника одним из украинских дипломатов. В Варшаве кандидатами на эту должность значились поверенный в делах УССР в Польше Г.З. Беседовский и руководитель консульской службы полпредства УССР М.М. Лебединец. Л.Л. Оболенскому предлагалось представить свои соображения по этим кандидатурам и другим работникам ликвидируемого украинского полпредства, которых он хотел бы привлечь к работе в украинском столе. Остальных сотрудников предлагалось откомандировать обратно в распоряжение ЦК КП(б)У. В.Л. Копп сообщал также о предложении тов. Яковлева зачислить в штат полпредства СССР сотрудников полпредства УССР, ответственных за работу с украинской эмиграцией, и спрашивал Л.Л. Оболенского о целесообразности такого решения²⁸.

На практике ликвидация диппредставительства УССР в Варшаве привела к конфликту среди советских дипломатов. В образованное на базе полпредства РСФСР полпредство СССР были включены лишь отдельные украинские сотрудники. В частности, Г.З. Беседовский стал советником, а М.М. Лебединец возглавил консульскую службу полпредства СССР. Большая часть сотрудников украинского полпредства была

²⁵ АВП РФ. Ф.04. Оп. 32. П. 212. Д. 52567. Л. 38.

²⁶ Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков) : стенографический отчет, 17–25 апреля 1923 г. Москва : Красная Новь, Главполитпросвет, 1923. С. 436–441.

²⁷ АВП РФ. Ф.04. Оп. 32. П. 212. Д. 52565. Л. 6.

²⁸ Там же. Л. 7–10.

уволена, при этом расчет с ними Л.Л. Оболенский пытался провести по нормам полпредства РСФСР, которые были ниже нормативов полпредства УССР, что вызвало протесты. В письме от 27 августа 1923 г. В.Л. Копп писал Л.Л. Оболенскому, что обсудил этот вопрос с А.Г. Шлихтером и выяснил, что большинство сотрудников украинской дипмиссии были сокращены М.М. Лебединцем ранее по нормативам УССР, поэтому оставшихся шесть человек следует также рассчитать по этим нормативам, так как «соблюдение наших норм... означало бы резкую несправедливость по отношению к оставшимся». Он также предписывал забронировать за украинским ЦК «до особого решения» оставшиеся у М.М. Лебединца суммы от ранее полученного им перевода в 4 тыс. долл. США²⁹.

В ответном письме от 31 августа 1923 г. Л.Л. Оболенский информировал В.Л. Коппа, что ликвидацию украинского полпредства он закончил «по нашим нормам с некоторыми уступками», и все инциденты по этому поводу, кроме одного, исчерпаны³⁰.

Не были довольны кадровыми решениями в ходе реорганизации и отдельные сотрудники полпредства РСФСР, которым пришлось уступить свои должности украинцам. В Варшаве в таком положении оказался И.Л. Лоренц, которому предстояло перейти с должности советника на должность первого секретаря полпредства. В.Л. Копп в письме Л.Л. Оболенскому от 31 июля 1923 г. утверждал, что И.Л. Лоренцу не следует воспринимать эту меру как направленную против него, так как такое решение при ликвидации украинских миссий утверждено Политбюро, и в Берлине подобным образом советником полпредства СССР стал бывший украинский полпред О.Х. Ауссем. В случае несогласия, по словам В.Л. Коппа, И.Л. Лоренцу предстояло возвращаться в Москву и ждать нового назначения³¹. Зарождавшийся конфликт удалось погасить назначением И.Л. Лоренца в августе 1923 г. на пост полпреда СССР в Литве.

²⁹ АВП РФ. Ф.04. Оп. 32. П. 212. Д. 52565. Л. 39–40.

³⁰ Там же. Д. 52567. Л. 178.

³¹ Там же. Д. 52565. Л. 15.

Между Харьковом и Москвой: проблемы субординации после слияния полпредств

Серьезные разногласия в объединенном полпредстве СССР разгорелись по вопросу поддержки различных политических сил в присоединенной к Польше Восточной Галиции. Полпред Л.Л. Оболенский ориентировался на придерживавшихся москвофильских взглядов русско-галицких социалистов, в то время как дипломаты от УССР — на галицийских коммунистов украинской ориентации.

В письме от 18 сентября 1923 г. Л.Л. Оболенский жаловался В.Л. Коппу на «нахлобучку», устроенную ему и Г.З. Беседовскому посетившим полпредство наркомом юстиции и генпрокурором УССР Н.А. Скрыпником, известным сторонником строительства соборной коммунистической Украины. Н.А. Скрыпник обвинил полпредство в поддержке русской прессы и русификации в Галиции, что шло вразрез с работой украинской компартии в этом регионе. Л.Л. Оболенский указывал, что еще год назад он поднимал вопрос о направлении работы с русско-галицкими социалистами и «если бы нужно было слить эту группу с компартией Галиции или ПКП (Польской компартии. — С.С.), то можно было бы на них повлиять», но так как его запрос остался без ответа, он не проявлял инициативы в этом направлении³².

В ответном письме от 28 сентября 1923 г. В.Л. Копп написал, что в октябре 1922 г. «авторитетнейшее учреждение» (так обычно называлось Политбюро ЦК РКП(б). — С.С.) поручило согласовывать все меры по галицийскому вопросу НКВД и Государственному политическому управлению (ГПУ). С тех пор поддержка в основном оказывалась национальным галицийским силам и лишь спорадически — москвофилам. Все уклоны отдельных резидентов в москвофильскую сторону подвергались корректировке из Москвы. Однако это не означает, что полпредство должно следовать линии Н.А. Скрыпника, если он склоняется в националистическую сторону, а «Харьков не может давать тов. Беседовскому никаких заданий,

³² Там же. Д. 52567. Л. 187–189.

с нами не согласованных»³³. Фактически четких указаний это письмо не содержало.

В октябре на конфликт отреагировал Г.В. Чичерин. 25 октября в Варшаву было направлено письмо, в котором он отмечал, что Н.А. Скрыпник действовал вразрез с директивами Москвы, а полпредство в Варшаве выполнило его требования, «полезнейших людей оттолкнули», «при том в весьма грубой форме», о чем информировал начальник иностранного отдела ГПУ М.А. Трилиссер. Этот вопрос обсуждался в присутствии В.Я. Чубаря, тогдашнего председателя Совнаркома УССР, и В.Л. Коппа. В.Я. Чубарь говорил, что Н.А. Скрыпник не имел никакого мандата вмешиваться в политику Москвы, и, если будут перекрещиваться линии Украины и Москвы в каких-либо вопросах, Украина «не желает идти против политики Москвы», на что надо указать украинскому советнику³⁴.

К концу 1923 г. полностью преодолеть разногласия между российскими и украинскими дипломатами в рамках единого полпредства СССР не удалось. Во всяком случае в письме от 14 декабря 1923 г. В.Л. Копп сообщал Л.Л. Оболенскому, что дал свое согласие на отозвание из Варшавы М.М. Лебединца, «памятуя Ваши о нем отзывы», и замену на кандидата, «не стоящего в излишне тесной связи с Харьковом»³⁵. В январе 1924 г. М.М. Лебединец был отозван в Харьков и назначен председателем Верховного суда УССР³⁶.

³³ АВП РФ. Ф.04. Оп. 32. П. 212. Д. 52565. Л. 54.

³⁴ Там же. Л. 65.

³⁵ Там же. Л. 87–88.

³⁶ Лебединец Михайло Мусійович // Інститут історії України НАН України. 2016. URL:

Заключение

Изначально отношения между дипмиссиями РСФСР и УССР в Польше не были простыми. Формально независимый характер украинской советской государственности распространялся и на диппредставительство, что позволяло украинским дипломатам в отсутствие непосредственных команд из Харькова демонстрировать свое несогласие с линией полпредства РСФСР и особую позицию по ряду острых вопросов. В то же время полпредство РСФСР, осознавая фактическую подчиненность властей УССР политике Москвы, нередко в письмах в НКВД выражало недовольство неподчинением ему полпредства УССР и его попытками проявлять самостоятельность. Ситуацию усугубляли действия польского МИД, который, отлично осознавая расхождения между формальным и фактическим статусами УССР относительно РСФСР, выдвигал инициативы, направленные на обострение возникающих между дипломатами двух союзных республик разногласий.

Дипломатическая переписка НКВД РСФСР свидетельствует о том, что, несмотря на идеологическую однородность большевистских режимов в советских республиках, у их представителей были противоположные воззрения на целый ряд внешнеполитических и внешнеэкономических вопросов. Преодолеть все разногласия не удалось и в первый год существования СССР.

http://www.history.org.ua/?termin=Lebedinets_M_M (дата обращения: 10.07.2023).

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 24.03.2024
Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- Аверьянов А. В.* Феномен национальной политики в СССР: особенности становления и развития в 1917–1930 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 8–14. <https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-1-8-14>; EDN: OAIHGK
- Бараноўскі А. В.* Вяртанне ў склад БССР Віцебскай губерні (пазіцыя губернскіх улад) // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст. : матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2018 г. / А. Д. Кароль (старшыня). Мінск : БДУ, 2018. С. 39–44. EDN: PHLELQ

- Белявцева Д. В. Проекты создания СССР: выбор между федерацией и региональным государством // К 100-летию образования СССР: уроки истории : материалы круглого стола кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 15 декабря 2022 г. / под ред. Н. А. Антановича. Минск : БГУ, 2023. С. 18–23.
- Биошкина Н. И. Проекты образования СССР: спорные проблемы дефинирования и экспертные оценки // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 83–87. EDN: PBNMMI
- Боєчко В. Д. Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.) // Український історичний журнал. 1991. № 1. С. 56–77.
- Боєчко В. Д., Ганжа О. І., Захарчук Б. І. Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. Київ : Основи, 1994.
- Борисенко Е. Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / отв. ред. Л. Е. Горизонтов. Москва : Институт славяноведения РАН, 2005. С. 205–237. EDN: ZIKMTP
- Вдовин А. И. СССР. История великой державы (1922–1991). Москва : Проспект, 2018. EDN: NECSMN
- Гасанлы Д. Вопрос о Нагорном Карабахе на Кавказском бюро ЦК РКП(б) в 1920–1923 годах // Кавказ и глобализация. 2011. Т. 5, № 1–2. С. 139–170. EDN: QJCLXX
- Джеджула А. О. З історії українсько-польських економічних відносин (1920–1922). Радянсько-польські відносини в 1919–1920 рр. // Питання нової та новітньої історії. 1965. Вип. 2. С. 25–40.
- Єфіменко Г. Статус УСРР та її взаємовідносини з РСФРР: довгий 1920 рік. Київ : Інститут історії України, 2012.
- Короткова Д. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // Славяноведение. 2018. № 5. С. 48–59. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0000850-8>; EDN: YNRRCH
- Куличенко М. И. О налаживании государственных взаимоотношений народов страны Советов в 1917–1919 гг. // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти / отв. ред. Ю. С. Токарев. Ленинград : Наука, 1973. С. 96–118.
- Купчик О. Демократичні держави й радянські республіки «постімперського простору» у налагодженні офіційних відносин з УСРР (1919–1923 рр.) // Європейські історичні студії. 2015. № 2. С. 200–215.
- Купчик О. Р. Участие УССР в советской внешней политике в контексте создания СССР (1922–1923 гг.) // Revista de Istorie a Moldovei. 2010. No. 3–4. P. 242–256.
- Матвеев Г. Ф. «Деньги в обмен на высылку». Из истории советско-польского дипломатического конфликта в 1921 г. // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930–2005) : сборник статей / отв. ред. К. В. Никифоров. Москва : Институт славяноведения РАН, 2010а. С. 198–216.
- Матвеев Г. Ф. Начало // Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда, М. М. Наринского. Москва : Аспект Пресс, 2010б. С. 15–50.
- Матяш І. Б. Українська консульська служба 1917–1923 рр. як державний інститут: становлення, функціонування, персоналії. Київ : Інститут історії України, 2016.
- Мустафаева С. Советская Россия и формирование границ между государствами Кавказа (на примере Азербайджана и Армении) // Кавказ и глобализация. 2010. Т. 4, № 1–2. С. 230–240. EDN: QUIDT
- Райченко А. А. Проблемы белорусской государственности накануне и в первые годы образования СССР // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2018. № 1. С. 42–46. EDN: XUTLTF
- Рубльов О., Горбуров К. Від Ризького миру до «пакту Молотов — Ріббентропа»: до історії дипломатичних відносин УСРР з Другою Річчюсполитою // Українсько-польські відносини. Новітня доба / відп. ред. М. Литвин. Львів : Національна академія наук України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2017. С. 177–221.
- Сахаров В. А. Союз советских республик или Союз советских народов? // Клио. 2012. № 6. С. 122–132. EDN: OZCVKR
- Сокирська В. В. Відносини між РСФРР і УСРР (1919–1929 рр.): політико-економічний та адміністративно-територіальний дискурс: дис. ... д-ра іст. наук. Умань; Тернопіль, 2018.
- Хоміч С. Асноўныя этапы фармавання тэрыторыі БССР (1918–1926 гг.) // Беларускі гістарычны агляд. 2000. Т. 7, Сш. 2. С. 351–364.

Сведения об авторе:

Склярів Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 9227-6149; ORCID: 0000-0001-5691-4088; e-mail: redaktors@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-239-251

EDN: WJAPTI

Научная статья / Research article

Индонезийская повестка дня: фейковые новости о специальной военной операции РФ в социальных сетях Индонезии

М.А. Мукситх¹, Р.Р. Пратомо¹, В.Л. Музыкант²¹Джакартский национальный университет развития «Ветеран», Джакарта, Индонезия²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерацияmunadhil@upnvj.ac.id

Аннотация. Одним из ключевых событий, оказывающих влияние на международные отношения, является специальная военная операция (СВО) РФ на Украине. На момент написания этой статьи Россия и Украина находятся в состоянии конфликта. Россия объясняет свои действия соображениями обороны, выступая против вступления Украины в НАТО, что сделало бы границы России более уязвимыми. Противостояние между сторонами ведется во всех сферах, в том числе и в информационном пространстве. В данном случае это противостояние предполагает распространение фейковых новостей. Авторы анализируют динамику распространения фейковых новостей в Индонезии по вопросу российской военной операции на Украине. Для проведения качественного исследования авторы используют данные, взятые с информационной платформы TurnBackNoah.ID. Всего был отобран и успешно рассмотрен 71 образец фейковых новостей. Авторы пришли к следующим выводам. Во-первых, *TikTok* оказался одним из основных источников распространения фейковых новостей о конфликте России и Украины. Во-вторых, фейковые новости о СВО не так популярны в Индонезии, как распространяемая в свое время информация о COVID-19, причиной чего является географическое удаление страны от основного места событий. В-третьих, потребители новостей все еще находятся в ловушке субъективных предположений и не столь критичны при проверке информации. Полученные результаты могут стать основой для дальнейших исследований фейковых новостей, а также способов борьбы с ними с опорой на навыки критического мышления.

Ключевые слова: пропаганда, информационная война, социальные сети, Россия, Украина

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Мукситх М. А., Пратомо Р. Р., Музыкант В. Л. Индонезийская повестка дня: фейковые новости о специальной военной операции РФ в социальных сетях Индонезии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 239–251. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-239-251>

© Мукситх М.А., Пратомо Р.Р., Музыкант В.Л., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Indonesian Agenda: Fake News About Russia's Special Military Operation on Social Media in Indonesia

Munadhil A. Muqsith¹✉, Rizky R. Pratomo¹, Valerii L. Muzykant²

¹University of Pembangunan Nasional "Veteran" Jakarta, Jakarta, Indonesia

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉munadhil@upnvj.ac.id

Abstract. One of the key events affecting international relations is Russia's special military operation in Ukraine. At the time of, Russia and Ukraine are in conflict. Russia started the military operation from a defensive point of view, standing against Ukraine joining NATO, which makes Russia's borders more vulnerable to threats. The confrontation between the parties is taking place in all spheres, including the information space. In this case, it involves spreading fake news. Therefore, the authors rely on the dynamics of fake news in Indonesia on the topic of the Russian military operation in Ukraine. To conduct a qualitative study, the authors are based on data from the information platform TurnBackHoax.ID. A total of 71 samples of fake news were successfully collected and examined, leading to three important discoveries. Firstly, *TikTok* is one of the sources of dissemination of fake news in addition to international social networks banned in the Russian Federation. Secondly, fake news about the Russian conflict with Ukraine is not as popular as information about COVID-19. The reason for the unpopularity of this fake news is the geographical distance of Indonesia from the conflict zone. Finally, news consumers are still trapped in subjective assumptions and are not as critical in verifying information. This discovery allows relevant stakeholders to become more aware of new sources of fake news and to develop and improve their critical thinking skills.

Key words: propaganda, information warfare, social media, Russia, Ukraine

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Muqsith, M. A., Pratomo, R. R., & Muzykant, V. L. (2024). Indonesian agenda: Fake news about Russia's special military operation on social media in Indonesia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 239–251. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-239-251>

Введение

С геополитической точки зрения причины современного конфликта между Украиной и Россией можно объяснить тремя факторами: географическое положение Украины, возросшая активность Европейского союза (ЕС) в Восточной Европе и прозападная ориентация правительства в Киеве (Götz, 2015).

Россия имеет обширную границу с Украиной протяженностью 1400 миль (2200 км). Украина находится менее чем в 300 милях (480 км) от Москвы и недалеко от Поволжья, промышленного и политического центра Российской Федерации (Götz, 2015). При такой расстановке сил у России есть веские основания влиять на политические процессы на Украине.

Второй и третий факторы взаимосвязаны. По мнению Дж. Миршаймера, США и Европейский союз разделяют ответственность за

конфликт, произошедший на Украине. Причин две: экспансия НАТО в Восточной Европе с целью вывести Украину из-под влияния России, а также расширение ЕС в Восточной Европе и поддержка Западом так называемого продемократического движения на Украине в 2004 г.¹ Кроме того, нынешний президент Украины В.А. Зеленский имеет более чем тесные связи с западным миром, а сам Киев взял курс на вступление в НАТО.

Неудивительно, что действия Украины беспокоят Россию, поскольку если Украине удастся вступить в НАТО, то она сможет угрожать России в военном плане. НАТО же собирается обеспечить сдерживание РФ, что

¹ Mearsheimer J. J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin // *Foreign Affairs*. August 18, 2014. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault> (accessed: 17.10.2023).

закономерно воспринимается последней как угроза. В течение многих лет президент России В.В. Путин заявлял, что Россия будет противостоять этому, даже прибегая к вооруженным методам².

21 февраля 2022 г. Россия признала независимость Донецкой и Луганской Народных Республик. Спустя несколько дней, 24 февраля, президент России В.В. Путин объявил о начале специальной военной операции (СВО) на Украине. Решение было принято в ответ на просьбу о помощи народных республик Донбасса, где за восемь лет вооруженного противостояния с Киевом уже погибло около 14 тыс. человек³. Развертывание вооруженных сил стало неизбежным. Помимо использования армий две страны также были вовлечены в информационную войну, позволяющую выигрывать войны без единого выстрела (Thornton, 2015).

В информационных войнах символы, риторика и дезинформация традиционно использовались для получения преимущества путем запугивания или введения противника в заблуждение (Jaitner & Mattsson, 2015). Например, в 550 г. н. э., после смерти византийского императора Юстиниана, Прокопий Кесарийский написал книгу «Тайная история», дискредитировавшую Юстиниана и его жену (Burkhard, 2017, pp. 5–9). Уже в современную эпоху в Зимбабве как правящая партия — Зимбабвийский африканский национальный союз — Патриотический фронт (*Zimbabwe African National Union — Patriotic Front*) под руководством Эммерсона Мнангагвы, так и ее оппонент — Движение за демократические перемены (*Movement for Democratic Change*) под руководством Нельсона Чамисы прибегали к фейковым новостям и киберпропаганде в информационном противостоянии (Ncube, 2019).

² Suny R. Ukraine War Follows Decades of Warnings That NATO Expansion into Eastern Europe Could Provoke Russia // *The Conversation*. March 1, 2022. URL: <https://theconversation.com/ukraine-war-follows-decades-of-warnings-that-nato-expansion-into-eastern-europe-could-provoke-russia-177999> (accessed: 17.10.2023).

³ Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 24.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 17.10.2023).

Разница между предыдущими и современной эрой информационного противоборства заключается в технологической среде, которая позволяет быстро и массово распространять информацию. Во время вооруженных конфликтов оценка источников информации нередко представляет собой сложную задачу (Pasitselska, 2022). При этом сохраняется возможность влиять на аудиторию, распространяя нарративы, которые приносят пользу одной стороне конфликта и ущерб — другой. Это и есть пропаганда, которая в широком смысле слова попадает в категорию фейковых новостей. Кроме того, распространять фейковые новости теперь стало гораздо проще благодаря социальным сетям (Muqsith et al., 2021).

Преимущества социальных сетей состоят в скорости распространения информации и охвате аудитории, что делает фейковые новости повсеместно проникаемыми и потребляемыми широкой общественностью. Более того, такие социальные явления, как война и всеобщие выборы, побуждают определенных субъектов распространять фейковые новости. Чжан Сичэнь и А.А. Горбани заявляют, что большинство фейковых новостей в социальных сетях фокусируются на текущих и актуальных событиях с целью привлечения внимания онлайн-пользователей (Zhang & Ghorbani, 2020). Иными словами, подобные импульсы всемерно способствуют распространению фейков. Распространение фейковых новостей, мимикрирующих под факты, представляет собой глобальную проблему, усугубляемую информационными и коммуникационными технологиями, которые, в свою очередь, обеспечивают почти мгновенную доставку информации, скрывая суть самого сообщения (Guadagno & Guttieri, 2021).

Использование социальных сетей упрощает создание и быстрое распространение новостей, что приводит к необходимости анализа большого количества контента (Zhang & Ghorbani, 2020). Распространение новостей в цифровую эпоху делает конфликты более заметными и позволяет региональным СМИ делиться своими интерпретациями с глобальной аудиторией (Makhortykh & Bastian, 2022).

Кроме того, социальные сети также более персонализированы, особенно благодаря искусственному интеллекту (ИИ). В этой связи развитие боевого потенциала ИИ является естественным продолжением эпохи использования информационных технологий в качестве оружия (Raune, 2018b). Более того, ИИ будет иметь существенное значение относительно всех аспектов современных конфликтов (Raune, 2018a). Мнение К. Пэйна получило обоснование в различных исследованиях, касающихся социальных сетей, ботов и информационной войны — например, в работе Б. Смарта показано использование ботов в момент возникновения конфликта (Smart et al., 2022).

Неудивительно, что многие страны распространяют информацию, касающуюся их национальной политики, в социальных сетях. Помимо информации о национальной политике, ряд государств склонен к распространению пропагандистских материалов, что также может наносить ущерб другим сторонам в конфликтных ситуациях.

Дело в том, что искажение фактов характеризуется явной предвзятостью, где имплицитно поддерживается определенное мнение, искажающее истинное положение дел. Подобная поляризация пользователей и предвзятость по отношению к фактам имеют решающее значение для распространения дезинформации в социальных сетях (Del Vicario et al., 2019). Различные субъекты, в том числе спонсируемые государством, используют информацию в социальных сетях в качестве оружия для целенаправленного манипулирования общественным мнением по заданным темам (Zannetou et al., 2019). Эта причина и побудила авторов взяться за изучение распространения фейковых новостей, связанных с российской СВО, в Индонезии.

Мы используем определение фейковых новостей, данное Дж.П. Баптистой и А. Градимом, рассматривающих фейковые новости в качестве «вида онлайн-дезинформации с полностью или частично ложным содержанием, созданным намеренно для обмана и/или манипулирования конкретной аудиторией посредством формата, который имитирует

новость или сообщение (завоеывая доверие), посредством ложной информации, связанной или нет с реальными событиями, со структурой (заголовок, изображение, контент), чтобы привлечь внимание пользователей и убедить их поверить в ложь, получая больше кликов и репостов, и, следовательно, больше рекламы, дохода и/или идеологической выгоды» (Baptista & Gradim, 2020).

Существует несколько весьма разнообразных типологий фейковых новостей. Например, А. Даффи, Е. Тандок и Р. Линг делят фейковые новости на шесть типов: сфабрикованные новости, фотоманипуляции, пропаганда, реклама и пиар, сатира и пародия (Duffy, Tandoc & Ling, 2020). Между тем Ван Минь, Жао Минкэ и Сунь Чжипэн выделили такие типы фейковых новостей, как кликбейт, слухи, субъективные предположения, новости с искаженными данными, новости, сгенерированные пользователями и алармистские/паникерские обсуждения (Wang, Rao & Sun, 2022). Их определение является всеобъемлющим, поскольку оно включает как форму, так и нацеленность на определенный результат, чем и характеризуются фейковые новости.

В этом исследовании авторы используют типологию, основанную на работах А. Даффи, Е. Тандока и Р. Линга (Duffy, Tandoc & Ling, 2020) и Ван Миня, Жао Минкэ и Сунь Чжипэна (Wang, Rao & Sun, 2022).

Методология

Авторы используют качественный подход в сочетании с методом контент-анализа. Данный метод можно использовать как индуктивно, так и дедуктивно (Elo & Kyngas, 2008).

Были отобраны данные о фейковых новостях с информационной платформы, созданной Индонезийским обществом по борьбе с диффамацией (MAFINDO)⁴. В данном исследовании авторы рассмотрели 71 фейковую новость, посвященную теме СВО России

⁴ Team Profile // TurnBackHoax.ID. (На индонезийском яз.). URL: <https://turnbackhoax.id/> (accessed: 17.10.2023).

на Украине, армии, лидерам двух стран и политической ситуации на Украине. Исследуемый период включает события, произошедшие с начала СВО до 28–30 июня 2022 г., когда президент Индонезии Джоко Видодо посетил Украину и Россию для реализации своей посреднической миссии и проведения конструктивного диалога.

Фейковые новости, социальные сети и информационная война

Интернет становится все более важным с точки зрения национальной безопасности, экономического развития и глобального лидерства (Рамич, Пискунов, 2022). Более того, почти все граждане пользуются Интернетом, в том числе и социальными сетями. В последние годы во время развития фейковых новостей социальные сети часто становились основным каналом их распространения. Это коснулось и Индонезии, где количество пользователей социальных сетей демонстрирует устойчивый рост, как показано на графике (рис. 1).

С военной точки зрения Интернет, особенно социальные сети, стал ареной идеологических сражений и борьбы нарративов. Интернет превратил современную информационную войну в глобальный мультимедийный форум, где голоса противников из всех сил пытаются быть услышанными с целью навязывания гегемонистских идей и установления

рамок конфликта (Khaldarova & Pantti, 2020). Д. Приер обнаружил, что государственные и негосударственные субъекты используют проверенную технику пропаганды: извлекают выгоду из существующего сообщения и усиливают его через автоматические сетевые учетные записи «ботов», чтобы заставить алгоритмы платформы социальных сетей распознать сообщение как актуальную и важную тему (Priest, 2017).

За последние годы, как известно, мир всколыхнули два события: COVID-19 и СВО. В случае с СВО внимание к ней со стороны индонезийской общественности является весьма удивительной тенденцией (рис. 2).

Боевые действия стали интенсивными в феврале и марте 2022 г. и освещались различными мировыми СМИ, став главной темой, получившей широкий общественный резонанс. Военная операция России была представлена международному сообществу таким образом, что общественное мнение заняло проукраинскую позицию. В подобное освещение конфликта внес вклад и президент Украины В.А. Зеленский, который часто появлялся на различных традиционных и цифровых каналах СМИ, выпрашивая помощь у различных сторон и формируя имидж страны, якобы противостоящей вторжению. Это вызывало сочувствие со стороны граждан различных государств, позволяя Украине получать большую поддержку.

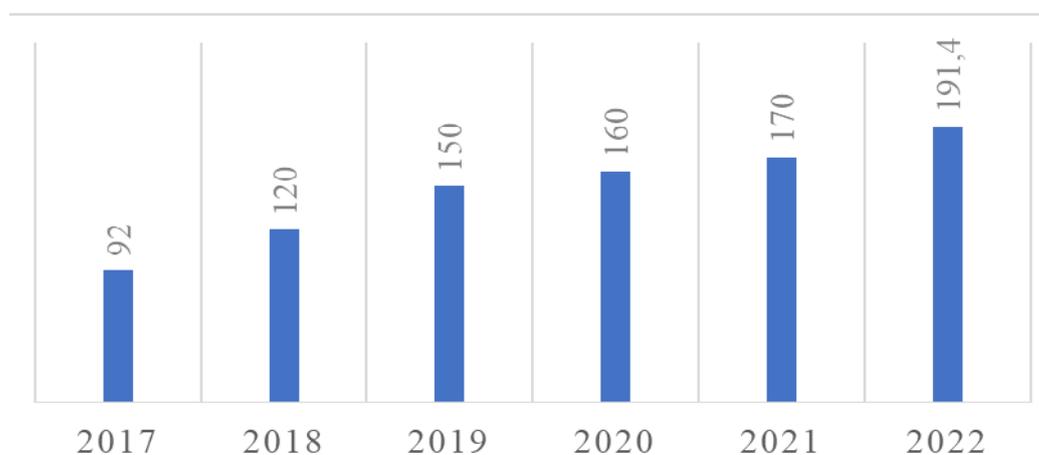

Рис. 1. Использование социальных сетей в Индонезии в 2017–2022 гг., млн пользователей

Источник: The Changing World of Digital in 2023 // We Are Social and Hootsuite. January 26, 2023. URL: <https://wearesocial.com/id/blog/2023/01/the-changing-world-of-digital-in-2023-2/> (accessed: 17.10.2023).

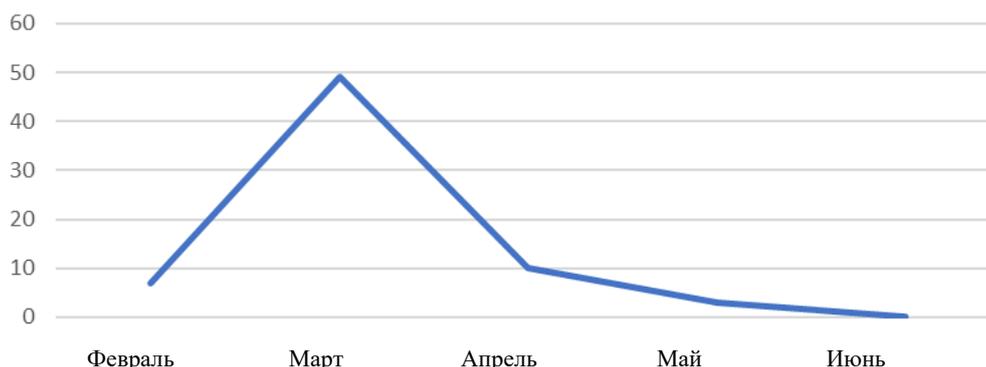

Рис. 2. Тенденции в индонезийских фейковых новостях по вопросу российско-украинского конфликта в феврале-июне 2022 г.

Источник: составлено авторами на основе данных: Tahun: 2022 // TurnBackHoax.ID. 2022. (На индонезийском яз.). URL: <https://turnbackhoax.id/2022/> (accessed: 17.10.2023).

Следует отметить, что пользователи сети в Индонезии больше говорят о В.В. Путине, чем о В.А. Зеленском, и в целом склонны поддерживать Россию. Согласно исследованию платформы цифрового мониторинга и анализа *Evello*, количество аккаунтов, говорящих о В.В. Путине, на 71 % больше, чем о В.А. Зеленском⁵. По словам основателя *Evello* Дуди Рудианто, у пользователей сети есть три взгляда на этот конфликт: пользователи сети не любят НАТО и США, восхищаются В.В. Путиным или сочувствуют украинскому народу и В.А. Зеленскому⁶.

В период с апреля по июнь 2022 г. обнаружено относительно небольшое количество фейковых новостей, частота появления которых затем резко снизилась. Авторы приходят к выводу, что одна из основных причин заключается в том, что фейковые новости о российско-украинском конфликте перестали находить отклик в индонезийском обществе. Сюда же относится и проблема удаленности конфликта. Первоначально конфликт России с Украиной оказал серьезное влияние на мировую экономику, что почувствовала и Индонезия. Однако со временем индонезийское

общество перестало обращать внимание на конфликт, так как он происходил очень далеко от границ Индонезии. Кроме того, по данным *Saiful Mujani Research Consulting*, в 2022 г. 23 % респондентов прямо обвинили западные страны, входящие в альянс НАТО, в развязывании российско-украинского конфликта⁷.

Таким образом, резкое снижение количества фейковых новостей о конфликте России с Украиной вызвано географической удаленностью, когда экономические последствия прямо не влияют на многие аспекты жизни индонезийцев. По сути, событие стало очередной сиюминутной новостью, утонувшей в других более значимых общественных проблемах.

Социальные сети как источники фейковых новостей

Социальные сети становятся все более популярным способом обмена новостями и, как следствие, также создают благодатную почву для распространения фейков. Фейковые новости привлекают внимание большего числа людей, чем правдивая информация. 1 % фейковых новостей легко распространяется среди 1–100 тыс. человек, тогда как правда

⁵ Perang di Ukraina: Mayoritas publik Indonesia kagumi Putin, pakar khawatir 'bangsa kita dicap hipokrit' [Война на Украине: большинство индонезийской общественности восхищается Путиным, эксперты обеспокоены: «Нашу нацию назовут лицемерной»] // BBC Indonesia. March 24, 2022. (На индонезийском яз.). URL: <https://www.bbc.com/indonesia/indonesia-60737298> (accessed: 17.10.2023).

⁶ Ibid.

⁷ Dihni V. A. Survei: Banyak Warga RI Salahkan NATO atas Perang Rusia-Ukraina [Опрос: Многие граждане Индонезии обвиняют НАТО в российско-украинской войне] // Katadata. April 20, 2022. (На индонезийском яз.). URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2022/04/20/survei-banyak-warga-ri-salahkan-nato-atas-perang-rusia-ukraina> (accessed: 17.10.2023).

редко доходит до тысячи адресатов и более (Vosoughi, Roy & Aral, 2018). Учитывая, что вероятность встречи с фейковыми новостями крайне велика, данное явление становится практически неизбежным.

И это неудивительно, так как в среднем индонезийцы проводят в социальных сетях более трех часов в день. Как видим, нельзя игнорировать и огромное положительное влияние социальных сетей (Muzykant et al., 2023), выступающих в качестве платформы для знакомства с новыми людьми, обмена идеями, предоставления авторам текстов и блогерам возможности общаться с аудиторией, объединения многих людей для достижения различных целей и развития общества (Siddiqui & Singh, 2016).

При этом необходимо учитывать и побочные эффекты использования соцсетей, особенно в информационном плане. Действительно, общественность способна свободно делиться информацией в социальных сетях без какого-либо кураторства, что, собственно, называется гражданской журналистикой. Такая альтернативная форма распространения информации имеет отличные перспективы в демократических обществах, но при этом она способна распространять и ложные новости с оттенком правды, а не просто способствовать повышению информированности граждан (Dorf & Tarrow, 2017). Свобода, понимаемая как вседозволенность, позволяет распространителям фейков продвигать подобные новости исходя из своих интересов.

В контексте конфликта России с Украиной социальные сети стали рупором распространения фейковых новостей. *Facebook*⁸ и *Twitter* (ныне — *X*) являются наиболее известными социальными сетями, публикующими фейковые новости. Их количество на сайте Turnbackhoax.id за 2022 г., согласно подсчетам авторов, составило 30 в случае *Facebook*, и 22 — в случае *Twitter* (рис. 3).

Следует отметить, что *Facebook* является самой посещаемой соцсетью в Индонезии. Согласно исследованию Индонезийской

ассоциации поставщиков интернет-услуг (*APJII*), в 2022 г. 68,38 % индонезийцев были подписаны на социальные сети, включая *Facebook*, за которым следует *YouTube* (63,02 %)⁹. Кроме того, Индонезия является крупнейшей страной мира, имеющей доступ к *Facebook* со 129,85 млн пользователей¹⁰.

Эта статистика помогает, по крайней мере, ответить на вопрос, почему фейковые новости распространяются в *Facebook* активнее, чем в других социальных сетях. Авторы утверждают, что создатели фейковых новостей считают, что чем больше демографический охват социальных сетей, тем более плодотворными будут результаты их влияния на население. При этом распространители фейков не думают о последствиях подобного влияния на большие аудитории.

Авторы также полагают, что эффект фейковых новостей о конфликте России с Украиной при этом достаточно невелик по сравнению с фейками периода пандемии COVID-19 (Muzykant et al., 2021). По некоторым данным, в первые дни пандемии из-за фейковых новостей в Индонезии погибло 800 человек (Islam et al., 2020). Именно поэтому мы утверждаем, что влияние фейковых новостей о российско-украинском конфликте незначительно, поскольку они не оказывают немедленного воздействия на общество.

Однако ложная информация все равно остается опасной, поскольку заставляет людей в целом неправильно воспринимать конкретное событие или явление.

⁹ Survei: Facebook Juara Medsos di RI, Kaltara Paling Banyak Akses [Опрос: Facebook побеждает в социальных сетях в Республике Индонезия, Северный Калимантан, с наибольшим доступом] // CNN Indonesia. June 14, 2022. (На индонезийском яз.). URL: <https://www.cnnindonesia.com/teknologi/20220614164431-192-808880/survei-facebook-juara-medsos-di-ri-kaltara-paling-banyak-akses> (accessed: 17.10.2023).

¹⁰ Annur C. M. Indonesia Masuk Daftar Pengguna Facebook Terbanyak, Urutan Berapa? [Индонезия входит в список стран с наибольшим числом пользователей Facebook. На каком она месте?] // Katadata. March 23, 2022. (На индонезийском яз.). URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2022/03/23/indonesia-masuk-daftar-pengguna-facebook-terbanyak-urutan-berapa> (accessed: 17.10.2023).

⁸ 21.03.2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Facebook, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России (*Прим. ред.*).

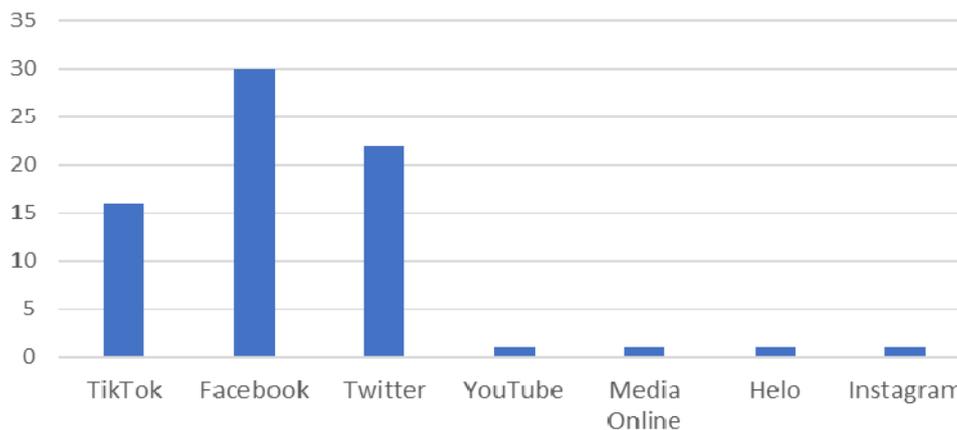

Рис. 3. Распространение фейковых новостей о российско-украинском конфликте в социальных сетях, февраль-июнь 2022 г.

Источник: составлено авторами на основе данных: Tahun: 2022 // TurnBackHoax.ID. 2022. (На индонезийском яз.). URL: <https://turnbackhoax.id/2022/> (accessed: 17.10.2023).

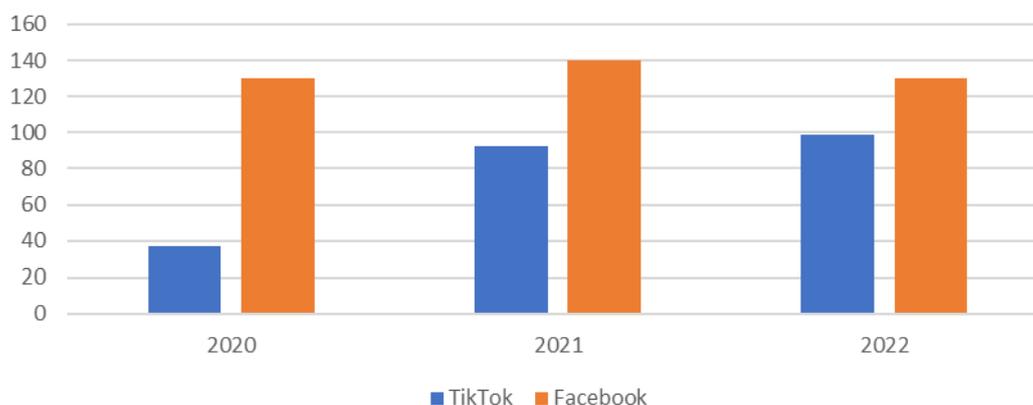

Рис. 4. Количество пользователей *TikTok* и *Facebook* в Индонезии в 2020–2022 гг., млн человек

Источник: Digital 2020: Global Digital Overview // DataReportal. January 30, 2020. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview> (accessed: 17.10.2023); Digital 2021: Global Digital Overview // DataReportal. January 27, 2021. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (accessed: 17.10.2023); Digital 2022: Global Digital Overview // DataReportal. January 26, 2022. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (accessed: 17.10.2023).

Также необходимо отметить появление такого нового сервиса, как *TikTok*, в последнее время становящегося быстрорастущей социальной сетью, количество пользователей которой в 2022 г. достигло 1 млрд человек¹¹. Хотя число его пользователей не сравнится с числом пользователей *Facebook* в Индонезии, многие организации и структуры уже начинают рассматривать его как новый прибыльный ресурс на медиарынке.

Факты свидетельствуют о том, что *TikTok* стал одной из любимых социальных сетей

индонезийцев (рис. 4). Если в 2020 г. всего 37 млн человек пользовалось *TikTok* по сравнению со 130 млн пользователями *Facebook*, то в 2021 г. все больше индонезийцев стали использовать *TikTok* (92 млн¹²). В 2022 г. *TikTok* по-прежнему демонстрировал положительные результаты, добавив еще 7 млн новых пользователей, остановившись

¹¹ Buchholz K. The Rapid Rise of TikTok // Statista. October 7, 2022. URL: <https://www.statista.com/chart/28412/social-media-users-by-network-amo/> (accessed: 17.10.2023).

¹² Ahmad S. A. Pengguna TikTok di Indonesia Mengalami Peningkatan Tiga Kali Lipat Selama Satu Tahun [Число пользователей TikTok в Индонезии утроилось за год] // Suara.com. October 23, 2021. (На индонезийском яз.). URL: <https://bogor.suara.com/read/2021/10/23/110736/pengguna-tiktok-di-indonesia-mengalami-peningkatan-tiga-kali-lipat-selama-satu-tahun?page=all> (accessed: 17.11.2023).

на 99 млн. При этом *Facebook* также показал прирост на 10 млн, достигнув 140 млн пользователей в 2021 г., однако в 2022 г. наблюдалась тенденция снижения общей динамики прироста пользователей.

Наблюдая значительный рост числа пользователей *TikTok*, необходимо понимать, что же делает *TikTok* таким популярным среди огромного числа пользователей. Эту соцсеть используют как средство социального взаимодействия и ухода от реальности (эскапизм), для отдыха и развлечений, а также для общения с другими людьми о просмотренных видео (Omar & Dequan, 2020). Кроме того, *TikTok* больше ориентирован на аудиовизуальные материалы, то есть видео, что также добавляет этой соцсети популярности.

Как известно, увеличение числа пользователей дает создателям фейковых новостей новые возможности в их распространении через определенную настройку платформы. Одним из примеров таких новостей в *TikTok* является фейковое видео об украинском летчике-асе, так называемом «Призраке Киева», якобы сбивавшем российские самолеты. Судя по скриншотам, этим видео поделились 437 человек, поставили «лайк» 32 тыс. и прокомментировали 1218 человек¹³. Это показывает, как *TikTok* может стать новым источником фейковых новостей за пределами *Facebook* и *Twitter*. Это, несомненно, вызывает беспокойство, учитывая, что сетью *TikTok* пользуются многие.

Кроме того, контент в *TikTok* представлен в форме видео, что упрощает распространение фейков, в отличие от контента, размещенного в виде текста. Дело в том, что аудитория легче верит в правдивость информации, переданной аудиовизуальным способом. Более того, многие приложения для редактирования видео могут сделать *TikTok* более привлекательным, закамуфлировав отдельные детали, чтобы видео выглядело более оригинальным.

Как видно, носители информации и методы распространения информации меняются, но намерение распространять фейки остается неизменным.

¹³ [FALSE] The “Kutibombam! #ukraine” Video // Turnbackhoax.id. March 7, 2022. (На индонезийском яз.). URL: <https://turnbackhoax.id/2022/03/07/false-the-kutibombam-ukraine-video/> (accessed: 17.10.2023).

Фейковые новости и субъективные предположения

Еще одна важная особенность фейковых новостей заключается в том, что люди слишком быстро делятся новостями, основанными на субъективных предположениях. Если контент не подвергается критике и поддерживает точку зрения пользователей, то успех распространению таких фейков обеспечен. Это связано с таким психологическим явлением, как предвзятость подтверждения, — склонностью человека видеть только те доказательства, которые подтверждают уже сложившуюся точку зрения, и игнорировать или забывать все, что не соответствует ей (Waldrop, 2017).

Основываясь на собранных данных, авторы выделили шесть типов фейковых новостей.

На первом месте находятся *субъективные предположения* (40 %) (рис. 5). Это означает, что люди не проверяют информацию, прежде чем поделиться ею с большей аудиторией, а значит, не учитывают все представленные новости и факты и полагаются только на свои собственные предположения.

Второе место занимают *сфабрикованные новости* (32 %). Данный тип фейковых новостей распространяется намеренно, чтобы подвести аудиторию к определенному мнению. В этом случае мнение формируется в предпочтительном для Украины ключе, а тот факт, что СВО является формой самозащиты России от действий НАТО, игнорируется.

К категории сфабрикованных новостей относятся, например, фейковые новости о якобы сожжении украинских книг военнослужащими российской армии. В официальном аккаунте бывшего премьер-министра Швеции Карла Бильдта в соцсети *Twitter* было выложено изображение сожженных книг, интерпретированное как желание правительства России сжечь все книги об украинской истории с целью уничтожения украинской государственности¹⁴.

¹⁴ [SALAH] Foto Buku-buku Sejarah Ukraina yang Dibakar Tentara Rusia [[ЛЮЖЬ] Фотография книг по истории Украины, сожженных российскими солдатами] // Turnbackhoax.id. May 28, 2022. (На индонезийском яз.). URL: <https://turnbackhoax.id/2022/05/28/salah-foto-buku-buku-sejarah-ukraina-yang-dibakar-tentara-rusia/> (accessed: 17.10.2023).

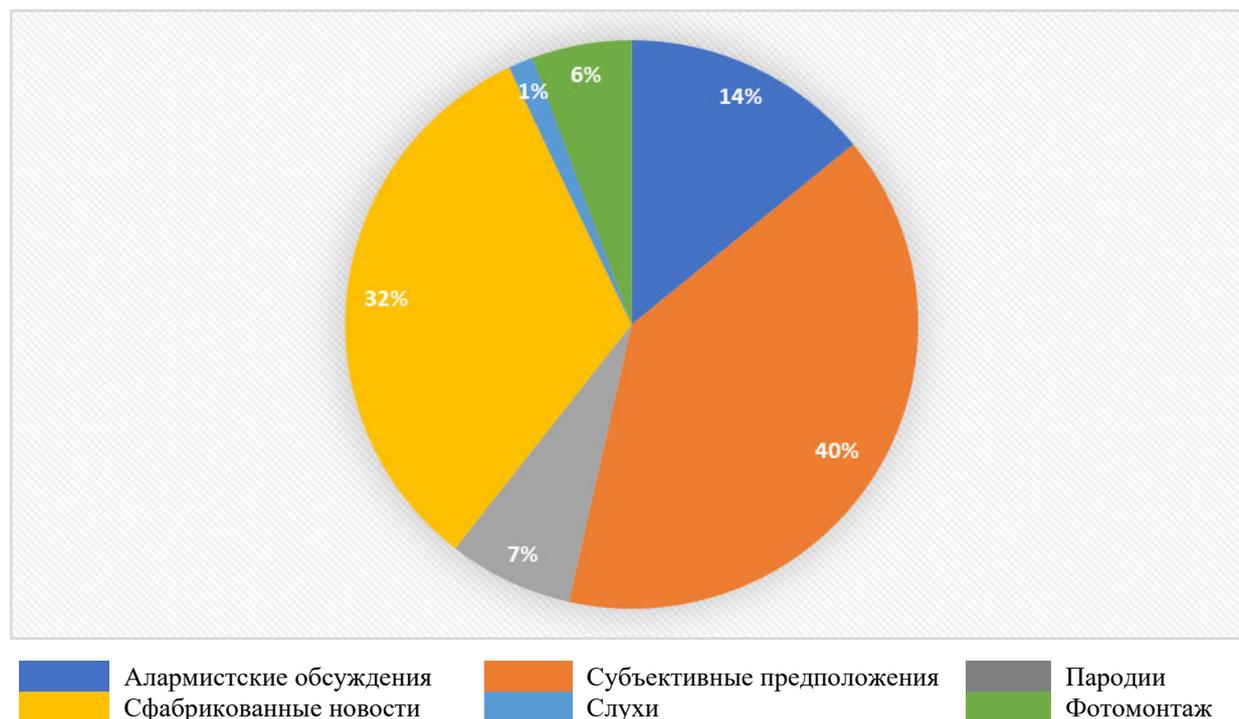

Рис. 5. Типология фейковых новостей

Источник: составлено авторами на основе данных: Tahun: 2022 // TurnBackHoax.ID. 2022. (На индонезийском яз.). URL: <https://turnbackhoax.id/2022/> (accessed: 17.10.2023).

Однако у фотографии изначально был лживый контекст, поскольку она использовалась в украинских СМИ еще с 2014 г. Тем не менее этим сообщением поделились и цитировали 4000 раз, а «лайк» поставили 9120 раз. Судя по этому примеру, достоверность официального источника, который на первый взгляд не вызывает подозрений, в целом повлияла на намерение пользователей поделиться полученной из него информацией (Suntwal, Brown & Patton, 2020).

Следующая категория, вошедшая в тройку лидеров, — это *алармистские/паникерские обсуждения* (14 %). Этот тип часто используется для обозначения срочности и серьезности события.

Рассмотрим фейк, относящийся к данной категории, — новость о том, что президент В.В. Путин якобы зол из-за того, что танкер государственной индонезийской компании *Pertamina*, перевозивший российскую нефть, был перехвачен в Дании¹⁵. Слово «злость»

¹⁵ [SALAH] Video “Vladimir Putin Marah Besar, Kapal Tanker Pertamina Yang Angkut Minyak Rusia, Dicegat

необходимо особо подчеркнуть, поскольку оно выражает негативные эмоции и заставляет людей, читающих данное сообщение, насторожиться. Это видео посмотрело достаточное количество пользователей: 14 218, со 129 «лайками» и 35 комментариями. На самом деле эта речь представляет собой отредактированную версию оригинального выступления В.В. Путина, в которой он выражает озабоченность по поводу желания западного мира отменить российскую культуру с целью изоляции России¹⁶.

Пародии (7 %), *фотомонтаж* (6 %) и *слухи* (1 %) замыкают список категоризированных

Di Denmark” [[ЛОЖЬ] Видео «Владимир Путин в ярости: в Дании перехвачен танкер Pertamina, перевозивший российскую нефть»] // Turnbackhoax.id. April 8, 2022. (На индонезийском яз.). URL: <https://turnbackhoax.id/2022/04/08/salah-video-vladimir-putin-marah-besar-kapal-tanker-pertamina-yang-angkut-minyak-rusia-dicegat-di-denmark/> (accessed: 17.10.2023).

¹⁶ Putin Claims West Is Trying To Cancel Russia // Youtube. March 26, 2022. URL: https://www.youtube.com/watch?v=pyMWsMyNJ_A&ab_channel=NBCNews (accessed: 17.10.2023).

нами фейковых новостей. Здесь можно выделить сообщение, в котором президент Украины В.А. Зеленский якобы употреблял кокаин перед интервью каналу *NBC News*. Этот твит из аккаунта *The Daily Rabbit* посмотрели 42 100 человек, его ретвитнули 248 человек и поставили «лайк» 346 пользователей¹⁷. Это видео оказалось отрывком из интервью 2019 г., когда у В.А. Зеленского спросили, любит ли он наркотики, на что он ответил, что не любит наркотики, но любит кофе¹⁸.

Для выделенных выше категорий фейков общим знаменателем, на который необходимо обратить внимание, является отсутствие критического мышления у потребителей подобных новостей. Фундаментальной предпосылкой профилактики в борьбе с фейковыми новостями и дезинформацией является развитая компетентность в этой области и медиаграмотность пользователей. Навыки критического мышления позволяют людям подходить к средствам массовой информации и контенту должным образом (Hossová, 2018) и имеют жизненно важное значение для оценки фейковых новостей (Lutzke et al., 2019).

Любой адресат может легко довериться фейковым новостям, если у него нет навыков проверки получаемой информации. К сожалению, вводящие в заблуждение заголовки с фейковыми новостями могут привести и к формированию устоявшихся убеждений, которые уже будет трудно изменить даже с помощью весомых аргументов (Horne & Adali, 2017). Это серьезное препятствие на пути противостояния фейкам. Фейковые но-

вости легко распространяются среди аудитории еще и потому, что, устав от своей повседневной трудовой активности, у людей просто нет сил думать о том, правдивая ли информация перед ними или фейки.

Заключение

Фейковые новости о специальной военной операции России не столь заметны, как фейки, связанные с COVID-19. Тем не менее близость и связанность этих вопросов с жизнью простых людей должны привлечь гораздо больше внимания к этой проблеме в международной повестке дня. Помимо этого, человечеству все еще необходимо разработать контрмеры для смягчения влияния фейковых новостей. Отдельная фейковая новость может оказаться фатальной, а при ее распространении негативное воздействие будет еще более масштабным. Фейковые новости очевидно способны манипулировать людьми в их восприятии реальности, влияя на когнитивные способности адресата. В результате просмотра сфабрикованного контента члены мирового сообщества могут занять несбалансированную позицию, представляющую взгляд лишь одной стороны.

Весьма существенен и тот факт, что растущая аудитория *TikTok* становится одним из новых источников, а также целей для распространения фейковых новостей через обсуждения, разжигающие военную истерию (*wartalk*). Данный факт должен сделать верификаторов и пользователей *TikTok* во всем мире еще более внимательными в определении того, является ли просматриваемый ими видеоконтент реальным или вымышленным. Как мы видим, только критическое мышление и медиаграмотность действительно относятся к важным факторам в борьбе с фейковыми новостями. Мировое сообщество пока не в состоянии полностью устранить фейковые новости, но, как минимум, мы можем минимизировать их распространение.

¹⁷ [SALAH] Presiden Zelenskyu Menggunakan Kokain Sebelum Wawancara [[ЛОЖЬ] Президент Зеленский перед интервью употреблял кокаин] // Turnbackhoax.id. March 11, 2024. (На индонезийском яз.). URL: <https://turnbackhoax.id/2024/03/11/salah-presiden-zelenskyu-menggunakan-kokain-sebelum-wawancara/> (accessed: 17.02.2024).

¹⁸ «Не приписуйте мені Коломойського» — Володимир Зеленський // YouTube. (На украинском яз.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kd5ZBo8QCrs&t=462s> (дата обращения: 17.02.2024).

Поступила в редакцию / Received: 31.08.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 10.02.2024

Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- Рамич М. С., Пискунов Д. А.* Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 238–255. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-238-255>; EDN: KSSXFK
- Baptista J. P., Gradim A.* Understanding Fake News Consumption: A Review // *Social Sciences*. 2020. Vol. 9, no. 10. P. 1–22. <https://doi.org/10.3390/socsci9100185>
- Burkhard J. M.* Combating Fake News in the Digital Age // *Library Technology Reports*. 2017. Vol. 53, no. 8. P. 5–33. <https://doi.org/10.5860/ltr.53n8>
- Del Vicario M. D., Quattrociocchi W., Scala A., Zollo F.* Polarization and Fake News: Early Warning of Potential Misinformation Targets // *ACM Transactions on the Web (TWEB)*. 2019. Vol. 13, no. 2. P. 1–22. <https://doi.org/10.1145/3316809>
- Dorf M. C., Tarrow S. G.* Stings and Scams: Fake News, the First Amendment, and the New Activist Journalism // *University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 20, no. 1. P. 1–32. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2906444>
- Duffy A., Tandoc E., Ling R.* Too Good to Be True, Too Good Not to Share: The Social Utility of Fake News // *Information, Communication & Society*. 2020. Vol. 23, no. 13. P. 1965–1979. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1623904>
- Elo S., Kyngas H.* The Qualitative Content Analysis Process // *Journal of Advanced Nursing*. 2008. Vol. 62, no. 1. P. 107–115. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2648.2007.04569.x>
- Götz E.* It's Geopolitics, Stupid: Explaining Russia's Ukraine Policy // *Global Affairs*. 2015. Vol. 1, no. 1. P. 3–10. <https://doi.org/10.1080/23340460.2015.960184>
- Guadagno R. E., Guttieri K.* Fake News and Information Warfare: An Examination of the Political and Psychological Processes from the Digital Sphere to the Real World // *Research Anthology on Fake News, Political Warfare, and Combatting the Spread of Misinformation* / ed. by M. Khosrow-Pour. Hershey, PA : IGI Global, 2021. P. 218–242. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-7291-7.ch013>
- Horne B. D., Adali S.* This Just In: Fake News Packs a Lot in Title, Uses Simpler, Repetitive Content in Text Body, More Similar to Satire Than Real News // *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2017. Vol. 11, no. 1. P. 759–766. <https://doi.org/10.1609/icwsm.v11i1.14976>
- Hossová M.* Fake News and Disinformation: Phenomenons of Post-Factual Society // *Media Literacy and Academic Research*. 2018. Vol. 1, no. 2. P. 27–35. URL: https://www.mlar.sk/wp-content/uploads/2019/01/MLAR_2018_2_3_Fake-News-and-Disinformation-Phenomenons-of-Post-Factual-Society.pdf (accessed: 14.08.2022).
- Islam M. D., Sarkar T., Khan S. H., Kamal A.-H. M., Hasan S. M. M. et al.* COVID-19-Related Infodemic and Its Impact on Public Health: A Global Social Media Analysis // *The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*. 2020. Vol. 103, no. 4. P. 1621–1629. <https://doi.org/10.4269/ajtmh.20-0812>
- Jaitner M., Mattsson P. A.* Russian Information Warfare in 2014 // *7th International Conference on Cyber Conflict: Architectures in Cyberspace* / ed. by M. Maybaum, A.-M. Osula, L. Lindström. Tallinn : NATO CCD COE Publications, 2015. P. 39–52.
- Khaldarova I., Pantti M.* Fake News: The Narrative Battle over the Ukrainian Conflict // *The Future of Journalism: Risks, Threats and Opportunities* / ed. by S. Allan, C. Carter, S. Cushion, L. Dencik, I. Garcia-Blanco, J. Harris, R. Sambrook, K. Wahl-Jorgensen, A. Williams. London : Routledge, 2020. P. 228–238.
- Lutzke L., Drummond C., Slovic P., Árvai J.* Priming Critical Thinking: Simple Interventions Limit the Influence of Fake News about Climate Change on Facebook // *Global Environmental Change*. 2019. Vol. 58. P. 1–20. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2019.101964>
- Makhortykh M., Bastian M.* Personalizing the War: Perspectives for the Adoption of News Recommendation Algorithms in the Media Coverage of the Conflict in Eastern Ukraine // *Media, War & Conflict*. 2022. Vol. 15, no. 1. P. 25–45. <https://doi.org/10.1177/1750635220906254>
- Muqsith M. A., Kuswanti A., Pratomo R. R., Muzykant V. L.* Trump's Twitter Propaganda During COVID-19 // *Jurnal The Messenger*. 2021. Vol. 13, no. 3. P. 223–237. <https://doi.org/10.26623/themessenger.v13i3.3991>
- Muzykant V. L., Barabash V. V., Shlykova O. V., Barsukov K. P., Muqsith M. A., Tayibnapis R. G.* Infrastructure and Computation in a Smart City as e-Government Contemporary Competence // *Intelligent Sustainable Systems : Selected Papers of WorldS4 2022* : Vol. 2 / ed. by A. K. Nagar, D. Singh Jat, D. K. Mishra, A. Joshi. Singapore : Springer Nature, 2023. P. 639–646. https://doi.org/10.1007/978-981-19-7663-6_60

- Muzykant V. L., Muqsith M. A., Pratomo R. R., Barabash V. V.* Fake News on COVID-19 in Indonesia // *Pandemic Communication and Resilience* / ed. by D. M. Berube. Cham, Switzerland : Springer, 2021. P. 363–378. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77344-1_22
- Ncube L.* Digital Media, Fake News and Pro-Movement for Democratic Change (MDC) Alliance Cyber-Propaganda During the 2018 Zimbabwe Election // *African Journalism Studies*. 2019. Vol. 40, no. 4. P. 44–61. <https://doi.org/10.1080/23743670.2019.1670225>
- Omar B., Dequan W.* Watch, Share or Create: The Influence of Personality Traits and User Motivation on TikTok Mobile Video Usage // *International Journal of Interactive Mobile Technologies*. 2020. Vol. 14, no. 4. P. 121–137. <https://doi.org/10.3991/ijim.v14i04.12429>
- Pasitselska O.* Better Ask Your Neighbor: Renegotiating Media Trust During the Russian-Ukrainian Conflict // *Human Communication Research*. 2022. Vol. 48, no. 2. P. 179–202. <https://doi.org/10.1093/hcr/hqac003>
- Payne K.* Artificial Intelligence: A Revolution in Strategic Affairs? // *Survival*. 2018a. Vol. 60, no. 5. P. 7–32. <https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1518374>
- Payne K.* Strategy, Evolution, and War: From Apes to Artificial Intelligence. Washington, DC : Georgetown University Press, 2018b. <https://doi.org/10.2307/j.ctvvnvngzd>
- Prier J.* Commanding the Trend: Social Media as Information Warfare // *Strategic Studies Quarterly*. 2017. Vol. 11, no. 4. P. 50–85. URL: <http://www.jstor.org/stable/26271634> (accessed: 17.08.2022).
- Siddiqui S., Singh T.* Social Media Its Impact with Positive and Negative Aspects // *International Journal of Computer Applications Technology and Research*. 2016. Vol. 5, no. 2. P. 71–75. <https://doi.org/10.7753/IJCATR0502.1006>
- Smart B., Watt J., Benedetti S., Mitchell L., Roughan M.* #IStandWithPutin Versus #IStandWithUkraine: The Interaction of Bots and Humans in Discussion of the Russia/Ukraine War // *Social Informatics: 13th International Conference, SocInfo 2022, Glasgow, UK, October 19–21, 2022, Proceedings* / ed. by F. Hopfgartner, K. Jaidka, P. Mayr, J. Jose, J. Breitsohl. Cham, Switzerland : Springer, 2022. P. 34–53. https://doi.org/10.1007/978-3-031-19097-1_3
- Suntwal S., Brown S. A., Patton M. W.* How Does Information Spread? An Exploratory Study of True and Fake News // *Proceedings of the 53rd Hawaii International Conference on System Sciences HICSS 2020: Grand Wailea, Maui, Hawaii; January 7–10, 2020* / ed. by T. X. Bui. Honolulu : ScholarSpace, 2020. P. 5893–5902.
- Thornton R.* The Changing Nature of Modern Warfare: Responding to Russian Information Warfare // *The RUSI Journal*. 2015. Vol. 160, no. 4. P. 40–48. <https://doi.org/10.1080/03071847.2015.1079047>
- Vosoughi S., Roy D., Aral S.* The Spread of True and False News Online // *Science*. 2018. Vol. 359, no. 6380. P. 1146–1151. <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>
- Waldrop M. M.* The Genuine Problem of Fake News // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. Vol. 114, no. 48. P. 12631–12634. <https://doi.org/10.1073/pnas.1719005114>
- Wang Min, Rao Mingke, Sun Zhipeng.* Typology, Etiology, and Fact-Checking: A Pathological Study of Top Fake News in China // *Journalism Practice*. 2022. Vol. 16, no. 4. P. 719–737. <https://doi.org/10.1080/17512786.2020.1806723>
- Zannetou S., Sirivianos M., Blackburn J., Kourtellis N.* The Web of False Information: Rumors, Fake News, Hoaxes, Clickbait, and Various Other Shenanigans // *Journal of Data and Information Quality*. 2019. Vol. 11, no. 3. P. 1–37. <https://doi.org/10.1145/3309699>
- Zhang Xichen, Ghorbani A. A.* An Overview of Online Fake News: Characterization, Detection, and Discussion // *Information Processing & Management*. 2020. Vol. 57, no. 2. P. 1–26. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2019.03.004>

Сведения об авторах:

Мукситх Мунадхил Абдул — PhD (филология), доцент, заместитель заведующего кафедрой коммуникативных наук, Джакартский национальный университет развития «Ветеран»; ORCID: 0000-0003-1525-0136; e-mail: munadhil@upnvj.ac.id

Пратомо Ризки Ридхо — младший научный сотрудник факультета политологии и социальных наук, Джакартский национальный университет развития «Ветеран»; ORCID: 0000-0003-3077-9345; e-mail: rizkyridho0897@gmail.com

Музыконт Валерий Леонидович — доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 4071-1550; ORCID: 0000-0001-9422-351X; e-mail: muzykant_vl@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-252-263

EDN: WMSEFQ

Научная статья / Research article

Трансграничное взаимодействие Афганистана и Шанхайской организации сотрудничества после вывода войск США из Афганистана

С. Рауф

Национальный университет современных языков, Исламабад, Пакистан

[✉ sarwatrana@gmail.com](mailto:sarwatrana@gmail.com)

Аннотация. Проанализирована роль Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в укреплении региональной стабильности после вывода войск США из Афганистана. Нестабильность в Афганистане становится серьезной проблемой регионального масштаба, которая требует от ШОС поиска приемлемого решения. Рассматривается вопрос о том, как страны — члены ШОС справляются с углубляющимся кризисом в Афганистане. Роль ШОС в достижении консенсуса между государствами-членами в долгосрочной перспективе раскрывается с опорой на концептуальные рамки, состоящие из двух теорий международных отношений — теории комплекса региональной безопасности и теории функционального сотрудничества, которые обеспечивают понимание того, что интересы государств, принадлежащих к единому географическому региону, схожи, и их взаимное сотрудничество оказывается более прочным, чем у государств, находящихся за его пределами. Рассматривается роль ШОС в поддержании региональной безопасности и прослеживаются ее усилия по обеспечению стабильности. Для изучения сложных проблем внутри ШОС при формировании отношений с зарождающимся правительством «Талибана» (запрещен в РФ) в Афганистане были собраны и проанализированы фактические данные, полученные из официальных документов и заявлений, опубликованных на правительственных веб-сайтах, материалы научных публикаций, статей в СМИ, изданных в разных странах. Установлено, что ухудшение ситуации в сфере безопасности в Афганистане представляет общую угрозу для всех стран — членов ШОС, поэтому необходим консенсус для продвижения практических мер, включая содействие развитию Афганистана. Таким образом, ШОС акцентирует внимание на устранении непосредственных и ощутимых последствий захвата власти талибами после вывода войск США из Афганистана, с одной стороны, а с другой — на поддержке региональных государств в налаживании функционального сотрудничества для восстановления Афганистана.

Ключевые слова: Талибан, терроризм, безопасность, Китай, стабильность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рауф С. Трансграничное взаимодействие Афганистана и Шанхайской организации сотрудничества после вывода войск США из Афганистана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 252–263. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-252-263>

© Рауф С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Transboundary Interactions Between Afghanistan and the Shanghai Cooperation Organization After the US Withdrawal from Afghanistan

Sarwat Rauf

National University of Modern Languages, Islamabad, Pakistan
sarwatrana@gmail.com

Abstract. This paper aims to examine the functional utility of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) for regional stability after the withdrawal of the United States from Afghanistan. The instability in Afghanistan may become a serious regional challenge for the SCO to seek an acceptable solution. The study addresses the question that how the SCO members are dealing with the emerging crisis in Afghanistan. Hence, the prospective role of the SCO in building consensus among member states is unravelled with a conceptual framework, based on two theories of international relations namely regional security complex and functional cooperation theory. These theories provide a conceptual understanding that the interests of states, belonging to a general geographical region, are integrated and their mutual cooperation is more durable than the states outside the region. Subsequently, the study explored the role of the SCO in maintaining regional security and traced its efforts for stability. To explore the complexities within the SCO while managing the nascent government of the Taliban (forbidden in Russia) in Afghanistan, qualitative data has been collected. The data includes government websites, official statements and documents, books, research articles and newspapers, published in different countries. It is found that the worsening security situation in Afghanistan is a common threat to all the members of the SCO, so consensus is required to promote practical measures including the development of Afghanistan. Therefore, the SCO is focusing on addressing the immediate and tangible consequences of the Taliban's takeover after the withdrawal of the US forces from Afghanistan and supporting regional states to adopt functional cooperation to reconstruct Afghanistan.

Key words: Taliban, terrorism, security, China, stability

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Rauf, S. (2024). Transboundary interactions between Afghanistan and the Shanghai Cooperation Organization after the US withdrawal from Afghanistan. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 252–263. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-252-263>

Введение

Вывод американских войск из Афганистана способствовал приходу к власти «Талибана»¹ в стране, одновременно порождая новые опасения по поводу того, кто заполнит возникший вакуум безопасности в Афганистане и сдержит распространение терроризма в Южной и Центральной Азии². Вместе с тем изменившаяся региональная динамика стала лакмусовой бумажкой для растущего влияния Китая в Южной и Центральной Азии. В этом

¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

² Motwani N. No Good Options for Central Asia After US Withdrawal from Afghanistan // East Asia Forum. August 11, 2021. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/08/11/no-good-options-for-central-asia-after-us-withdrawal-from-afghanistan/> (accessed: 10.02.2023).

плане на первое место в контексте обеспечения безопасности в указанных регионах выходит Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

Многие ученые полагают, что ШОС может сыграть важную роль в урегулировании ситуации вокруг Афганистана, что повысит ее статус как влиятельной и авторитетной региональной организации³. Так, Чжень Пэн Чун, подчеркивая роль ШОС в управлении региональной стабильностью, утверждает, что эта организация предназначена для решения общих пограничных проблем между государствами-членами (Chung, 2006). Другие

³ Ali S. SCO's Role in Afghanistan's Stability // Center for Strategic and Contemporary Research. September 10, 2021. URL: <https://cscr.pk/explore/themes/politics-governance/scos-role-in-afghanistans-stability> (accessed: 10.02.2023).

исследователи указывают на то, что ШОС стремится к региональному сотрудничеству и выступает за стабильность, безопасность и мир во всем регионе⁴. В то же время некоторые эксперты выразили обеспокоенность по поводу чрезмерной вовлеченности Китая в поиски общего решения для Афганистана. Они утверждают, что у ШОС нет возможностей решить этот вопрос (Godehardt, 2014, р. 149) и существуют огромные препятствия, которые могут помешать ШОС сыграть столь желанную роль в стабилизации Афганистана (Roy, 2010). Однако очевидно и то, что посредством ШОС Пекин может проверить возможности своего многогранного лидерства в регионе (Qingguo, 2007).

Кроме того, ШОС провозглашает себя региональным координационным форумом по борьбе с терроризмом. Во многом это связано с тем, что члены данной организации принимают во внимание разность в понимании проблем безопасности каждой отдельной страной. Например, для стран Центральной Азии — это терроризм и экстремизм, для Китая — сепаратизм среди уйгуров (Omeliicheva, 2010, р. 70). Таким образом, страны — члены ШОС придерживаются регионального подхода к решению региональных проблем, при котором соседние великие державы несут ответственность за обеспечение безопасности, поскольку проблемы безопасности соседей могут повлиять и на их национальную безопасность (Amable, 2022, р. 6).

Это особенно важно на фоне экономической уязвимости Афганистана, что прямо связано с внутривосточной ситуацией. Следует помнить, что почти 9 млрд долл. США были заморожены в валютных резервах Центрального банка Афганистана⁵. Международный

валютный фонд (МВФ), Всемирный банк и некоторые доноры также приостановили выплаты Афганистану⁶, что усложнило ситуацию в стране. В результате Афганистан столкнулся с такими проблемами, как инфляция, падение курса национальной валюты, бедность и рост безработицы. Таким образом, необходимость политического урегулирования и улучшения экономической ситуации требует многостороннего решения путем интеграции Афганистана в региональную экономическую деятельность.

В целом сложившаяся ситуация, а также географические реалии делают Афганистан краеугольным камнем для дальнейшей деятельности ШОС. Следовательно, встает вопрос о том, как государства — члены ШОС будут корректировать свою деятельность для решения афганской проблемы.

В статье рассматривается роль ШОС в урегулировании ситуации в Афганистане. Исследование носит экспликативный характер и основано на первичных и вторичных источниках. Полученные данные в основном сосредоточены в трех областях:

- 1) концептуальное понимание участия ШОС в региональных делах;
- 2) взгляды на роль соседних стран в решении проблем Афганистана;
- 3) представления о том, как члены ШОС должны решать проблемы, возникшие в Афганистане.

Статья разделена на три части. В первой части представлена важность ШОС с опорой на теоретические основания. Во второй части обсуждается способность стран — членов ШОС решить сложную проблему Афганистана. В заключительной части освещаются возможные проблемы для Организации при решении этого вопроса.

Методология и концептуальная основа исследования

Динамичное взаимодействие стран — членов ШОС формирует отношения этих стран с Афганистаном с момента ухода США из страны. Автором сделано предположение, что ШОС стремится стать ключевым игроком

⁴ Matveeva A., Giustozzi A. The SCO: A Regional Organisation in the Making // Crisis States Working Papers Series. 2008 (September). No. 2. URL: <https://www.lse.ac.uk/international-development/Assets/Documents/PDFs/csrs-working-papers-phase-two/wp39.2-sco-a-regional-organisation-in-the-making.pdf> (accessed: 10.02.2023).

⁵ SCO Leaders Call for Increased Afghan Aid, Unfreezing of Assets // Radio Free Europe/Radio Liberty. September 17, 2021. URL: <https://gandhara.rferl.org/a/shanghai-cooperation-organization-leaders-meet-in-dushanbe-with-afghanistan-in-focus/31464685.html> (accessed: 10.02.2023).

⁶ Ibid.

в Афганистане. База данных этого исследования включает научные работы, такие как монографии и статьи, материалы ряда аналитических центров, публикации СМИ разных стран. При выявлении схемы функционирования ШОС были изучены общедоступные официальные документы.

Теоретический фундамент настоящего исследования основан на теории комплексов региональной безопасности (ТКРБ). Использование данной теории помогает понять закономерности формирования угроз безопасности для соседей Афганистана. Б. Бузан и О. Вейвер отмечают, что каждый регион имеет свои особенности. Следовательно, решения региональных проблем также должны быть региональными (Buzan & Wæver, 2003, p. 40). С этой точки зрения проблемы национальной безопасности соседних с Афганистаном государств кажутся взаимосвязанными, и их невозможно решить отдельно друг от друга. Поскольку Афганистан является зоной, где сходятся интересы стран Центральной и Южной Азии, государств Ближнего Востока, России и Китая, это делает ШОС единственной организацией, которая имеет возможность обеспечить безопасность на евразийском пространстве и может предложить решение, подходящее для всех. Кроме того, ШОС приобрела статус платформы, позволяющей региональным государствам обсуждать общие проблемы и возможные пути их решения (Olcott, 2008, p. 250).

Фактор безопасности сближает все соседние с Афганистаном государства для сотрудничества в рамках ШОС. Китай уже установил хорошие двусторонние отношения со всеми соседними с Афганистаном странами (Oрасin, 2014, p. 32). Общая цель Китая и России в рамках ШОС — создать основу для управления отношениями на общем евразийском пространстве, не допуская при этом другие державы в свои уязвимые внутренние районы. Для государств Центральной Азии членство в ШОС служит цели легитимизации слабых режимов этих стран, которые борются с политическими, этническими и религиозными разногласиями.

Известная философия ШОС — это сотрудничество между государствами-членами

с целью укрепления защиты от внешних угроз (Niblock, 2018), что делает государства-члены взаимозависимыми. Это созвучно теории функционализма в международных отношениях, в рамках которой подчеркивается, что государства с большей вероятностью будут сотрудничать, когда у них есть общие интересы и когда они работают по одним и тем же правилам в любом институте, который способствует сотрудничеству (Mitranу, 1948).

Региональное сотрудничество в духе теории функционализма также создает основу для понимания региональных условий в Южной и Центральной Азии.

Во-первых, для государств — членов ШОС многие проблемы, исходящие из Афганистана, схожи: это прежде всего беженцы и нелегальные мигранты, контрабанда оружия и наркотиков и др.

Во-вторых, Китай демонстрирует постоянный интерес к объединению Южной Азии, Центральной Азии, Европы и других частей евразийского пространства посредством инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Пекин усилил свой проект за счет развития инфраструктуры в отдаленных регионах, и именно поэтому ШОС все чаще рассматривается как региональный блок по содействию безопасности этой инициативы (Teld, 2023). Следовательно, и ШОС, и ОПОП предусматривают развитие посредством расширения связей между странами-участницами (Akhtar & Javaid, 2024, p. 56).

В-третьих, ряд стран, граничащих с Афганистаном, в целом осознают сложившуюся там ситуацию, и нынешняя смена режима их мало беспокоит. Ариф Рафик, связанный с *Vizier Consulting LLC*, высказал мнение, что «региональные государства, по крайней мере, чувствуют себя некомфортно из-за доминирования „Талибана“ в Афганистане... но у них нет иного выбора, кроме как вступить в контакт с тем, кто является фактической властью по другую сторону границы»⁷. Кроме того, во время установления контроля

⁷ Rafiq A. Afghanistan's Neighbors Contend with Taliban at Their Borders // Middle East Institute. July 29, 2021. URL: <https://www.mei.edu/publications/afghanistans-neighbors-contend-taliban-their-borders> (accessed: 10.02.2023).

талибов над Афганистаном в 2021 г. Организация Объединенных Наций (ООН) объявила, что соседи Афганистана должны держать свои границы открытыми для беженцев, а также призвала международное сообщество поддержать страны, принимающие афганских беженцев⁸.

В целом страны Южной и Центральной Азии взаимосвязаны как в политическом, так и в экономическом плане. Соседние же с Афганистаном государства стремятся к обеспечению внутренней безопасности и демонстрируют молчаливое согласие на возобновление своих отношений с Афганистаном, подталкивая Кабул к активному участию в региональном взаимодействии. В этих условиях возрастает роль ШОС, которая становится площадкой, с помощью которой возможно найти подлинное дипломатическое решение афганской проблемы посредством политического, экономического сотрудничества и взаимодействия в сфере безопасности.

Причины обеспокоенности стран — членов ШОС

Теоретически ШОС могла бы предложить Афганистану оптимальные выходы из сложившейся ситуации, поскольку Организация стремится урегулировать пограничные проблемы между государствами-членами и стимулировать региональную интеграцию (Chung, 2006). На практике у этой структуры есть ряд проблем с мобилизацией членов и убеждением их в необходимости коллективных действий. Если ШОС не будет взаимодействовать с Афганистаном, это приведет к росту терроризма и регионального соперничества, что может спровоцировать прокси-войны в этой зоне.

У государств — членов ШОС имеется множество причин для беспокойства по поводу Афганистана. Во-первых, Афганистан расположен на стыке Центральной, Южной и Западной Азии, что делает его центральным элементом для ШОС. Во-вторых, все соседи

⁸ Afghanistan: How Many Refugees Are There and Where Will They Go? // BBC News. August 31, 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-58283177> (accessed: 10.02.2023).

Афганистана связаны с ШОС, и почти все государства-члены сталкиваются с одинаковыми проблемами, такими как терроризм и сепаратизм (Orasin, 2014, p. 34). В-третьих, тесная связь между Афганистаном и государствами — членами ШОС обусловлена главным образом их общей исламской идентичностью или географической близостью.

Из-за слабости Афганистана как государства и его неспособности полностью контролировать свои границы соседние страны также принимают предупредительные меры. Например, Пакистан начал укреплять границу с Афганистаном в 2017 г. из-за опасений распространения преступных сетей и незаконного оборота наркотиков⁹. Индия также считает, что ее противники могут использовать территорию Афганистана против нее¹⁰. Некоторые западные исследователи придерживаются схожих взглядов. Например, известный американский аналитик М. Кугельман поясняет: «Мало того, что „Талибан“, традиционно антииндийская группировка, захватил власть в Афганистане, но и соперники Индии — Китай и Пакистан, теперь готовы расширить свое присутствие в стране»¹¹. Он также считает, что талибское правительство будет благосклонно относиться к Пекину, поскольку китайское правительство может обеспечить реализацию текущих инфраструктурных проектов в рамках сотрудничества с Кабулом¹².

Лидеры государств Центральной Азии больше всего обеспокоены растущей регио-

⁹ Basit A. Pakistan — Afghanistan Border Fence Is a Step in the Right Direction // Al Jazeera. February 25, 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2021/2/25/the-pak-afghan-border-fence-is-a-step-in-the-right-direction> (accessed: 10.02.2023).

¹⁰ We Expect Afghan Territory Should Not Be Used for Sheltering, Training and Financing Terror Acts, Says India // The Hindu. March 09, 2023. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/we-expect-afghan-territory-should-not-be-used-for-sheltering-training-and-financing-terror-acts-says-india/article66598634.ece> (accessed: 10.02.2023).

¹¹ Choudhury S. R. From India to China, the Taliban's Return Leaves Afghanistan's Neighbors Scrambling to Adjust // CNBC. August 17, 2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/08/18/afghanistan-taliban-impact-on-pakistan-india-china-russia-iran.html> (accessed: 10.02.2023).

¹² Ibid.

нальной нестабильностью. Например, Узбекистан опасается исходящих из Афганистана радикализации и религиозного экстремизма¹³. Это связано с тем, что территория Афганистана может стать убежищем для экстремистов, террористов и сепаратистских группировок, стремящихся свергнуть действующие режимы в центральноазиатских странах. История показала, что многие проблемы республик этого региона были связаны с ситуацией вокруг безопасности в Афганистане. Например, гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.) разжигалась группировками, действовавшими с территории Афганистана¹⁴. При этом ряд центральноазиатских стран выработал свой подход к отношениям с Афганистаном. Так, правительство Туркменистана сделало выбор в пользу хороших отношений с полевыми командирами в Западном Афганистане. Президент С. Ниязов в конце 1990-х гг. официально признал правительство «Талибана», полагая, что оно создаст стабильность, необходимую для экспорта туркменского газа через Афганистан¹⁵.

Хотя «Талибан» после прихода к власти в 2021 г. прилагает согласованные усилия, что сильно отличается от его политики в 2001 г.¹⁶, его гарантиям безопасности не доверяют. Соседние с Афганистаном государства предпочитают достичь надежного механизма разрешения конфликта с помощью великих держав, а именно России и Китая.

Китай обеспокоен тем, что современный Афганистан может стать убежищем для боевиков таких террористических группировок, как Движение за независимость Восточного

Туркестана (ДНВТ), расположенного в Синьцзяне, и «Вилаят Хорасан», филиал «Исламского государства»¹⁷, чьи базы сконцентрированы в граничащей с Китаем провинции Бадахшан в Афганистане. Более того, многочисленные последователи ДНВТ также присоединяются к «Вилаяту Хорасан»¹⁸. Однако китайское руководство уже давно считает, что хороший уровень жизни и экономический рост являются лучшими механизмами для поддержания внутренней стабильности (Cheng, 2015). Поэтому сохранение хороших отношений с Афганистаном было бы лучшей стратегией для того, чтобы избежать данной угрозы.

Для России сложившаяся ситуация с Афганистаном несет в себе множество сложностей, ключевая из которых связана с распространением нестабильности из Афганистана в регион Центральной Азии, который она считает своей сферой влияния.

В итоге и Россия, и Китай стремятся к сотрудничеству сопредельных государств. На данный момент ШОС продемонстрировала, что может стать форумом сотрудничества для России и Китая с целью гармонизации их внешней политики (Patnaik, 2016, p. 183).

Усилия ШОС по достижению регионального мира

Для стран — членов ШОС афганская проблема не является новым вопросом, добавленным в повестку дня, поскольку в первые годы существования организация начала уделять особое внимание ее решению. Государства-члены внимательно следили за ситуацией в Афганистане, чтобы по возможности повлиять на улучшение ситуации в стране (Sheraliyev, 2014). Формирование и расширение ШОС во многом основывалось на стремлении создать стабильный евразийский регион. Так, Декларация о создании ШОС определяет в качестве цели ШОС укрепление взаимного доверия и добрососедства между государствами-членами

¹⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

¹⁸ Fischer S., Stanzel A. A. Afghanistan: The West Fails — a Win for China and Russia? // SWP Comment. September 22, 2021. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/afghanistan-the-west-fails-a-win-for-china-and-russia> (accessed: 10.02.2023).

¹³ Kaura V. Uzbekistan Ups Its Involvement in Afghanistan // Middle East Institute. January 31, 2018. URL: <https://www.mei.edu/publications/uzbekistan-ups-its-involvement-afghanistan> (accessed: 10.02.2023).

¹⁴ Tajikistan and Afghanistan // Institute for the Study of War. URL: <https://www.understandingwar.org/tajikistan-and-afghanistan> (accessed: 10.02.2023).

¹⁵ Tadjbakhsh S. Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia // PRIO Paper. 2012. P. 48. URL: <https://www.prio.org/publications/7214> (accessed: 10.02.2023).

¹⁶ Thomas C. Taliban Government in Afghanistan: Background and Issues for Congress // Congress Research Service. November 2, 2021. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46955> (accessed: 10.02.2023).

(Vasilyeva & Lagutina, 2016, p. 48). Организация делала упор на сотрудничество в предотвращении конфликтов и совместном поиске решений региональных проблем¹⁹.

В целом ШОС рассматривает терроризм как один из основных факторов, способствующих нестабильности в Афганистане²⁰. Более того, страны — члены ШОС уже давно считают, что религиозный экстремизм, распространяющийся из Афганистана, является основной проблемой безопасности (Ahmad, 2018, p. 123). С этой целью Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС курирует сотрудничество государств-членов по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Однако между странами — членами ШОС существуют ограничения в межгосударственном сотрудничестве, сдерживающие успешное функционирование РАТС. Среди них можно выделить межгосударственное соперничество, проницаемые границы и этнические споры.

Нынешнее талибское правительство также осуществляет шаги по сотрудничеству с соседними государствами и следованию принципам надлежащего управления. Пекин как активный член ШОС разработал региональную стратегию для Кабула, интегрировав его в региональную экономическую деятельность. В этом отношении заверения китайского руководства не являются чем-то нелогичным, и председатель КНР Си Цзиньпин повторил, что «ШОС должна способствовать плавному переходу в Афганистане»²¹. Точно так же ШОС уделяет большое внимание афганской проблеме, прилагая усилия по посредничеству и урегулированию. Генеральный секретарь

ШОС Чжан Мин подчеркнул, что Афганистан должен создать инклюзивное правительство с участием различных племен и политических партий²². В августе 2021 г. Секретариат ШОС опубликовал заявление, в котором говорится: «Государства — члены ШОС подтверждают свою приверженность оказанию помощи Афганистану в построении мирной, стабильной и процветающей страны, свободной от терроризма, войны и наркотиков»²³.

Политические обязательства и быстрорастущая экономика Китая как одного из лидеров ШОС указывают на способность КНР заполнить вакуум безопасности, образовавшийся после ухода США из Афганистана. Однако китайская стратегия в отношении Афганистана отличается от стратегии США. Существенная разница состоит в том, что США использовали военно-политические методы в Афганистане и полагались на Организацию Североатлантического договора (НАТО), чтобы противостоять «Талибану». Поддержка США оказывалась только афганскому правительству. Китай же использует многосторонний подход для стабилизации ситуации в Афганистане и стремится к достижению широкомасштабного политического соглашения.

Формирование Контактной группы «ШОС — Афганистан»

Контактная группа «ШОС — Афганистан» (КГ) была создана в 2005 г. для выработки предложений и рекомендаций по сотрудничеству по вопросам, представляющим взаимный интерес для стран — членов ШОС и Афганистана (Rahimov, 2013, p. 221). Среди них можно выделить предотвращение незаконного распространения наркотиков,

¹⁹ Charter of the Shanghai Cooperation Organization // Shanghai Cooperation Organization Secretariat. P. 2. URL: <https://eng.sectsco.org/files/203013/203013> (accessed: 10.02.2023).

²⁰ Ali S. SCO's Role in Afghanistan's Stability // Center for Strategic and Contemporary Research. September 10, 2021. URL: <https://cscr.pk/explore/themes/politics-governance/scos-role-in-afghanistans-stability> (accessed: 10.02.2023).

²¹ SCO Leaders Call for Increased Afghan Aid, Unfreezing of Assets // Radio Free Europe/Radio Liberty. September 17, 2021. URL: <https://gandhara.rferl.org/a/shanghai-cooperation-organization-leaders-meet-in-dushanbe-with-afghanistan-in-focus/31464685.html> (accessed: 10.02.2023).

²² CGTN: Afghanistan: Life Beyond Scars: SCO Secretary-General on Its Role in Helping Afghanistan's Reconstruction and Development // Shanghai Cooperation Organization Secretariat. September 2, 2022. URL: <https://eng.sectsco.org/20220902/CGTNAfghanistan-Life-Beyond-Scars-SCO-Secretary-General-on-its-role-in-helping-Afghanistans-911192.html> (accessed: 10.02.2023).

²³ Chaudhury D. R. SCO Assures to Build Peaceful and Prosperous Afghanistan // The Economic Times. August 26, 2021. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/sco-assures-to-build-peaceful-and-prosperous-afghanistan/articleshow/85569896.cms?from=mdr> (accessed: 10.02.2023).

борьбу с терроризмом и организованной преступностью.

Пекин надеялся принять эффективные меры по искоренению терроризма с помощью государств, расположенных вокруг Афганистана. Однако в 2009 г. деятельность КГ была приостановлена²⁴, и никаких изменений в социальной, политической и экономической сферах достичь не удалось. По мнению Р. Пантуччи, «Китай стремился подтолкнуть ШОС к более активным действиям в Афганистане, введя страну в организацию в качестве наблюдателя и способствуя созданию Контактной группы ШОС по Афганистану»²⁵.

В 2012 г. после трехлетнего затишья Афганистан получил место наблюдателя в ШОС, а в 2015 г. Афганистан подписал новый протокол по борьбе с терроризмом с РАТС ШОС и подал заявку на полноправное членство в организации²⁶. Таким образом, в 2017 г. возобновились заседания КГ, направленные на укрепление стабильности в Афганистане²⁷. Позже, в январе 2020 г., Секретариат ШОС провел круглый стол по Афганистану, в ходе которого генеральным секретарем Организации В.И. Норовым была дана ключевая оценка деятельности КГ, а также представлена будущая повестка дня²⁸.

Все встречи ШОС по афганской проблеме свидетельствуют о том, что усилия по превращению Афганистана в источник новых возможностей продолжаются, однако сегодня

Афганистан не может участвовать в деятельности КГ. Это связано с нежеланием стран — членов ШОС признавать правительство «Талибана».

Афганистан и цели государств в рамках ШОС

Чтобы понять разнообразные цели государств — членов ШОС в контексте афганской проблемы, следует выделить три основные группы стран.

В первую группу входят великие державы, а именно Россия и Китай. Москва больше заинтересована в сотрудничестве в сфере безопасности в рамках ШОС, в то время как Пекин пытается расширить сферу деятельности ШОС, включив в нее экономическое взаимодействие. Официальная позиция России выглядит оптимистичной в отношении прихода к власти в Кабуле талибов, однако в Москве существует неуверенность в способности правительства «Талибана» стабилизировать ситуацию в Афганистане. Чтобы снизить угрозы, Россия консолидирует свое военное присутствие в регионе Центральной Азии в качестве гаранта безопасности, а также ключевого дипломатического партнера. Для этого у России существует приемлемый механизм в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) для противодействия угрозам, исходящим из приграничных районов между Афганистаном и Центральной Азией. Таким образом, развитие контртеррористического потенциала является наиболее достижимой целью ОДКБ (Krasnopolsky, 2022, p. 64). Кроме того, Москва также демонстрирует готовность связать экономику Афганистана с экономикой стран Южной, Центральной и Западной Азии²⁹.

Что касается интересов Китая, то он не хочет повторять американский опыт в Афганистане, и китайские политики практикуют коллективный подход³⁰. В настоящее время

²⁴ Omelicheva M. Y. *The Shanghai Cooperation Organization and Afghanistan: Old Fears, Old Barriers to Counterterrorism Cooperation* // ISPI. August 26, 2021. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/shanghai-cooperation-organization-and-afghanistan-old-fears-old-barriers-counterterrorism-cooperation-31398> (accessed: 10.02.2023).

²⁵ Pantucci R. *Central Asia and Afghanistan: Old Fears, Old Actors, New Games* // RUSI. July 27, 2021. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/central-asia-and-afghanistan-old-fears-old-actors-new-games> (accessed: 10.02.2023).

²⁶ *The SCO in Afghanistan* // Gateway House: Indian Council on Global Relations. April 20, 2022. URL: <https://www.gatewayhouse.in/the-sco-in-afghanistan/> (accessed: 10.02.2023).

²⁷ Ibid.

²⁸ *SCO Secretariat Holds Roundtable Discussion on Afghanistan* // Shanghai Cooperation Organization Secretariat. January 9, 2020. URL: <https://eng.sectsc.org/20200109/621306.html> (accessed: 10.02.2023).

²⁹ Abbas N. *Russia & Post-US Withdrawal Afghanistan* // South Asian Voices. September 24, 2021. URL: <https://southasianvoices.org/russia-post-us-withdrawal-afghanistan/> (accessed: 10.02.2023).

³⁰ Standish R. *Afghanistan in Focus at Shanghai Cooperation Organization Summit* // Radio Free Europe/Radio Liberty. September 13, 2021. URL:

Пекин инициировал диалог с талибами в двустороннем и многостороннем форматах. В конце июля 2021 г. представители «Талибана» посетили Китай и встретились с министром иностранных дел Ван И³¹. Эти визиты свидетельствуют о готовности Пекина взаимодействовать с правительством «Талибана» в Кабуле в обмен на гарантии предотвращения проникновения террористических группировок в Синьцзян³². Китай вел переговоры с «Талибаном» относительно доступа к полезным ископаемым и редкоземельным металлам, однако маловероятно, что Афганистан под управлением талибов будет приоритетным направлением в китайских инвестиционных проектах. Таким образом, Китай сохраняет свои отношения с Афганистаном на функциональном уровне, избегая при этом жестов, которые могут быть истолкованы как легитимация «Талибана» в качестве правящей силы в Афганистане.

Вторая группа — это государства Центральной Азии, которые стремятся расширить свои торгово-экономические связи за счет выхода на глобальные рынки и обеспечить безопасность границ дипломатическими средствами. Поэтому эти государства обратились к региональным державам — членам ШОС в поиске новых путей для экономического сотрудничества. Республики Центральной Азии начали продуктивное взаимодействие с Афганистаном на двустороннем уровне в начале 2018 г., когда резко возросла интенсивность встреч между политиками и официальными лицами (Nourzhanov & Saikal, 2021, p. 153). Например, Казахстан использовал свое положение в качестве непостоянного члена Совета Безопасности ООН для поиска решения путем переговоров относительно

сложившейся ситуации в Афганистане (Iqbal & Rauf, 2018). Президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев, преемник покойного И.А. Каримова, инициировал новую программу реформ, включая нормализацию отношений с соседями, и сосредоточил внимание на совместном подходе к построению мира в Афганистане (Starr & Cornell, 2018, pp. 43–46). Узбекистан готов сотрудничать с правительством «Талибана», поскольку Ташкент вложил значительные средства в региональную транспортную инфраструктуру, чтобы выйти на глобальные рынки, соединившись со странами Южной Азии³³.

Третья группа государств — членов ШОС состоит из Индии, Пакистана и Ирана. И Индия, и Пакистан рассматривают Афганистан как серьезную проблему: Индия считает Афганистан центром терроризма, а Пакистан опасается, что афганская территория может быть использована для трансграничных нападений. Несмотря на сложные отношения между Индией и Пакистаном, которые отразились и на деятельности ШОС, оба государства уделяют большое внимание ситуации в Афганистане. Например, в октябре 2021 г. Индия взяла на себя роль председателя Совета РАТС ШОС, а в мае 2022 г. в Нью-Дели прошла встреча по эффективному решению проблемы терроризма, исходящего из Афганистана³⁴. Эта встреча стала свидетельством того, что страны региона пришли к консенсусу относительно необходимости совместной работы по предотвращению вероятных угроз со стороны Афганистана.

Точка зрения Пакистана не слишком меняется в контексте трансформации ситуации в Афганистане. Однако Исламабад настроен на поддержку Афганистана в этот сложный для него период. Премьер-министр Пакистана Иран Хан, выступая на юбилейном заседании ШОС в 2021 г., проинформировал аудиторию

<https://gandhara.rferl.org/a/afghanistan-shanghai-summit/31458262.html> (accessed: 10.02.2023).

³¹ China Says Taliban Expected to Play ‘Important’ Afghan Peace Role // Reuters. July 28, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/china/taliban-delegation-visits-china-taliban-spokesperson-2021-07-28/> (accessed: 10.02.2023).

³² Fischer S., Stanzel A. A. Afghanistan: The West Fails — a Win for China and Russia? // SWP Comment. September 22, 2021. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/afghanistan-the-west-fails-a-win-for-china-and-russia> (accessed: 10.02.2023).

³³ Stronski P. How Taliban Victory Will Reshape Regional Dynamics in Central Asia // East Asia Forum. November 3, 2021. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/11/03/how-taliban-victory-will-reshape-regional-dynamics-in-central-asia/> (accessed: 10.02.2023).

³⁴ Wani A. India’s Unaddressed Concerns from the SCO-RATS Summit // Observer Research Foundation. May 26, 2022. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/indias-unaddressed-concerns-from-the-sco-rats-summit> (accessed: 10.02.2023).

о видении Пакистаном процесса урегулирования ситуации в Афганистане на основе идеи мирного сосуществования, которая исключает любые проявления блоковой политики³⁵. Однако нет уверенности в том, что все члены ШОС разделяют точку зрения Пакистана на сотрудничество с нынешним правительством Афганистана.

Кроме того, после включения Ирана в состав организации влияние ШОС расширилось на Ближний и Средний Восток. Тегеран оценивает свое членство в данной организации позитивно, рассматривая ШОС как «концерт незападных великих держав»³⁶. Однако в прошлом у Ирана и Афганистана не было хороших отношений из-за преимущественно межконфессиональных разногласий³⁷. Еще одной проблемой в отношениях между этими государствами является страх перед контрабандой опиума из Афганистана в Иран³⁸, однако иранские СМИ в целом называют эти опасения свидетельством близости позиций Ирана и Китая³⁹. Такое развитие событий становится проявлением развивающегося регионального консенсуса относительно необходимости улучшения безопасности и экономической ситуации в Афганистане, поскольку от этого зависит процветание региона в целом.

Принимая во внимание опасения всех государств-членов, региональный консенсус

по стабилизации ситуации в Афганистане, находящемся под руководством талибов, становится безальтернативным. Мирное решение проблемы Афганистана действительно невозможно до тех пор, пока будет сохраняться недоверие и разногласия по вопросам терроризма среди стран — членов ШОС.

Перспективы расширения взаимодействия

В целом историческая и географическая близость стран ШОС с Афганистаном, взаимодействие в сфере экономики (где выделяется Китай) и региональной безопасности (The Regional Security Puzzle Around Afghanistan ..., 2016, p. 10) оказывают значительное влияние на динамику геополитических процессов в регионе. Будущие успехи ШОС связаны с ее способностью эффективно решать текущие проблемы экономики и безопасности соседнего Афганистана. Некоторые особенности организации позволяют предположить, что многосторонний подход может стать удобным способом для дальнейшего развития Афганистана. ШОС по-прежнему можно рассматривать как единственную доступную платформу для решения афганского вопроса по следующим причинам.

Во-первых, Афганистан участвует в заседаниях КГ с 2012 г., веря в ее потенциал в решении политических проблем, проблем безопасности и экономики. Учитывая знакомство Афганистана с процедурами, членами и общей средой ШОС, резолюции организации будут более эффективными. Однако существует острая необходимость превратить КГ из консультативного механизма в кризисный координационный центр, который может помочь всем участвующим сторонам согласовывать свои соответствующие национальные меры реагирования на афганскую ситуацию.

Во-вторых, все страны — члены ШОС имеют мусульманское население, включая Китай и Россию. Этот фактор придает вес ШОС для того, чтобы убедить правительство Афганистана улучшить социальную, политическую и экономическую ситуацию путем внедрения современных практик. Несомненно, соседние мусульманские страны могут

³⁵ Akhtar R. Experts React: 2021 Shanghai Cooperation Organisation (SCO) Summit in Tajikistan // Atlantic Council. September 22, 2021. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/southasiasource/experts-react-2021-shanghai-cooperation-organisation-sco-summit-in-tajikistan/> (accessed: 10.02.2023).

³⁶ Motamedi M. What Iran's Membership of the Shanghai Cooperation Organisation Means // Al Jazeera. September 19, 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/9/19/iran-shanghai-cooperation-organisation> (accessed: 10.02.2023).

³⁷ Kaura V. Iran's Influence in Afghanistan // Middle East Institute. June 23, 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/irans-influence-afghanistan> (accessed: 10.02.2023).

³⁸ Synovitz R. Regional Powers Seek to Fill Vacuum Left by West's Retreat from Afghanistan // Radio Free Europe/Radio Liberty. December 25, 2021. URL: <https://www.rferl.org/a/afghanistan-power-vacuum-russia-iran-china-pakistan/31624955.html> (accessed: 10.02.2023).

³⁹ Fathi N. What Will SCO Membership Mean for Iran? // Middle East Institute. September 28, 2021. URL: <https://www.mei.edu/publications/what-will-sco-membership-mean-iran> (accessed: 10.02.2023).

понять проблему Афганистана глубже, чем любое другое государство. Более того, другое мусульманское государство — Турция — продемонстрировало свою обеспокоенность по поводу афганского вопроса и может оказать определенное влияние в качестве партнера по диалогу ШОС⁴⁰.

В-третьих, РАТС ШОС создала базу данных о террористических организациях, находящихся в Афганистане, и эти данные могут быть полезны правительствам и профильным институтам по борьбе с терроризмом. Знакомство ШОС с террористическими организациями, их работой и целями делает ее эффективной организацией для выработки уникальных стратегий по борьбе с терроризмом в регионе.

В-четвертых, благодаря сочетанию развитых и развивающихся государств, а также демонстрации китайского превосходства в центре Евразии ШОС предлагает своим членам механизмы разрешения конфликтов, давая им уверенность в возможностях Организации. ШОС всегда придерживалась традиции невмешательства в дела других государств и всегда работала с разногласиями стран-членов. Наиболее уязвимой частью Организации сегодня являются соседние с Афганистаном государства, поскольку опасность терроризма и ухудшившаяся экономика этой страны могут оказать негативное влияние на ее соседей.

Таким образом, новые механизмы коллективной безопасности для всех соседних стран стали неизбежными под эгидой одной организации. Огромная территория ШОС укрепляет уверенность региональных игроков в том, что они смогут использовать этот многосторонний институт для решения региональных проблем на региональном уровне.

⁴⁰ Jin W. SCO in a Unique Position to Address the Afghan Issue Despite Different Concerns // *Global Times*. September 15, 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202109/1234336.shtml> (accessed: 10.02.2023).

Заключение

Долгое время Афганистан не был стабильной страной, для него всегда были характерны распри между многочисленными племенами и этническими группами. Однако сегодня ШОС пытается заложить фундамент для будущей региональной стабильности, основанной на развитой региональной структуре. Некоторые государства-члены до сих пор скептически относятся к перспективе взаимодействия с талибами. Однако все согласны с тем, что региональная безопасность и стабильность должны быть обеспечены и всем государствам-членам необходимо приспособиться к этому, чтобы остановить распространение таких проблем, как терроризм и гуманитарный кризис в Афганистане, который может коснуться и их самих. Более того, государства-члены осознали, что вместо двусторонних отношений с «Талибаном» следует реализовать план функционального сотрудничества на платформе ШОС. Функциональное сотрудничество может заложить основу для возможного восстановления Афганистана под властью «Талибана».

Исследование также выявило некоторые общие темы в заявлениях ШОС относительно Афганистана для определения направлений деятельности организации.

Во-первых, ситуация в Афганистане показывает ограниченность западных подходов к государственному строительству, основанных на военном вмешательстве и насаждении либерально-демократических норм, чуждых афганской культуре и обществу, что привело к затяжной войне и последующему выводу войск.

Во-вторых, ШОС продвигает альтернативный путь государственного строительства и операций по поддержанию мира, ориентированный на нормы невмешательства, консенсусного принятия решений и неприменения военной силы. В этом смысле ШОС принимает функциональное сотрудничество в качестве основного принципа своих действий в Афганистане.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 17.10.2023
Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- Ahmad I.* Shanghai Cooperation Organization: China, Russia and Regionalism in Central Asia // Initiatives of Regional Integration in Asia in Comparative Perspective: Concepts, Contents and Prospects / ed. by H. Loewen, A. Zorob. Dordrecht : Springer, 2018. P. 119–135. https://doi.org/10.1007/978-94-024-1211-6_6
- Akhtar M. N., Javaid F.* The Role of Shanghai Cooperation Organization in the Afghan Crisis // Dealing With Regional Conflicts of Global Importance / ed. by P. Pietrzak. Hershey : IGI Global, 2024. P. 44–62. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-9467-7.ch003>
- Amable D. S.* Theorizing the Emergence of Security Regions: An Adaptation for the Regional Security Complex Theory // *Global Studies Quarterly*. 2022. Vol. 2, no. 4. P. 1–10. <https://doi.org/10.1093/isagsq/ksac065>
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. New York : Cambridge University Press, 2003.
- Cheng J. Y. S.* The Afghanistan Situation and China's New Approach to the SCO // *Asian Survey*. 2015. Vol. 55, no. 2. P. 346–370. <https://doi.org/10.1525/as.2015.55.2.346>
- Chung Chien Peng.* China and the Institutionalization of the Shanghai Cooperation Organization // *Problems of Post-Communism*. 2006. Vol. 53, no. 5. P. 3–14. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216530501>
- Godehardt N.* The Chinese Constitution of Central Asia: Regions and Intertwined Actors in International Relations. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. <https://doi.org/10.1057/9781137359742>
- Iqbal S., Rauf S.* Afghanistan Imbroglia: Impact on the Central Asian States // *Central Asia Journal*. 2018. Vol. 83. P. 55–77. <https://doi.org/10.54418/ca-83.29>
- Krasnopolsky P.* China, Russia and Central Asian Infrastructure: Fragmenting or Reformatting the Region? Singapore : Palgrave Macmillan, 2022. <https://doi.org/10.1007/978-981-19-4254-9>
- Mitrany D.* The Functional Approach to World Organization // *International Affairs*. 1948. Vol. 24, no. 3. P. 350–363. <https://doi.org/10.2307/3018652>
- Niblock T.* The Shanghai Cooperation Organisation: Structure and Dynamics, and the Role of Gulf States // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2018. Vol. 12, no. 4. P. 401–420. <https://doi.org/10.1080/25765949.2018.1564857>
- Nourzhanov K., Saikal A.* The Spectre of Afghanistan: Security in Central Asia. London : I.B. Tauris, 2021.
- Olcott M. B.* Central Asia: Carving an Independent Identity Among Peripheral Powers // *International Relations of Asia* / ed. by D. L. Shambaugh, M. B. Yahuda. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2008. P. 234–257.
- Omelicheva M. Y.* Counterterrorism Policies in Central Asia. London : Routledge, 2010.
- Opacin N.* China's Role in Afghanistan: A Capitalist Peace Approach. Hamburg : Anchor Academic Publishing, 2014.
- Patnaik A.* Central Asia: Geopolitics, Security and Stability. New Delhi : Routledge, 2016.
- Qingguo J.* The Shanghai Cooperation Organization: China's Experiment in Multilateral Leadership // *Eager Eyes Fixed on Eurasia: Russia and Its Eastern Edge* / ed. by A. Iwashita. Sapporo : Slavie Research Center, Hokkaido University, 2007. P. 113–123.
- Rahimov Kh.* The Shanghai Cooperation Organization and the Fight Against Terrorism in and Around Central Asia // *Afghanistan and Central Asia: NATO's Role in Regional Security Since 9/11* / ed. by O. F. Tanrisever. Amsterdam : IOS Press, 2013. P. 215–229. <https://doi.org/10.3233/978-1-61499-179-3-215>
- Roy M. S.* Role of the Shanghai Cooperation Organization in Afghanistan: Scope and Limitations // *Strategic Analysis*. 2010. Vol. 34, no. 4. P. 545–561. <https://doi.org/10.1080/09700161.2010.483149>
- Sheraliyev O. R.* Shanghai Cooperation Organization and the Anti-Narcotic Campaign: Quest for a Common Combat Platform // *Central Asia and Regional Security* / ed. by P. L. Dash, A. Sengupta, M. M. Bakhadirov. New Delhi : KW Publishers, 2014. P. 295–327.
- Starr S. F., Cornell S. E.* Uzbekistan's New Face. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2018.
- Telò M.* Multilateralism Past, Present and Future: A European Perspective. London : Routledge, 2023. <https://doi.org/10.4324/9781003280101>
- The Regional Security Puzzle Around Afghanistan: Bordering Practices in Central Asia and Beyond / ed. by H. Rytövuori-Apunen. Opladen : Barbara Budrich Publishers, 2016. <https://doi.org/10.3224/84740789>
- Vasilyeva N. A., Lagutina M. L.* The Russian Project of Eurasian Integration: Geopolitical Prospects. Lanham : Lexington Books, 2016.

Сведения об авторе:

Рауф Сарват — PhD, доцент кафедры международных отношений, Национальный университет современных языков; ORCID: 0000-0003-2239-6934; e-mail: sarwatrana@gmail.com

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

APPLIED ANALYSIS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-264-279

EDN: WQJPKJ

Научная статья / Research article

Институциональное становление и эволюция деятельности ШОС: опыт ретроспективного анализа

О.С. Поршнева , **С.Л. Разинков**

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

 o.s.porshneva@urfu.ru

Аннотация. Рассматривается институциональное развитие и эволюция Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с 2001 г. по настоящее время. Авторы выделяют и характеризуют этапы и вехи развития организации, а также изучают нормативную базу и организационную структуру ШОС. Показано, что современная организационная структура ШОС, сформировавшаяся в процессе длительной и противоречивой эволюции, включает ряд подсистем, которые наряду с основополагающими принципами деятельности обеспечивают жизнеспособность и развитие ШОС в будущем. Ненаправленный тематический контент-анализ 120 официальных документов ШОС позволил выявить основные направления деятельности ШОС, характер эволюции организации и в конечном итоге этапы ее институционального развития. Первый этап (2001–2004 гг.) связан с институциональным становлением организации, второй (2004–2008 гг.) — характеризуется интенсивным продвижением и минимальной сложностью торгово-экономических, гуманитарных и культурных инициатив. Третий этап (2008–2014 гг.) демонстрирует некоторое ослабление импульса развития ШОС, тогда как четвертый этап (с 2015 г.) обусловлен стремлением вывести ШОС на качественно новый уровень с ростом эффективности сотрудничества во всех сферах. Количественный контент-анализ частоты и динамики употребления репрезентативных ключевых слов одного из видов официальных документов ШОС — деклараций, принятых по итогам саммитов глав государств — членов организации, позволил обосновать тезис о постепенном усложнении, детализации и специализации направлений деятельности ШОС, выявить и охарактеризовать динамику ее приоритетов. В целом контент-анализ показывает, что ШОС в своем развитии прошла несколько этапов, отличающихся качественной спецификой, сохраняя при этом четкий приоритет вопросов безопасности, отражающий значимость традиционных и новых угроз. Сделан вывод о функционировании на платформе ШОС многоуровневого взаимодействия по обеспечению региональной безопасности и сотрудничества при одновременном развитии как многосторонних, в том числе с внешними акторами, так и двусторонних его форматов, что свидетельствует о формировании новой модели регионализма в условиях становления многополярного мира.

Ключевые слова: Хартия ШОС, организационная структура ШОС, направления деятельности ШОС, контент-анализ

© Поршнева О.С., Разинков С.Л., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Поршнева О. С., Разинков С. Л. Институциональное становление и эволюция деятельности ШОС: опыт ретроспективного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 264–279. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-264-279>

Institutional Formation and Development of SCO Activities: Experience of Retrospective Analysis

Olga S. Porshneva , Sergey L. Razinkov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

 o.s.porshneva@urfu.ru

Abstract. This article examines the institutional development and evolution of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) from 2001 to the present day. The authors identify and characterize the stages and milestones of the organization's development, while also examining the SCO's regulatory framework and organizational structure. It is shown that the modern organizational structure of the SCO, formed through a process of long and contradictory evolution, includes a number of subsystems that, along with its fundamental principles of activity, ensure the SCO's viability and development in the future. Indirect thematic content analysis of 120 official SCO documents shows the main trends of the SCO's activities, the nature of the organization's evolution and, ultimately, the stages of its institutional development. The first stage (2001–2004) is associated with the organization's institutional formation, while the second stage (2004–2008) is characterized by intensive promotion and the minimal complexity of trade, economic, humanitarian and cultural initiatives. The third stage (2008–2014) shows a slight weakening of the impetus for the SCO's development, while the fourth stage (since 2015) is associated with an attempt to bring the SCO to a qualitatively new level, demonstrating an increase in the efficiency of cooperation in all spheres. A quantitative content analysis of the frequency and dynamics of the use of representative keywords in one of the types of official documents of the SCO (declarations adopted following the summits of the heads of the member states) has made it possible to substantiate a thesis about the gradual complication, detailing, and specialization of the SCO's activities, as well as to identify and characterize its priorities. In general, the content analysis shows that the SCO has gone through several stages in its development, characterized by qualitative specifics, while maintaining a clear priority on security issues, reflecting the significance of traditional and new threats. A conclusion is reached about the functioning of multilevel interaction on the SCO platform to ensure regional security and cooperation while simultaneously developing both multilateral (including with external actors) and bilateral formats: this indicates the formation of a new model of regionalism in an emerging multipolar world.

Key words: SCO Charter, the organizational structure of the SCO, the fields of activity of the SCO, content analysis

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Porshneva, O. S., & Razinkov, S. L. (2024). Institutional formation and development of SCO activities: Experience of retrospective analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 264–279. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-264-279>

Введение

Актуальность исследования исторических, организационных и политических аспектов развития Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) обусловлена несколькими обстоятельствами.

Прежде всего, следует отметить рост научного и общественного интереса к феномену регионализма и его формам, отвечающим вызовам многополярного мира и основным тенденциям трансформации современного миропорядка. Важную роль играет фактор

усиления влияния ШОС как регионального и глобального актора международных отношений, о чем свидетельствуют, в частности, волны расширения ШОС¹ в 2017 г. (прием в организацию Индии и Пакистана) и 2023 г. (присоединение Ирана). Более чем двадцатилетний период существования ШОС настоятельно требует определения, осмысления и оценки этапов ее развития, невозможных без анализа ее организационных структур, характера и содержания деятельности.

Необходимость дальнейшего исследования проблемы при наличии значительного массива научной литературы (см. подробнее: (The Shanghai Cooperation Organization..., 2022)) определяется дискуссионностью ее ключевых аспектов, присутствием в научном дискурсе не просто различных, но в ряде случаев противоположных точек зрения по основным вопросам деятельности организации (причины возникновения, сущность, задачи, эффективность функционирования, проблемы и перспективы).

Исследование проблематики ШОС характеризуется пристальным вниманием специалистов к причинам возникновения организации, ее роли на евразийском пространстве, эффективности в решении основных задач в сфере безопасности и экономического сотрудничества, а также в развитии интеграционных процессов.

Различия в подходах и нюансы в определении государствами — членами ШОС своей роли в организации отражаются на специфике национальных научных нарративов. Специалисты выделяют российский, китайский, индийский, западный (Европа и США) варианты научного описания и анализа деятельности ШОС².

¹ ШОС образовалась в 2001 г. с присоединением Узбекистана к «Шанхайской пятёрке», созданной в 1996 г. в составе России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана.

² Габуев А., Мохан Р., Тренин Д., Хенле П. Будущее Шанхайской организации сотрудничества: как его видят в Москве, Нью-Дели и Пекине // Фонд Карнеги за международный мир. 15.06.2017. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2017/06/shanghai-cooperation-organization-at-crossroads-views-from-moscow-beijing-and-new-delhi?lang=ru¢er=russia-eurasia>

В трудах исследователей, представляющих постсоветские государства, предприняты попытки раскрытия динамики интеграционных процессов на постсоветском пространстве, роли ШОС в обеспечении стабильности и безопасности в Центральной Азии и Евразийском регионе в целом, характера проблем и противоречий в позициях стран — членов ШОС в отношении расширения Организации и ряда других вопросов (Лукин, 2007; Муратшина, 2017; 2018; Алимов, 2018; Рахимов, Курылев, 2018; Лузянин, 2019; Кулинцев, 2020; Рахимов М., 2020; Рахимов К., 2023).

Российские исследователи выявляют противоречивые последствия функционального и территориального расширения организации. Если одни отмечают, что оно дало импульс к формированию не только регионального, но и межрегионального формата обсуждения вопросов безопасности, экономики и гуманитарного сотрудничества (Колдунова, 2013, с. 61), то другие подчеркивают, что проблемы и противоречия, существующие в отношениях вступивших в организацию государств, их разные внешнеполитические ориентации могут осложнить выработку совместных мер и обеспечение доверия в решении задач безопасности и стабильности (Лузянин, 2017, с. 24), снизить эффективность деятельности ШОС как региональной организации, что, по мнению известного эксперта А.А. Князева, усугубляется «многовекторностью» политики стран-участниц, лишаящей ШОС возможности определить свою реальную миссию³.

В коллективной монографии под редакцией С.Ю. Марочкина и Ю.С. Безбородова авторы, представляющие научное сообщество шести государств — членов ШОС, оценивают перспективы деятельности ШОС в сфере безопасности, экономического, гуманитарно-

(дата обращения: 02.07.2023). (А.Т. Габуев и Фонд Карнеги за международный мир включены в Реестр иностранных агентов в России. — Прим. ред.). См. также: (Колдунова, 2013, с. 61–66).

³ Князев А. А. Карт-бланш. Сопряжение несопрягаемого в отсутствие региональной безопасности // Независимая газета. 21.06.2016. URL: http://www.ng.ru/world/2016-06-21/3_kartblansh.html (дата обращения: 02.07.2023).

го и других направлений сотрудничества. В работе отмечается противоречивость результатов деятельности ШОС, приводятся материалы, свидетельствующие как об эффективном сотрудничестве, так и о декларативно-декоративном характере ШОС (The Shanghai Cooperation Organization..., 2022).

Новым подходом к оценке ШОС является исследование Г.Дж.П. Хонрадой и С.А. Бокерия (Хонрада, Бокерия, 2023, с. 255–258) нарратива «шанхайского духа» как основы не только деятельности самой организации, но и новой модели регионализма и международных отношений в целом. «Шанхайский дух» рассматривается авторами как типологически иное — по сравнению с либерально-западным — понимание, определяющее инклюзивный и синкретический характер принципов ШОС, принятие наличия фундаментальных различий как элемента регионализма и современных международных отношений. Авторы приходят к важному выводу, что новая система международных отношений в условиях становления многополярности может быть основана на общих чертах «шанхайского духа», определяющих модель ШОС как «подчеркнутый и открытый регионализм при сохранении вестфальского суверенитета отдельных государств, принятие культурных различий, стремление к компромиссу и консенсусу в критических решениях, в некоторой степени парадоксальный подход к укреплению государственного суверенитета при региональной интеграции» (Хонрада, Бокерия, 2023, с. 255).

Особую группу составляют работы китайских исследователей, к которым мы относим как ученых из КНР, так и представителей диаспоры в других странах. Значительная часть китайских ученых характеризует ШОС как региональную организацию, направленную на предотвращение широкого спектра традиционных и нетрадиционных угроз безопасности в Центральной Азии⁴. В то же время подчеркивается уникальность ШОС как новой формы стратегического партнер-

ства и сотрудничества между разнородными (в цивилизационном, политическом, экономическом и военном отношении) государствами-участниками (Цю, 2020; Li & Wang, 2021), которая, «сочетая в себе некоторые черты альянса и территории безопасности» (He, 2020, p. 85), представляет собой феномен, контрастирующий с западным пониманием военно-политического союза: не направлена против третьих стран, не предполагает единообразия формы политического режима участников, основана на принципе равенства и достижения консенсуса при принятии решений (Bin, 2013, pp. 31, 37–39).

Западные авторы анализируют геополитическую обстановку в Центральной Азии, раскрывая проблемы региональной безопасности и стабильности в контексте деятельности ШОС, в том числе в условиях сохраняющейся нестабильности в соседнем Афганистане. Наиболее распространенные подходы исследований в Европе и Америке объясняют деятельность ШОС в геополитическом ключе с точки зрения баланса сил, а также рассматривают ШОС как средство сохранения и легитимации авторитарных режимов в регионе. Геополитический подход предусматривает видение ШОС и ее отношений с отдельными странами как направленные против США и Запада в целом⁵.

В противовес распространенной точке зрения об антизападной направленности ШОС С. Арис констатирует, что Организация, в отличие от традиционного военно-политического блока, ориентирована в первую очередь на выработку ответов на вызовы безопасности, проистекающие изнутри региона, однако для объяснения роста и развития ШОС необходимо, по мнению С. Ариса, учитывать приоритетность для руководства стран — членов организации интересов внутренней безопасности государств (Aris, 2011, pp. 75–76).

Таким образом, в научных работах высказываются неоднозначные и во многом

⁴ Bailes A. J. K., Dunay P., Guang P., Troitskiy M. A. The Shanghai Cooperation Organization // SIPRI Policy Paper. 2007 (May). No. 17. P. 58. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/PP/SIPRI17.pdf> (accessed: 02.07.2023).

⁵ Cohen A. The U.S. Challenge at the Shanghai Summit // The Heritage Foundation. June 13, 2006. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/the-us-challenge-the-shanghai-summit> (accessed: 02.07.2023). См. также: (Колдунова, 2013, с. 64).

полярные точки зрения об исторической роли, значении и перспективах развития ШОС.

Цель данной работы состоит в выявлении и характеристике этапов институционального становления и эволюции деятельности ШОС, в том числе с применением методов количественного анализа текстов официальных документов.

Методика предпринятого нами контент-анализа предполагала систематизированное изучение письменных текстов на основе идентификации значимых лексических единиц, квантификации этих данных и последующей интерпретации результатов. Начальный этап исследования включал проведение ненаправленного контент-анализа широкого круга официальных документов ШОС для идентификации ключевых слов, характеризующих деятельность организации. Следующий этап состоял в осуществлении направленного контент-анализа частоты и динамики употребления репрезентативных ключевых слов в текстах деклараций, принятых по итогам саммитов глав государств — членов ШОС. Заключительный этап контент-анализа предполагал обобщение полученной информации для определения этапов институционального развития ШОС.

Эволюция деятельности ШОС

Анализ содержания 120 официальных документов, размещенных на официальном сайте ШОС (деклараций глав государств, совместных заявлений, коммюнике, информационных сообщений по итогам заседаний советов глав правительств и министров иностранных дел государств-членов), позволил идентифицировать основные направления деятельности ШОС для исследования динамики развития организации.

В ходе анализа все направления деятельности ШОС были разделены на пять категорий:

- 1) организационные вопросы деятельности ШОС;
- 2) взаимодействие ШОС с международными организациями (в том числе по конкретным проблемам международных отношений);
- 3) обеспечение региональной безопасности;

- 4) торгово-экономическое сотрудничество;
- 5) сотрудничество в гуманитарной и культурной сфере.

В каждой категории выделены подкатегории — вопросы, связанные с конкретными направлениями деятельности ШОС (табл. 1), и подсчитано упоминание вопроса в документах ШОС исходя из 3-балльной шкалы (1 балл — подкатегория упоминается в документе наряду со многими другими вопросами, 2 балла — подкатегория является основной в документе, 3 балла — документ посвящен исключительно данному вопросу). Результаты подсчета приведены в табл. 2.

На основе количественного и качественного анализа (в частности, определения частоты и характера упоминаний этих направлений в документах в различные периоды) были выделены этапы институционального развития ШОС с 2001 г. (рис. 1).

Первый этап (2001–2004 гг.) связан с «институциональным строительством» организации, завершение которого провозглашалось в Ташкентской декларации в июне 2004 г. Этот этап отличался доминированием вопросов борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (так называемые «три зла», определения которых были сформулированы в Шанхайской конвенции 2001 г.⁶).

Второй этап (2004–2008 гг.) характеризуется интенсивным продвижением — преимущественно китайской стороной — торгово-экономической и гуманитарно-культурной повестки в полном соответствии с видением ШОС, высказанным Цзян Цзэмином на саммите в Санкт-Петербурге (2002 г.). В рамках этого видения «безопасность и торгово-экономическое сотрудничество взаимосвязаны и стимулируют друг друга», являясь «двумя колесами», на которых ШОС движется вперед⁷.

⁶ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Президент России. 14.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 05.07.2023).

⁷ Выступление председателя КНР Цзян Цзэмина на саммите ШОС (2002/06/13) // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 01.03.2004. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/jbwzlm/shhzzz/dsj/200403/t20040301_3114168.htm (дата обращения: 05.07.2023).

Таблица 1

Декомпозиция категории «Организационные вопросы деятельности ШООС»

№ п/п	Наименование подкатегории	Количество упоминаний в документах
1	Декларация о развитии и углублении регионального сотрудничества по широкому кругу вопросов	17
2	Декларация об укреплении роли и авторитета ШООС	4
3	Подтверждение успехов и роста авторитета ШООС в мире	16
4	Необходимость скорейшего запуска механизмов ШООС	5
5	Важность реализации подписанных ранее соглашений	9
6	Регламентация статуса наблюдателя и партнера ШООС	14
7	Информация о принятии нового члена, наблюдателя	9
8	Декларация последовательного организационного строительства и подтверждение большой организационной работы	10
9	Анализ и повышение эффективности деятельности рабочих групп	4
10	Подготовка предложений по развитию структуры ШООС и организационных аспектов стратегического сотрудничества	10
11	Координация структур ШООС при реализации совместных инвестиционных и экономических проектов	3
12	Практические вопросы штатов и содержания структур ШООС, создание условий для функционирования институтов ШООС	24
13	Символика ШООС	3
14	Подготовка проектов правовых документов для функционирования ШООС	12
15	Участие институтов ШООС в конкретных мероприятиях международных организаций	2
16	Активизация взаимодействия с наблюдателями и партнерами в ШООС	31
	Всего	173

Источник: составлено авторами.

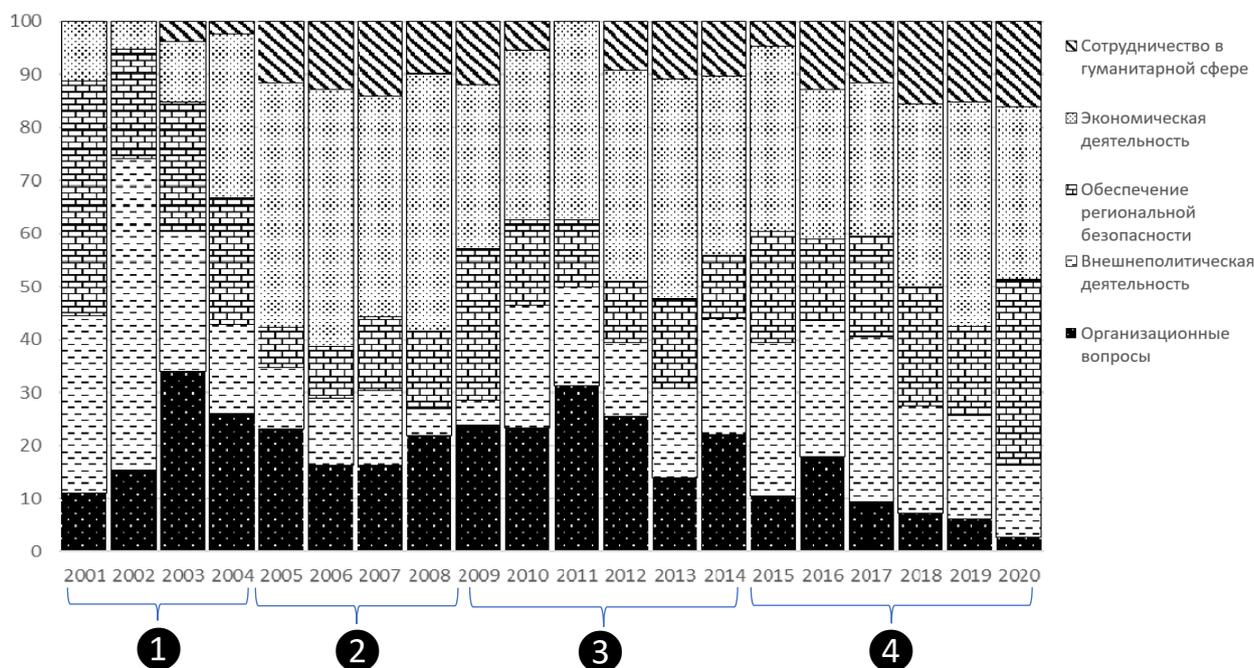

Рис. 1. Соотношение упоминания в документах ШООС основных направлений деятельности организации в 2001–2020 гг.

Источник: составлено авторами.

Соотношение упоминания в документах ШОС основных направлений деятельности организации в 2001–2020 гг.

№ п/п	Наименование категории (направления)	Количество подкатегорий (вопросов деятельности)	Количество упоминаний в документах, баллы
1	Организационные вопросы деятельности ШОС	16	173
2	Взаимодействие ШОС с международными организациями	25	233
3	Обеспечение региональной безопасности	14	194
4	Торгово-экономическое сотрудничество	25	341
5	Сотрудничество в гуманитарной и культурной сфере	7	100
	Всего	87	1041

Источник: составлено авторами.

Специфику этапа подчеркивает не только резкое увеличение количества вопросов экономического и культурного сотрудничества (55–60 % общей повестки), но и неоднократные упоминания в документах ШОС конкретных пилотных проектов торгово-экономического характера, несмотря на то, что некоторые из них начали реализовываться ранее, до подключения к ним ШОС⁸. Период также связан с политической консолидацией членов ШОС, «почти невозможной»⁹ ранее, что выразилось в поддержке сложившихся в Центральной Азии политических режимов (после «тюльпановой революции» в Киргизии и беспорядков в узбекском Андижане) и требования определить конечные сроки пребывания военнослужащих США и их союзников на территории государств — членов ШОС (июль 2005 г.).

Третий этап (2008–2014 гг.) характеризуется существенным ослаблением импульса к развитию и «обюрокрачиванием» (Лукин, 2007) ШОС, что было связано в том числе с

⁸ См., например: Совместное коммюнике по итогам заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств — членов ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. 02.11.2007. <https://rus.sectesco.org/files/45322/45322> (дата обращения: 05.07.2023).

⁹ Danilovich M. V. Approaches to SCO: China and Russia // The Shanghai Cooperation Organization and Central Asia's Security Challenges / ed. by A. A. Rozanov. Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces and Foreign Policy and Security Research Centre, 2013. P. 37. URL: https://www.dcaf.ch/sites/default/files/publications/documents/DCAF_RP16_SCO.pdf (accessed: 05.07.2023).

расхождением российско-китайских взглядов на дальнейшее направление развития организации, апогей которого М. Данилович относит к лету 2008 г.¹⁰ Так, Сун Вэйцин со ссылкой на коллективное мнение китайских политиков и аналитиков отмечает, что практическая реализация многих инициатив КНР сдерживается Россией, которая рассматривает ШОС скорее как диалоговый клуб лидеров государств-членов, чем исполнительный орган с практической властью (Song, 2014, pp. 92–93). На рис. 1 проиллюстрировано наиболее пропорциональное распределение упоминаний основных областей деятельности в документах ШОС данного периода, однако рассмотрение этих вопросов зачастую носило общий, декларативный характер.

Четвертый этап (с 2015 г.) связан с попыткой вывести ШОС «на качественно новый уровень, характеризующийся повышением эффективности сотрудничества» во всех сферах¹¹. Важной начальной вехой этапа является заседание Совета глав государств-членов в Уфе в июле 2015 г., где была утверждена долговременная стратегия развития ШОС и объявлено (помимо расширения состава наблюдателей и партнеров) о начале приема Индии и Пакистана в состав ШОС, что будет «способствовать дальнейшему раскрытию потенциала организации по всем направлениям

¹⁰ Ibid. P. 29.

¹¹ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года // Шанхайская организация сотрудничества. 10.07.2015. <https://rus.sectesco.org/files/205938/205938> (дата обращения: 05.07.2023).

ее деятельности»¹² (Индия и Пакистан стали членами ШОС 9 июня 2017 г.). 4 июля 2023 г. Иран официально стал девятым членом ШОС, что, по словам президента Ирана Э. Раиси, «обеспечит для страны условия суверенитета, безопасности и устойчивого развития экономики»¹³.

Таким образом, в настоящее время ШОС является одной из влиятельных структур многостороннего формата регионального, межрегионального и трансрегионального сотрудничества, развивает взаимодействие с такими организациями, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Содружество независимых государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Организация Объединенных Наций (ООН). Все больше стран желают укрепить отношения с ШОС, стать ее членами. По состоянию на июль 2023 г.:

¹² Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. 10.06.2018. URL: <https://rus.sectesco.org/files/442935/442935> (дата обращения: 05.07.2023).

¹³ Президент Ирана рассказал о преимуществах членства в ШОС // РИА Новости. 04.07.2023. URL: <https://ria.ru/20230704/iran-1882122580.html> (дата обращения: 05.07.2023).

— государствами — членами ШОС являются Индия, Иран, Казахстан, Кыргызстан, КНР, Пакистан, РФ, Таджикистан и Узбекистан;

— статус государства-наблюдателя при Организации имеют Афганистан, Беларусь (запущена процедура предоставления членства) и Монголия;

— партнерами ШОС по диалогу являются Азербайджан, Армения, Египет, Камбоджа, Катар, Непал, Саудовская Аравия, Турция, Шри-Ланка.

Общая площадь государств — членов ШОС равняется почти 36 млн кв. км, или около 60 % территории Евразии, а население — более 3 млрд человек, что составляет почти половину населения земного шара (Рахимов М., 2020) (табл. 3, 4).

С целью верификации полученных результатов в ходе исследования был проведен количественный контент-анализ одного из видов официальных документов ШОС — деклараций, принятых по итогам саммитов глав государств — членов организации (табл. 5). Выбор для анализа указанной разновидности документа объясняется:

1) регулярностью издания деклараций, отражающих результаты ежегодных встреч глав государств;

Таблица 3

Основные сведения о государствах — членах ШОС

Государство — член ШОС	Год вступления в ШОС	Площадь территории, тыс. км ²	Численность населения, тыс. чел. (оценка 2022 г.)	Индекс человеческого развития (2022 г.)	ВВП на душу населения, долл. США (2021 г.)	Численность вооруженных сил, тыс. чел. (2020 г.)
Индия	2017	3 287	1 417 173	0,633	2 280	1 460
Иран	2023	1 648	88 551	0,774	18 739	610
Казахстан	2001*	2 725	19 209	0,811	10 306	39
КНР	2001*	9 597	1 412 313	0,768	12 562	2 035
Кыргызстан	2001*	200	6 801	0,692	1 283	11
Пакистан	2017	796	235 825	0,544	1 564	652
Россия	2001*	17 125	146 425	0,822	12 219	900
Таджикистан	2001*	143	9 953	0,685	906	9
Узбекистан	2001	447	35 482	0,727	2 002	48
Итого		35 968	3 371 732			5 764

Примечание. * — Страны, участвовавшие в создании «Шанхайской пятёрки» (1996 г.).

Источник: составлено авторами на основе: The 2021/2022 Human Development Report // UNDP. September 8, 2022. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22> (accessed: 05.07.2023); IMF World Economic Outlook Database 2022 // IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/October> (accessed: 05.07.2023); Knoema. URL: <https://ru.knoema.com/> (accessed: 05.07.2023).

Таблица 4

Позиции государств — членов ШОС в рейтинге стран мира

Государство — член ШОС	Площадь территории	Численность населения (оценка 2022 г.)	Индекс человеческого развития (2022 г.)	ВВП на душу населения (2021 г.)	Численность вооруженных сил (2020 г.)
Индия	7	1	132	143	2
Иран	18	17	76	48	7
Казахстан	9	65	56	69	70
КНР	4	2	79	62	1
Кыргызстан	85	106	118	159	118
Пакистан	36	5	161	156	6
Россия	1	9	52	65	5
Таджикистан	94	94	122	171	129
Узбекистан	56	43	101	149	63

Источник: составлено авторами на основе: The 2021/2022 Human Development Report // UNDP. September 8, 2022. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22> (accessed: 05.07.2023); IMF World Economic Outlook Database 2022 // IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2022/October> (accessed: 05.07.2023); Knoema. URL: <https://ru.knoema.com/> (accessed: 05.07.2023).

Таблица 5

Декларации, принятые по итогам саммитов глав государств — членов ШОС в 2001–2022 гг.

Название документа	Дата принятия	Кол-во слов (в русской версии)
Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества	15.06.2001	954
Декларация глав государств — членов ШОС	07.06.2002	1617
Декларация глав государств — членов ШОС	29.05.2003	1313
Ташкентская декларация глав государств — членов ШОС	17.06.2004	1326
Декларация глав государств — членов ШОС	05.07.2005	1658
Декларация пятилетия ШОС	15.06.2006	1374
Бишкекская декларация	16.08.2007	773
Душанбинская декларация	28.08.2008	1200
Екатеринбургская декларация глав государств — членов ШОС	16.06.2009	1103
Декларация десятого заседания Совета глав государств — членов ШОС	11.06.2010	1245
Астанинская декларация десятилетия ШОС	15.06.2011	1716
Декларация глав государств — членов ШОС о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания	07.06.2012	1538
Бишкекская декларация глав государств — членов ШОС	13.09.2013	1460
Душанбинская декларация глав государств — членов ШОС	12.09.2014	2148
Уфимская декларация глав государств — членов ШОС	10.07.2015	1674
Ташкентская декларация пятнадцатилетия ШОС	24.06.2016	2503
Астанинская декларация глав государств — членов ШОС	09.06.2017	2946
Циндаоская декларация Совета глав государств — членов ШОС	10.06.2018	4186
Бишкекская декларация Совета глав государств — членов ШОС	14.06.2019	4868
Московская декларация Совета глав государств — членов ШОС	10.11.2020	5818
Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС	17.09.2021	6582
Самаркандская декларация Совета глав государств — членов ШОС	16.09.2022	6079

Источник: составлено авторами.

2) значимостью содержания этих документов, исходящих от высшего органа ШОС и отражающих согласованное видение основных направлений развития организации в краткосрочной и среднесрочной перспективе;

3) комплексностью содержания деклараций, выражающих в концентрированной и

обобщенной форме целостную повестку, все направления деятельности организации.

Для машинного анализа текстов деклараций применялась многоязычная компьютерная программа контент-анализа *Yoshikoder*¹⁴,

¹⁴ Yoshikoder. URL: <https://yoshikoder.sourceforge.net> (accessed: 05.07.2023).

обеспечивающая подсчет частоты употребления репрезентативных слов и выделение их контекстуального окружения. Анализ проводился по словоформам четырех ключевых лексем — категорий, релевантно выражающих выявленные выше направления развития ШОС (табл. 6), а также связанным с ними ключевым словам, отражающим детализацию направлений деятельности ШОС.

Таблица 6

Результаты подсчета частоты упоминания ключевых слов

Направление деятельности ШОС	Ключевое слово-категория	Частота упоминания
Обеспечение региональной безопасности	Безопасность	438
Торгово-экономическое сотрудничество	Экономика	359
Сотрудничество в гуманитарной и культурной сфере	Культура	128
Взаимодействие ШОС с международными организациями	ООН	317

Источник: составлено авторами.

Отбор указанных ключевых слов-категорий объясняется высокой степенью частотности и периодичности их употребления

в декларациях, а также тесной связью с конкретным направлением деятельности ШОС. При этом в процессе отбора для отдельных категорий учитывалось наличие согласования лексемы с дополнительным ключевым словом (например, «безопасность» с ключевым словом «регион») или присутствие синонимичных значений (например, «экономика», «экономический», «торгово-экономический»).

Анализ динамики изменения частоты упоминания ключевых слов в декларациях саммитов глав государств — членов ШОС (рис. 2) подтверждает тенденцию к увеличению внимания Организации к направлениям деятельности, связанным с торгово-экономическим и гуманитарно-культурным сотрудничеством государств-членов, при сохраняющемся приоритете проблем противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам региональной безопасности. Контент-анализ и визуализация частотности употребления в декларациях дополнительных лексем, связанных с ключевым словом-категорией, позволяет сделать вывод о постепенном усложнении, детализации и специализации направлений деятельности ШОС, а также в определенной степени подтвердить выделенные нами этапы эволюционного развития организации.

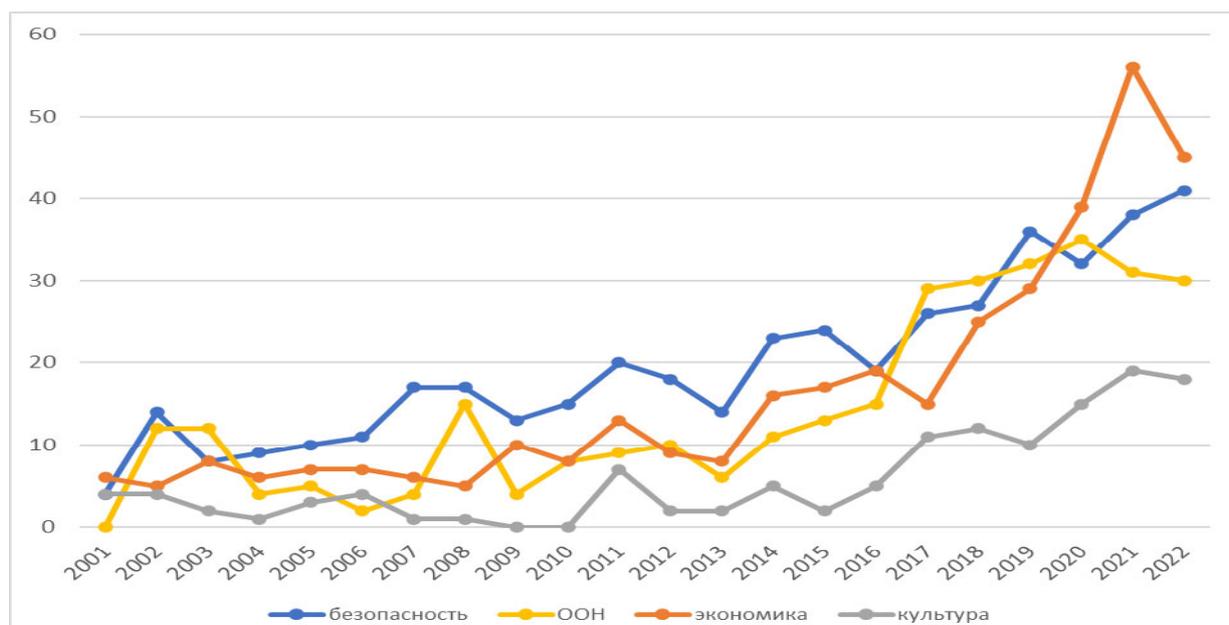

Рис. 2. Динамика изменения частотности упоминания ключевых слов в декларациях саммитов ШОС в 2001–2022 гг.

Источник: составлено авторами.

Представленная на рис. 3 гистограмма распределения относительной частоты употребления лексем, связанных с ключевым словом «безопасность», включает в себя семь видов словоформ, относящихся к категории «Безопасность»:

1) региональная безопасность (в этом случае словоформа *регион** находится в тексте декларации в диапазоне трех слов справа/слева от слова *безопасность*);

2) международная безопасность (аналогично использован поиск по двум шаблонам *международн** и *глобальн**);

3) информационная безопасность (*информацион**);

4) экологическая безопасность (*экологи**);

5) энергетическая безопасность (*энергетич**);

6) продовольственная безопасность (*продовольствен**);

7) антинаркотическая безопасность (*антинаркот** и *наркот**).

В декларациях периода 2001–2006 гг. речь идет исключительно о наиболее общих категориях международной и региональной безопасности при незначительном числе их упоминаний, что соответствует логике этапа институционального строительства ШОС. В декларациях 2007–2009 гг. с различной частотностью упоминаются все семь анализируемых видов безопасности, при этом более конкретные категории безопасности (информационная, продовольственная и т. д.) встречаются спорадически, в форме перечисления, что соответствует характеристике этапа интенсивного продвижения торгово-экономической и гуманитарно-культурной повестки. Сокращение частоты упоминания в документах конкретных категорий безопасности (кроме информационной) в 2010–2016 гг. вполне соотносится с этапом «ослабления импульса к развитию», а интенсификация и дифференциация употребления всех категорий безопасности соответствует этапу «качественного развития сотрудничества во всех сферах».

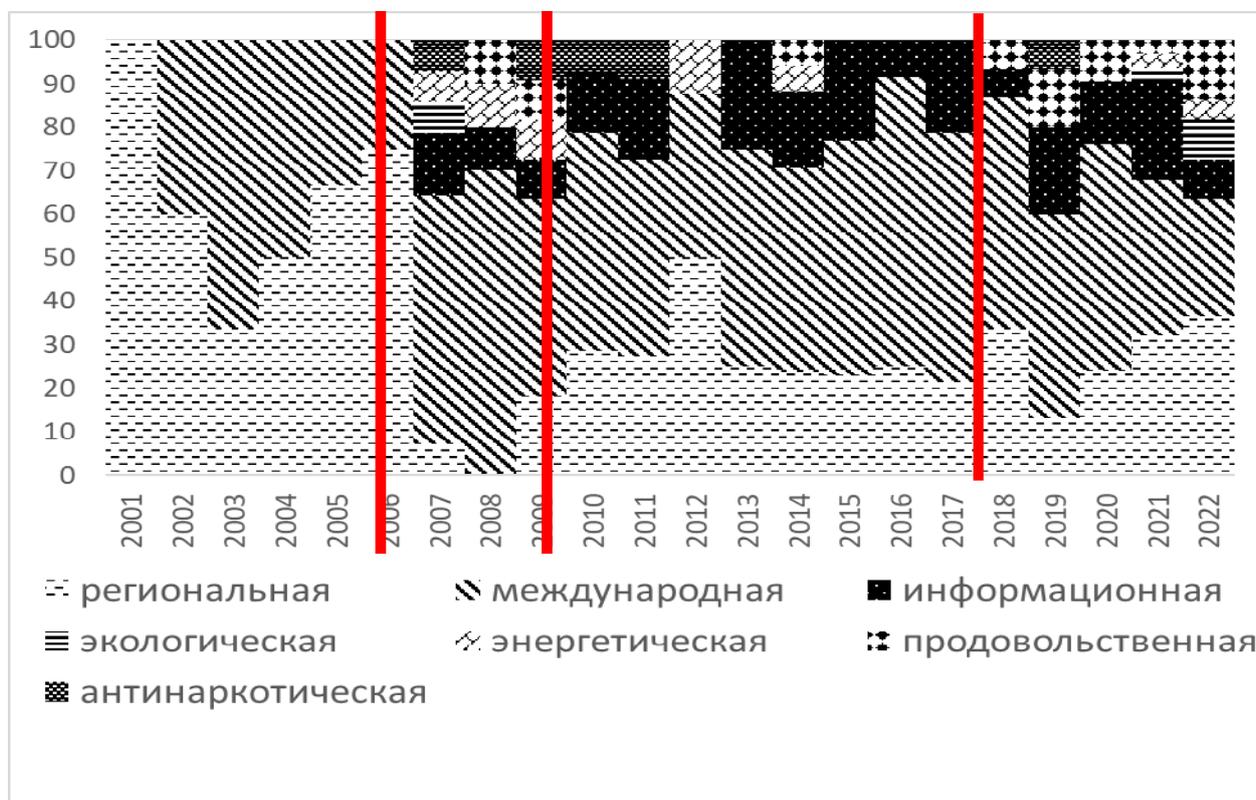

Рис. 3. Детализация употребления лексем, связанных с ключевым словом «безопасность», в декларациях саммитов ШОС в 2001–2022 гг.

Источник: составлено авторами.

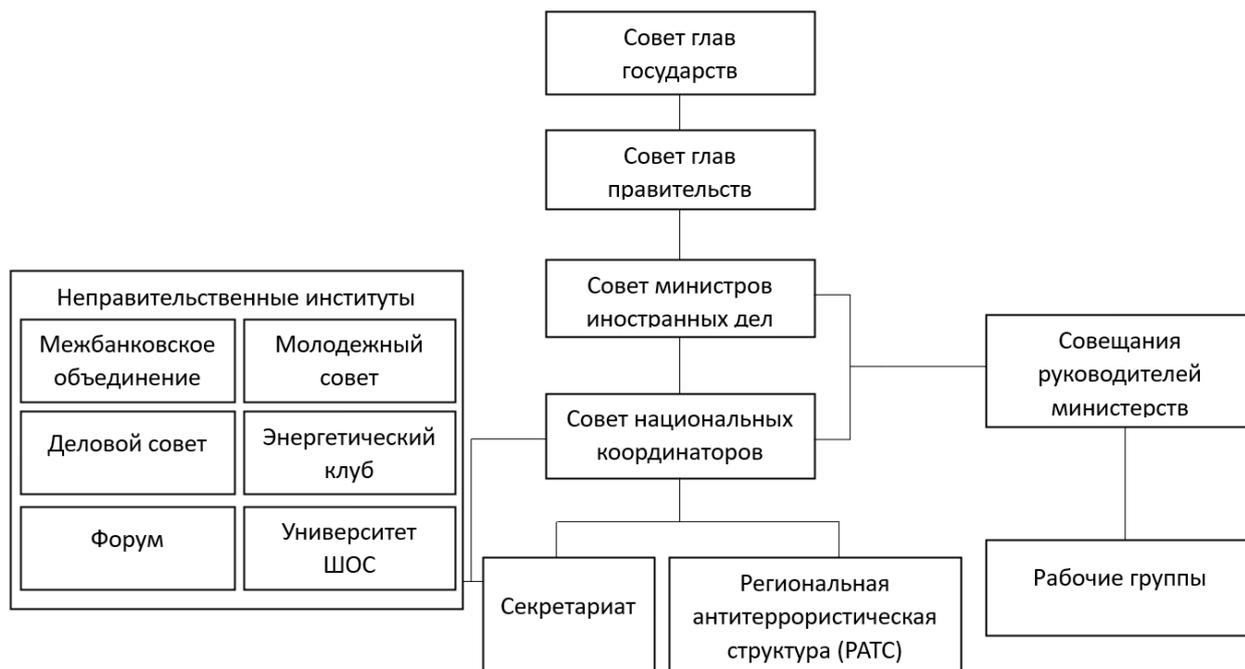

Рис. 4. Организационная структура ШОС

Источник: составлено авторами на основе: Хартия Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 05.07.2023); Шанхайская организация сотрудничества. URL: <https://rus.sectsc.org/> (дата обращения: 05.07.2023).

Развитие институтов ШОС

Современная организационная структура ШОС соответствует заявленным целям и направлениям деятельности организации и включает в себя четыре подсистемы институтов (рис. 4):

- 1) высшие органы управления и координации;
- 2) постоянные рабочие органы — Секретариат и Региональная антитеррористическая структура (РАТС);
- 3) механизмы отраслевого сотрудничества;
- 4) неправительственные агентства.

Созываемый ежегодно Совет глав государств является высшим органом ШОС, который определяет ее приоритеты и вырабатывает основные направления деятельности¹⁵. На ежегодном Совете глав правительств (премьер-министров) принимается бюджет и рассматриваются преимущественно вопросы экономического взаимодействия

государств — членов ШОС¹⁶. Совет министров иностранных дел рассматривает текущие вопросы деятельности Организации и осуществляет подготовку заседаний Совета глав государств¹⁷. Совет национальных координаторов, состоящий, как правило, из высокопоставленных чиновников уровня послов по особым поручениям, собирается на заседания не реже трех раз в год для осуществления координации и управления текущей деятельностью ШОС¹⁸.

Двумя постоянными органами, которые «символизируют рождение ШОС как полноценной международной организации» (Song, 2014, p. 92), являются Секретариат и Региональная антитеррористическая структура.

Секретариат (расположен в Пекине) — административный орган, который «осуществляет организационно-техническое обеспечение мероприятий, проводимых в рамках ШОС»¹⁹ и при этом практически не обладает полномочиями по принятию самостоятельных решений,

¹⁵ Хартия Шанхайской организации сотрудничества, ст. 5 // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 05.07.2023).

¹⁶ Там же. Ст. 6.

¹⁷ Там же. Ст. 7.

¹⁸ Там же. Ст. 9.

¹⁹ Там же. Ст. 11.

функционируя как «административно-бюрократический центр» по реализации решений, утвержденных на встречах высших органов ШОС (Aris, 2009, p. 476).

РАТС (с 2004 г. штаб-квартира расположена в Ташкенте) создана для содействия координации и взаимодействию национальных правоохранительных органов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом²⁰.

К механизмам отраслевого сотрудничества относятся совещания руководителей министерств (ведомств), а также заседания специальных и экспертных рабочих групп. Руководители отраслевых министерств и ведомств государств-членов на регулярной основе проводят совещания для рассмотрения конкретных вопросов взаимодействия в соответствующих областях в рамках ШОС²¹. Данные о регулярных совещаниях, приведенные в табл. 7, демонстрируют сохранение приоритетности в повестке ШОС проблем региональной безопасности при постепенном расширении взаимодействия в сферах экономики и культуры.

В совместных коммюнике по итогам заседаний Совета глав правительств в 2013–2017 гг. неоднократно подчеркивалась важность деятельности Специальных рабочих групп по приоритетным направлениям сотрудничества и в то же время — необходимость проанализировать их эффективность, подготовить предложения по оптимизации и активизации их деятельности.

Четвертой подсистемой в структуре институтов ШОС являются неправительственные и общественные организации, созданные для развития сотрудничества в сфере экономики и образования:

– Межбанковское объединение (создано в 2005 г. для финансирования и банковского обслуживания инвестиционных проектов ШОС);

– Деловой совет (создан в 2006 г. для налаживания прямых связей и диалога между

деловыми и финансовыми кругами государств — членов ШОС);

– Форум (учрежден в 2006 г. как консультационно-экспертный механизм для научной поддержки деятельности ШОС);

– Молодежный совет (создан в 2009 г. с целью сотрудничества и обмена опытом представителей молодого поколения стран ШОС в различных областях развития молодой личности);

– Энергетический клуб (учрежден в 2013 г. как информационная и дискуссионная площадка для обсуждения энергетических стратегий с позиции их гармонизации);

– Университет ШОС (окончательно оформился в 2017 г. как международная образовательная программа совместной подготовки высококвалифицированных кадров по приоритетным специальностям).

Таблица 7

Встречи и совещания руководителей отраслевых министерств и других органов государственной власти и управления государств — членов ШОС в 2001–2020 гг.

Должность	Период	Кол-во
Секретари Советов безопасности	2004–2019 гг.	14
Министры обороны	2001–2019 гг.	14
Министры внутренних дел и общественной безопасности	2009–2015 гг.	3
Руководители ведомств по чрезвычайным ситуациям	2002–2019 гг.	10
Министры юстиции	2013–2020 гг.	7
Председатели Верховных судов	2006–2020 гг.	15
Генеральные прокуроры	2002–2020 гг.	18
Министры транспорта	2002–2019 гг.	7
Министры экономики и торговли	2002–2019 гг.	19
Министры образования	2006–2018 гг.	7
Министры культуры	2002–2019 гг.	16
Министры сельского хозяйства	2010–2018 гг.	4
Министры здравоохранения	2010–2020 гг.	3
Руководители национальных туристических администраций	2015–2018 гг.	2

Источник: составлено авторами на основе: Шанхайская организация сотрудничества. URL: <http://rus.sectsc.org> (дата обращения: 05.07.2023).

Роль данной подсистемы в функционировании ШОС нельзя оценить однозначно. С одной стороны, ее развитие свидетельствует о расширении и углублении экономического и

²⁰ Соглашение между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре, ст. 3 // Президент России. 07.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3864> (дата обращения: 05.07.2023).

²¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества, ст. 8 // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 05.07.2023).

гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС, а с другой — ее элементы в наибольшей степени отражают противоречия между Китаем, объективно заинтересованным в создании новых инструментов для распространения своего экономического влияния в Центральной Азии (Муратшина, 2017, с. 452), и Россией, противодействующей этому (Зеленева, Власов, 2012, с. 153–154). Банк развития ШОС, который мог бы способствовать реализации многосторонних финансово-экономических проектов, из-за противоречий между Китаем и Россией так и не был создан²². В результате вопросы финансово-экономического сотрудничества Китая и государств Центральной Азии согласовываются преимущественно на двусторонней основе, произошла переориентация стран Центральной Азии на двустороннее и многостороннее взаимодействие прежде всего с Китаем (Муратшина, 2017, с. 453).

Процесс создания некоторых неправительственных институтов ШОС занимает неоправданно длительное время. Так, например, учреждение Энергетического клуба и Университета ШОС обсуждалось в течение 10 лет, что говорит о недостаточной способности руководства стран — участниц организации согласовать различные подходы к их видению в условиях необходимости соблюдения консенсуса при принятии решений.

Другой потенциальной проблемой развития ШОС является подмена многостороннего формата сотрудничества двусторонним, что стало возможным вследствие самих принципов принятия решений, закрепленных в основополагающем уставном документе — Хартии ШОС. В ней положение о суверенном равенстве всех государств-членов предусматривает поиск совместных точек зрения на основе взаимопонимания и уважения мнения каждой стороны, принятия решений в органах ШОС на основе консенсуса. В то же время в случаях незаинтересованности некоторых

членов объединения в реализации отдельных проектов сотрудничества, представляющих интерес для других стран-участниц, уставом закреплено, что «неучастие в них указанных государств-членов не препятствует осуществлению заинтересованными государствами-членами таких проектов сотрудничества и вместе с тем не препятствует указанным государствам-членам в дальнейшем присоединиться к осуществлению таких проектов»²³.

Декларируемый ШОС «шанхайский дух» позиционируется как равенство, взаимовыгодное сотрудничество, взаимное уважение и доверие, признание разнообразия цивилизаций, невмешательство во внутренние дела друг друга и предполагает принцип консенсуса при принятии решений (Хонрада, Бокерия, 2023, с. 255–258). Однако на практике эти нормы в ряде случаев затрудняют принятие согласованных всеми членами Организации решений и не способствуют разрешению объективных внутренних противоречий между странами ШОС.

Институциональное развитие ШОС вскрыло и недостаток имеющихся у Организации механизмов урегулирования кризисных ситуаций, что способствует ослаблению возможностей Организации по поддержанию стабильности в Центральной Азии. Об этом свидетельствует, в частности, во многом неопределенная и запоздалая (на месяц) реакция ШОС на «революцию тюльпанов» в Кыргызстане и последовавшие за ней андижанские события в соседнем Узбекистане (2005 г.). В определенной мере в качестве попытки преодолеть ограниченность механизмов кризисного реагирования ШОС можно рассматривать создание в 2016 г. Китаем совместно с Афганистаном, Пакистаном и Таджикистаном Четырехстороннего механизма по сотрудничеству и координации. По своим задачам во многом этот механизм выступает в качестве параллельной (если не потенциально конкурирующей) с РАТС структуры, направленной на военное и контртеррористическое сотрудничество четырех государств (Фролова, 2020, с. 38, 44–45).

²² Габуев А. Больше, да хуже. Как Россия превратила ШОС в клуб без интересов // Фонд Карнеги за международный мир. 13.06.2017. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2017/06/bigger-not-better-russia-makes-the-sco-a-useless-club?lang=ru¢er=russia-eurasia> (дата обращения: 05.01.2021). (А.Т. Габуев и Фонд Карнеги за международный мир включены в Реестр иностранных агентов в России. — Прим. ред.).

²³ Хартия Шанхайской организации сотрудничества, ст. 1 // Президент России. 06.06.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 05.07.2023).

Заключение

Анализ институционального становления ШОС показывает, что с принятием таких основополагающих документов, как Декларация о создании ШОС, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, базового уставного документа — Хартии ШОС, Соглашения о Региональной анти-террористической структуре и других нормативных актов, в целом было завершено организационное и юридическое оформление вновь образованной международной организации.

Примененная в исследовании методика контент-анализа динамики изменения частоты упоминания ключевых слов в официальных документах ШОС позволила идентифицировать основные направления деятельности ШОС, выявить тенденции эволюции повестки организации и в конечном итоге уточнить этапы ее институционального развития. В результате проведенного контент-анализа установлено, что в своем развитии ШОС прошла ряд этапов, характеризующихся качественной спецификой, при сохранении явно выраженной приоритетности в ее деятельности проблем безопасности, отражающих значимость традиционных и новых угроз. Последнее выразилось в диверсификации представлений об угрозах безопасности и регулярном появлении в документах ШОС с 2018 г. новых понятий безопасности (экологическая, энергетическая, информационная, продовольственная), а также упоминании мер по их обеспечению. При этом с 2008 г. наблюдалось неуклонное нарастание значимости торгово-экономического сотрудничества, наиболее ярко представленное в документах 2017–2021 гг.

Третьим по значимости направлением деятельности является взаимодействие ШОС с ООН и другими международными организациями, что отражает рост ее интегрированности в систему современных международных

отношений и авторитета в качестве влиятельного актора. В сфере культурного сотрудничества в последнее десятилетие наблюдается позитивная динамика, однако ее «отставание» от других направлений деятельности организации свидетельствует о недостаточной реализации потенциала культурного диалога стран-участниц.

Эволюция институциональной структуры и ее организационно-правовое оформление отражали как поиски оптимальных и эффективных форм взаимодействия стран — членов ШОС, так и процессы функционального и территориального расширения Организации. В настоящее время ШОС представляет собой один из важнейших форматов многоуровневого сотрудничества, постепенно наращивает свою активность и расширяет сферу своей деятельности, обретает собственное место в современной системе международных отношений. В повестке дня Организации регулярно присутствуют проблемы не только регионального, но и мирового масштаба, а официальные документы ШОС стали отражать темы глобальной стабильности и международной безопасности.

Оценивая перспективы развития ШОС, можно отметить, что в условиях современного мира практически все члены Организации в целях сохранения стабильности и безопасности как в самих странах-участницах, так и во всем регионе заинтересованы в совместном противодействии нетрадиционным угрозам, что придает объединению востребованность в ближайшей и среднесрочной перспективе. Кроме того, развитие в рамках ШОС многостороннего сотрудничества на равноправной основе, принципах «шанхайского духа», включающих уважение к разнообразию цивилизаций, будет способствовать формированию новой, отвечающей вызовам многополярного мира, а потому востребованной, модели регионализма.

Поступила в редакцию / Received: 21.07.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 12.12.2023
Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- Алимов Р. К. Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 3. С. 19–32. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-03-01>; EDN: REGQXV
- Зеленева И. В., Власов А. В. Будущее энергетического клуба Шанхайской организации сотрудничества в контексте евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. № 12. С. 150–157. EDN: QAKCOR

- Колдунова Е. В.* Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов // *Сравнительная политика*. 2013. Т. 4, № 2. С. 60–69. EDN: RTKGHZ
- Кулинец Ю. В.* Большое евразийское партнерство: проблемы сопряжения с международными интеграционными проектами (на примере Шанхайской организации сотрудничества и китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути»): дис. ... канд. полит. наук. Москва : Институт Африки РАН, 2020. EDN: DNRMXJ
- Лузянин С. Г.* Роль ШОС в глобальном измерении XXI века // *Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии организации* / отв. ред. Ю. В. Морозов. Москва : ИДВ РАН, 2019. С. 7–16. EDN: ETSAEZ
- Лузянин С. Г.* Россия и Китай в ШОС 2017 г.: глобальные и региональные измерения безопасности // *Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС* / отв. ред. С. Г. Лузянин. Москва : Весь мир, 2017. С. 19–26.
- Лукин А. В.* Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? // *Россия в глобальной политике*. 2007. Т. 5, № 3. С. 78–93. EDN: TZIZYN
- Муратшина К. Г.* Приоритеты стран Центральной Азии в ШОС в контексте их взаимоотношений с Китаем // *Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки*. 2017. № 3. С. 445–456. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.3.445-456>; EDN: ZSUEKH
- Муратшина К. Г.* Страны Центральной Азии и расширение ШОС // *Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология*. 2018. № 5. С. 114–118. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2018\)5-20](https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)5-20); EDN: YVNZUD
- Рахимов К. Х.* Деятельность Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению безопасности в Евразии. Москва : РУСАЙНС, 2023.
- Рахимов К. Х., Курьлев К. П.* Роль ШОС в обеспечении безопасности Центральной Азии. Екатеринбург : Издательские решения, 2018.
- Рахимов М.* Современные многосторонние отношения в Центральной Азии. Ташкент : Фан, 2020.
- Фролова И. Ю.* Взаимодействие в рамках Четырёхстороннего механизма по сотрудничеству и координации с участием Китая, Афганистана, Пакистана // *Проблемы национальной стратегии*. 2020. № 1. С. 37–48. EDN: VJMTJH
- Хонрада Г. Дж. П., Бокерия С. А.* Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 2. С. 253–264. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-253-264>; EDN: JKVFZS
- Цю Сяофэнь.* Взаимодействие Китайской Народной Республики и Российской Федерации в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Москва : Этносоциум, 2020.
- Aris S.* *Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2011. <https://doi.org/10.1057/9780230307643>
- Aris S.* The Shanghai Cooperation Organisation: ‘Tackling the Three Evils’. A Regional Response to Non-traditional Security Challenges or an Anti-Western Bloc? // *Europe — Asia Studies*. 2009. Vol. 61, no. 3. P. 457–482. <https://doi.org/10.1080/09668130902753309>
- Bin Yu.* The SCO Ten Years After: In Search of Its Own Identity // *The Shanghai Cooperation Organization and Eurasian Geopolitics: New Directions, Perspectives, and Challenges* / ed. by M. Fredholm. Copenhagen : NIAS Press, 2013. P. 29–61.
- He Baogang.* Regionalism as an Instrument for Global Power Contestation: The Case of China // *Asian Studies Review*. 2020. Vol. 44, no 1. P. 79–96. <https://doi.org/10.1080/10357823.2019.1691503>
- Li Xin, Wang Yu Xin.* The Results of the 20-Year Economic Cooperation of the Shanghai Cooperation Organization and Its Development Prospects // *Finance: Theory and Practice*. 2021. Vol. 25, no. 3. P. 159–174. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-3-159-174>; EDN: RRDJZE
- Song Weiqing.* Interests, Power and China’s Difficult Game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO) // *Journal of Contemporary China*. 2014. Vol. 23, no. 85. P. 85–101. <https://doi.org/10.1080/10670564.2013.809981>
- The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons* / ed. by S. Marochkin, Y. Bezborodov. London : Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003170617>

Сведения об авторах:

Поршнева Ольга Сергеевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; eLibrary SPIN-код: 1890-6840; ORCID: 0000-0002-3265-7010; e-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Разинков Сергей Львович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; eLibrary SPIN-код: 4251-2344; ORCID: 0000-0002-0018-7931; e-mail: s.l.razinkov@urfu.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-280-296

EDN: WUUQWG

Научная статья / Research article

Влияние прямых южнокорейских инвестиций на Дальнем Востоке России на улучшение двусторонней экспортно-импортной деятельности

Хансол Ли¹ , Е.А. Дегтерева^{1,2} , С.Ю. Черников¹ ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
li-kh@rudn.ru

Аннотация. Республика Корея благодаря своей географической близости к российскому Дальнему Востоку является близким и важнейшим экономическим партнером региона наряду с другими странами Восточной Азии. Рост санкционного давления со стороны стран Запада и активизация политики «поворота на Восток» Российской Федерации создали предпосылки для развития сотрудничества с восточными странами, что повышает роль дальневосточных регионов России. Кроме того, санкции стран Запада вернули в повестку дня тему импортозамещения в российской экономике. В этом ключе актуализируется тема взаимосвязи (взаимодополняющей или замещающей) между прямыми иностранными инвестициями (ПИИ) и торговлей. Данный вопрос является дискуссионным и давно анализируется в академических кругах. Исследование посвящено выявлению влияния южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке России на их двусторонний экспорт и импорт за период со второго квартала 2017 г. по третий квартал 2021 г. Применение метода наименьших квадратов (МНК) и робастного регрессионного анализа позволило доказать, что южнокорейские ПИИ на российском Дальнем Востоке способствуют росту импорта Дальнего Востока из Южной Кореи, в то время как они не показывают статистической значимости для экспорта в Южную Корею. Для содействия экономическому росту дальневосточных регионов и создания взаимовыгодных эффектов необходимо реформировать методы инвестирования южнокорейских компаний на Дальнем Востоке с целью локализации их производственного процесса.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции и торговля, ПИИ, отношения замещения, взаимодополняющие межгосударственные отношения, Республика Корея, РК

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Хансол Ли — подготовка черновика проекта; Е.А. Дегтерева — руководство исследованием; С.Ю. Черников — подготовка рукописи и ее редактирование.

Для цитирования: Ли Х., Дегтерева Е. А., Черников С. Ю. Влияние прямых южнокорейских инвестиций на Дальнем Востоке России на улучшение двусторонней экспортно-импортной деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 280–296. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-280-296>

The Impact of South Korean Direct Investments in the Russian Far East on the Improvement of Their Bilateral Export-Import Activities

Han-Sol Lee¹ , Ekaterina A. Degtereva^{1,2} , Sergey U. Chernikov¹

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²HSE University, Moscow, Russian Federation

 li-kh@rudn.ru

Abstract. The Republic of Korea (ROK), due to its geographical proximity to the Russian Far East, has been a close and crucial economic partner of the region alongside other East Asian countries. The increasing of Western sanctions' pressure and the intensification of Russia's activation of the "Pivot to the East" will promote the development of cooperation with the Eastern countries, and the role of Eastern Russia is likely to increase, which will increase the role of Russia's Far Eastern regions. In addition, Western sanctions will direct the country's foreign policy towards import substitution. On the other hand, the relationship between trade and foreign direct investments (FDI), whether it is complementary or substitutive, is rather controversial and thus has long been debated by several scholars: each case study demonstrates a different result depending on the focus country, economic zones, study period, and so forth. In this sense, this study examines the impact of South Korean FDI in the Russian Far East on their bilateral exports and imports for the period Q2 2017 — Q3 2021. Ordinary least squares (OLS) and robust least squares regression analyses confirm that South Korean FDI stock in the Russian Far East promotes the Russian Far East's imports from South Korea, while it shows no statistical significance in its exports to South Korea. In order to contribute to the economic growth of the Russian Far East and create win-win effects, the way South Korean companies invest in the Russian Far East should be reformed to localize their production process.

Key words: foreign direct investment and trade, FDI, substitution relationship, complementary relationship, the Republic of Korea, ROK

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. Han-Sol Lee — writing — original draft; E.A. Degtereva — supervision; S.U. Chernikov — writing — review and editing.

For citation: Lee, H.-S., Degtereva, E. A., & Chernikov, S. U. (2024). The impact of South Korean direct investments in the Russian Far East on the improvement of their bilateral export-import activities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 280–296. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-280-296>

Введение

Заметный экономический рост «четырёх азиатских тигров»: Гонконга, Республики Корея (РК), Тайваня и Сингапура — на основе экспортно-ориентированных стратегий в 1990-х гг. подтолкнул другие развивающиеся страны и страны с переходной экономикой к открытию своей экономики и изменению внешней политики с импортозамещающей на экспортно-продвигающую.

С момента вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) в

2012 г. Москва также активно приступила к встраиванию своей экономики в глобальный рынок. Однако западные санкции, вызванные воссоединением Крыма с Россией в 2014 г. и конфликтом между Россией и Украиной в 2022 г., вынудили повернуть внешнюю политику страны в сторону импортозамещения, хотя экспорт остается важнейшим видом хозяйственной деятельности для экономического роста страны, национальная экономика которой во многом зависит от природных ресурсов.

В частности, для Дальнего Востока России, где объем местного рынка очень мал, роль экспорта очень велика. Так, в 2017–2020 гг. экспортная зависимость (измеряемая отношением экспорта к валовому региональному продукту (ВРП)) Дальневосточного федерального округа (ДФО) превышала аналогичный показатель всех субъектов федерации (табл. 1), хотя в 2021 г. это соотношение было меньше, что следует рассматривать как исключение. По сути, после начала конфликта между Россией и Украиной международные грузопотоки в течение 2022 г. переориентировались на дальневосточные порты: их доля в контейнерообороте выросла с 40 до 70 %, а перевозки в Беларусь через Дальний Восток в сентябре 2022 г. увеличились на 77 % по сравнению с сентябрем 2021 г.¹ В этом смысле стимулирование экспорта и поддержание благоприятного торгового баланса имеет большое значение для экономического роста Дальнего Востока.

Таблица 1
Соотношение экспорта и ВРП в 2017–2021 гг., %*

Год	2017	2018	2019	2020	2021
Россия	26,18	31,23	28,90	25,88	29,87
Дальний Восток	27,73	32,69	31,26	28,66	28,81

Примечание. * — При пересчете ВРП из рубля в доллар США применяется среднегодовой обменный курс из следующего источника: Динамика официального курса данной валюты // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.VAL_NM_RQ=r01235 (дата обращения: 10.03.2024).

Источник: Информация для мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года // Федеральная служба государственной статистики. Февраль 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259> (дата обращения: 10.03.2024); ВРП за 1998 год // Федеральная служба государственной статистики. Март 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 10.03.2024).

Южная Корея благодаря своей географической близости к российскому Дальнему

¹ Экономические сдвиги: Дальний Восток представляет угрозу для ВВП // KONKURENT.RU. 29.02.2022. URL: <https://konkurent.ru/article/53891> (дата обращения: 03.11.2022).

Востоку является близким и важнейшим экономическим партнером региона наряду с другими странами Восточной Азии, а именно Китаем и Японией. Кроме того, усиление западных санкций и активизация российской политики «поворота на Восток» может привести к укреплению национальных связей с восточными странами, и роль дальневосточных регионов России, вероятно, возрастет.

Так, глобальная пандемия COVID-19 не смогла существенно затронуть южнокорейские прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Россию. В противовес резкому сокращению глобальных потоков ПИИ в период пандемии COVID-19 валовый поток южнокорейских ПИИ в Россию увеличился с 99 млн долл. США в 2019 г. до 125 млн долл. США в 2020 г. и 129 млн долл. США в 2021 г. (это максимальный объем ПИИ с 2016 г.). Наибольший объем ПИИ в 2021 г. показал, что южнокорейские ПИИ в Россию имеют устойчивую тенденцию к росту с 2016 г. Отсюда можно ожидать, что южнокорейские ПИИ в России будут устойчивы и в дальнейшем².

Вместе с тем вопрос взаимосвязи между торговлей и ПИИ и характера этой взаимосвязи (взаимодополняющей или замещающей) уже давно рассматривается многими учеными. Каждое тематическое исследование демонстрирует разные результаты в зависимости от страны, экономической зоны, периода исследования и т. д. (Mundell, 1957; Kojima, 1975; Blonigen, 2001; Liu, Wang & Wei, 2001; Marchant, Cornell & Koo, 2002; Pantulu & Poon, 2003).

В данном исследовании влияние южнокорейских инвестиций на двусторонний экспорт и импорт между Южной Кореей и 11 субъектами федерации ДФО России изучается на основе квартальных данных за период 2017–2021 гг. с помощью метода наименьших квадратов (МНК) и робастного регрессионного анализа. Структурно работа состоит из нескольких разделов, посвященных описанию ПИИ на Дальнем Востоке России, а также рассмотрению Южной Кореи как страны-

² Statistics of FDI // The Export-Import Bank of Korea. URL: <https://stats.koreaexim.go.kr> (accessed: 26.06.2022).

инвестора; анализу экспорта и импорта на Дальнем Востоке России, характеристик Южной Кореи как страны-партнера; обзору литературы; методологии и результатам эмпирических тестов. В заключение представлены выводы и рекомендации.

Привлечение прямых иностранных инвестиций на российский Дальний Восток и место Южной Кореи как страны-инвестора

Основной объем ПИИ на Дальнем Востоке России (около 88 %) был направлен из офшорных стран, в которых высока доля перевалочных, круговых или фиктивных ПИИ, что затрудняет выяснение реальных стран — источников ПИИ³. Таким образом, несмотря на кажущийся скромным уровень южнокорейских ПИИ на российском Дальнем Востоке, в 2015–2022 гг. Южная Корея входила в число постоянных и определяемых инвесторов (табл. 2).

Южнокорейские ПИИ в России в основном сосредоточены в трех федеральных округах: Центральном, Северо-Западном и Дальневосточном. Дальневосточный федеральный округ — третье направление южнокорейских ПИИ в России (рис. 1).

Южнокорейские ПИИ сосредоточены в неэнергетических секторах, таких как сфера услуг (финансовые, транспортные, логистические, гостиничные), торговля, продажи (электронные устройства, продукты питания и напитки) и сельское хозяйство. Также нельзя не отметить, что наиболее предпочтительным местом размещения является Владивосток в Приморском крае. Это говорит о том, что южнокорейские инвесторы заинтересованы в расширении рынка при выборе места для инвестиций на Дальнем Востоке (Lee, 2020).

³ Ledyeva S., Karhunen P., Whalley J. If Foreign Investment Is Not Foreign: Round-Trip Versus Genuine Foreign Investment in Russia // Centre d'Études Prospectives et d'Informations Internationales. 2013. No. 5. P. 1–65. URL: http://cepii.fr/pdf_pub/wp/2013/wp2013-05.pdf (accessed: 26.06.2023). См. также: (Lee & Yu, 2022).

Доля ПИИ на Дальнем Востоке России (Дальневосточный федеральный округ) по странам-партнерам в 2015 и 2022 гг., %

Страна	01.01.2015	01.01.2022
Бермудские острова	34,76	63,06
Багамские острова	50,13	22,14
Кипр	5,11	3,17
Республика Корея	0,38	0,18
Нидерланды	0,00	1,31
Великобритания	0,67	0,00
Япония	0,12	0,22
Китай	0,17	0,86
Гонконг	0,05	0,11
Другие	0,82	0,20
Неопределенные	7,79	8,74

Источник: Баланс по субъектам Российской Федерации в разрезе инструментов и стран-партнеров // Центральный банк Российской Федерации. Сентябрь 2022. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 22.09.2023).

Как видно из данных на рис. 2, по состоянию на начало 2022 г. наибольший объем южнокорейских ПИИ был накоплен в Приморском и Хабаровском краях, где существуют привлекательные условия регионального спроса по размеру рынка и численности населения относительно других субъектов федерации в ДФО. Сахалинская область менее значима для южнокорейских инвесторов. Исходя из этого, можно предположить, что в Дальневосточном федеральном округе южнокорейские ПИИ, ориентированные на рынок, превосходят таковые с ориентацией на природные ресурсы. Низкий уровень южнокорейских инвестиций в Сахалинскую область, несмотря на наличие грандиозных энергетических проектов, можно объяснить ограниченным количеством южнокорейских энергетических компаний мирового уровня, которые занимаются как добычей, так и переработкой выше и ниже по производственной цепочке. Так, в глобальные энергетические рейтинги *Standard & Poors* вошли всего пять южнокорейских компаний: *SK Innovation* (46-е место), *KEPCO* (124-е место), *GS Holdings* (127-е место), *KOGAS* (128-е место) и *S-Oil* (191-е место)⁴.

⁴ The Platts Top 250 Global Energy Company Rankings // S&P Global Platts. 2019. URL: <https://web.archive.org/web/20210602150636/https://www.spglobal.com/platts/top250/rankings/2019> (accessed: 25.05.2023).

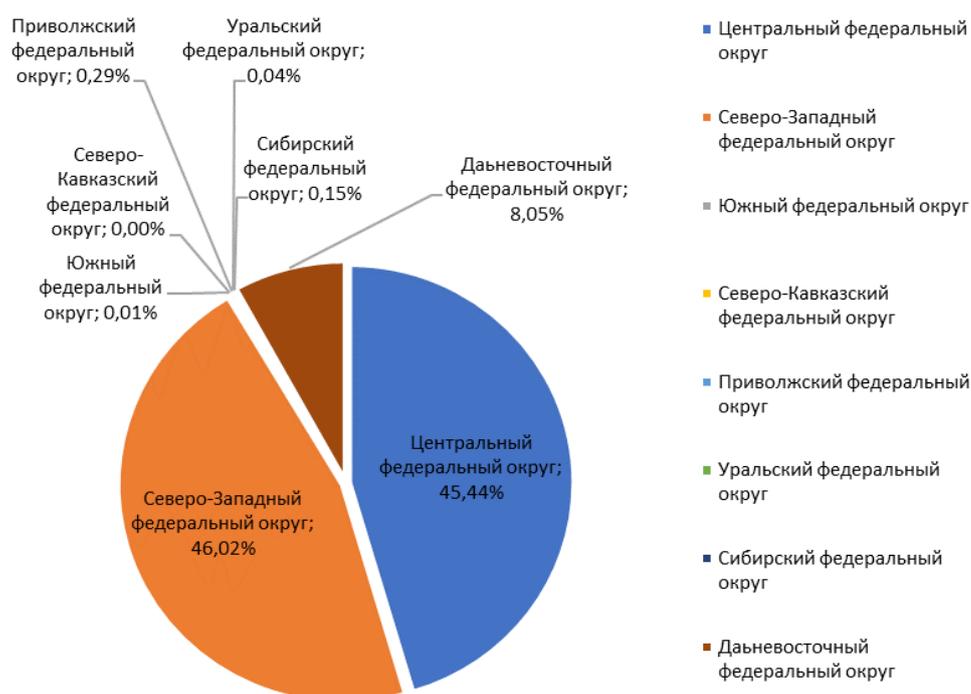

Рис. 1. Объем южнокорейских ПИИ в России по федеральным округам, по состоянию на 01.01.2022 г.

Источник: Баланс по субъектам Российской Федерации в разрезе инструментов и стран-партнеров // Центральный банк Российской Федерации. Сентябрь 2022. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 22.09.2023).

При этом здесь следует учитывать, что холдинговой компанией *S-Oil* является *Aramco* (Саудовская Аравия), а бизнес *GS Holding* ограничивается отраслью переработки и дальнейшего распределения энергоресурсов (*downstream*). Их разведка и добыча (*upstream*) же требует тщательного предварительного исследования (геологоразведочные работы), что, в свою очередь, связано с высокими финансовыми рисками. Однако, как мы видим, количество таких комплексных энергетических компаний, выполняющих работы, требующие высокого уровня технической экспертизы и значительного капитала, в Южной Корее ограничено.

В период пандемии COVID-19 южнокорейские ПИИ в четырех субъектах ДФО сохраняли стабильный уровень (см. рис. 2). Следует отметить, что перед началом пандемии COVID-19 объем южнокорейских ПИИ в Приморском крае увеличился со 144,01 млн долл. США (на 01.01.2019 г.) до 172 млн долл. США (на 01.01.2020 г.). По мере усиления пандемии вначале произошло снижение объема южнокорейских ПИИ со 172 млн

долл. США (на 01.01.2020 г.) до 149,23 млн долл. США (на 01.01.2021 г.) и 144,53 млн долл. США (на 01.01.2022 г.), но он не опустился ниже уровня 01.01.2019 г., так как ограничения по COVID-19 в России были сняты (в том числе и пограничные). Вместе с тем мы можем наблюдать тенденцию к снижению южнокорейских ПИИ в Хабаровском крае, которое при этом не связано с пандемией, поскольку оно уже имело место в предпандемический период: сокращение объема южнокорейских ПИИ в Хабаровском крае наблюдается в период с 01.01.2019 г. по 01.01.2020 г. Хотя спад продолжился и в период пандемии, объем снижения незначителен.

Кроме того, в долгосрочной перспективе ожидается увеличение южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке России, учитывая растущее смещение их фокуса в Приморский край, основное направление ПИИ Республики Корея среди дальневосточных субъектов федерации в допандемический период и тенденцию деглобализации (усиления экономического сотрудничества между соседними экономиками) в постпандемический период.

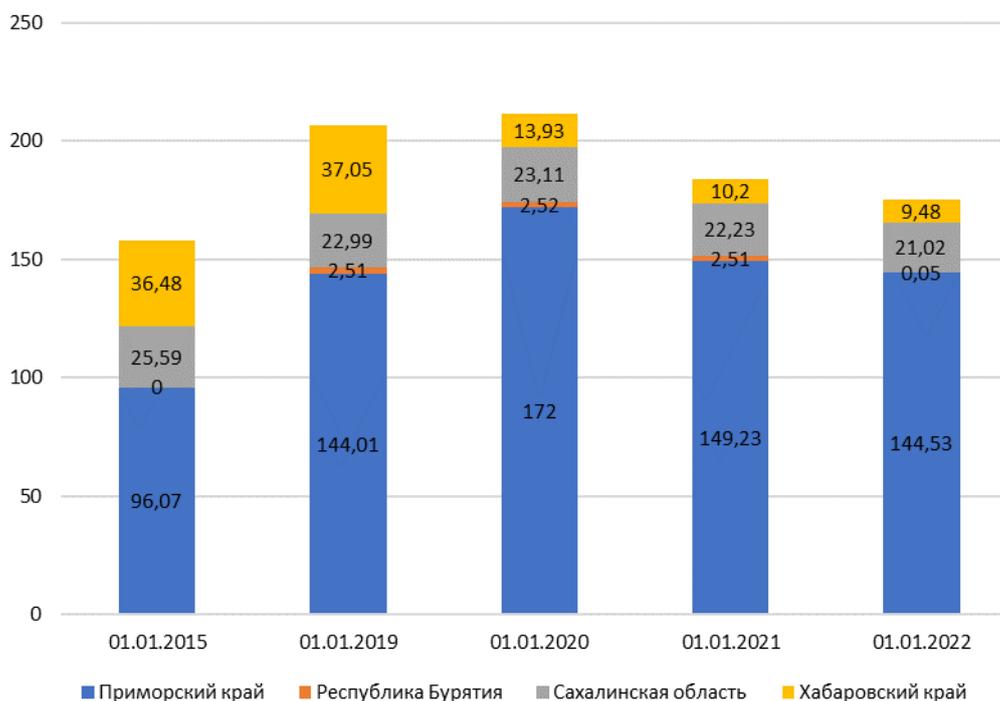

Рис. 2. Объем южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке России в 2015–2022 гг., млн долл. США

Источник: Баланс по субъектам Российской Федерации в разрезе инструментов и стран-партнеров // Центральный банк Российской Федерации. Сентябрь 2022. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 22.09.2023).

Так, южнокорейские судостроительные компании активно сотрудничают с судостроительным заводом «Звезда» — *Hyundai Heavy Industries* в настоящее время строит семь танкеров, а *Samsung Heavy Industries* создала дочернюю компанию для реализации проекта строительства ледоколов. Кроме того, около 20 южнокорейских компаний преимущественно в сфере автозапчастей и пищевой промышленности собираются войти в создаваемый южнокорейский индустриальный комплекс в Приморском крае. Также ведутся активные переговоры о расширении партнерства в новых и перспективных инвестиционных областях (таких как «умные города», «умные фермы», возобновляемые источники энергии)⁵.

⁵ Исполняющий обязанности Генерального консула Ко Мун Хи дал специальное интервью ежемесячному журналу «Окно в АТР» (по случаю Восточного экономического форума) // Генеральное консульство Республики Корея в г. Владивостоке. 01.09.2021. URL: <https://overseas.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20210903042515123.pdf&rs=/viewer/result/202406> (дата обращения: 19.02.2022).

Хотя объем южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке довольно скромнен по сравнению с другими странами Восточной Азии, такими как Китай и Япония, Южная Корея потенциально может стать одной из наиболее важных и стабильных стран-инвесторов в данный регион России. Основные проблемы российского Дальнего Востока сводятся к асимметричному развитию отраслей и не всегда оптимальной для данного региона структуре промышленности. Структура же местных южнокорейских ПИИ в распределении по отраслям особенно наглядно демонстрирует, что Южная Корея является потенциальным партнером в плане диверсификации международных инвестиций для сбалансированного экономического развития различных территорий Дальнего Востока. Инвестиции в российский Дальний Восток принесут Южной Корее множество выгод, например расширение присутствия на внешних рынках, создание возможностей для производства и сбыта продукции для малых и средних предприятий (МСП), а также поиск

перспективных производств с использованием новых технологий. В частности, возможные инвестиции в энергетический и пищевой сектора на Дальнем Востоке обеспечат Южную Корею природными ресурсами и продовольствием. Следует отметить, что Южная Корея является вторым по величине торговым партнером российского Дальнего Востока, и основными товарами, импортируемыми Южной Кореей с Дальнего Востока, являются природные ресурсы (нефть, газ, уголь) и рыба⁶.

Экспорт и импорт на Дальнем Востоке России и место Южной Кореи как страны-партнера

В данном разделе анализируется экспортный потенциал промышленных товаров и услуг Дальнего Востока России (рис. 3). Для оценки экспортного потенциала используются два показателя: первый — отношение продукции к общему объему дальневосточного экспорта (А, %); второй — отношение продукции Дальнего Востока к продукции всего российского экспорта (В, %). После расчета каждого показателя для уточнения экспортного потенциала получают их среднее значение (С, %). Результаты представлены на рис. 3. Наибольшим экспортным потенциалом обладают топливно-энергетические товары (код 27) и минеральные продукты (коды 25–26): они получили 27,77 и 20,355 % от общего показателя экспортного потенциала соответственно. Кроме того, продовольственные товары и сырье (коды 01–24) также имеют потенциал для экспорта и получили 16,499 % от оценки экспортного потенциала.

Благодаря географической близости и развитой внутренней экономике три страны Восточной Азии (Республика Корея, Китай и Япония) являются основными торговыми партнерами российского Дальнего Востока

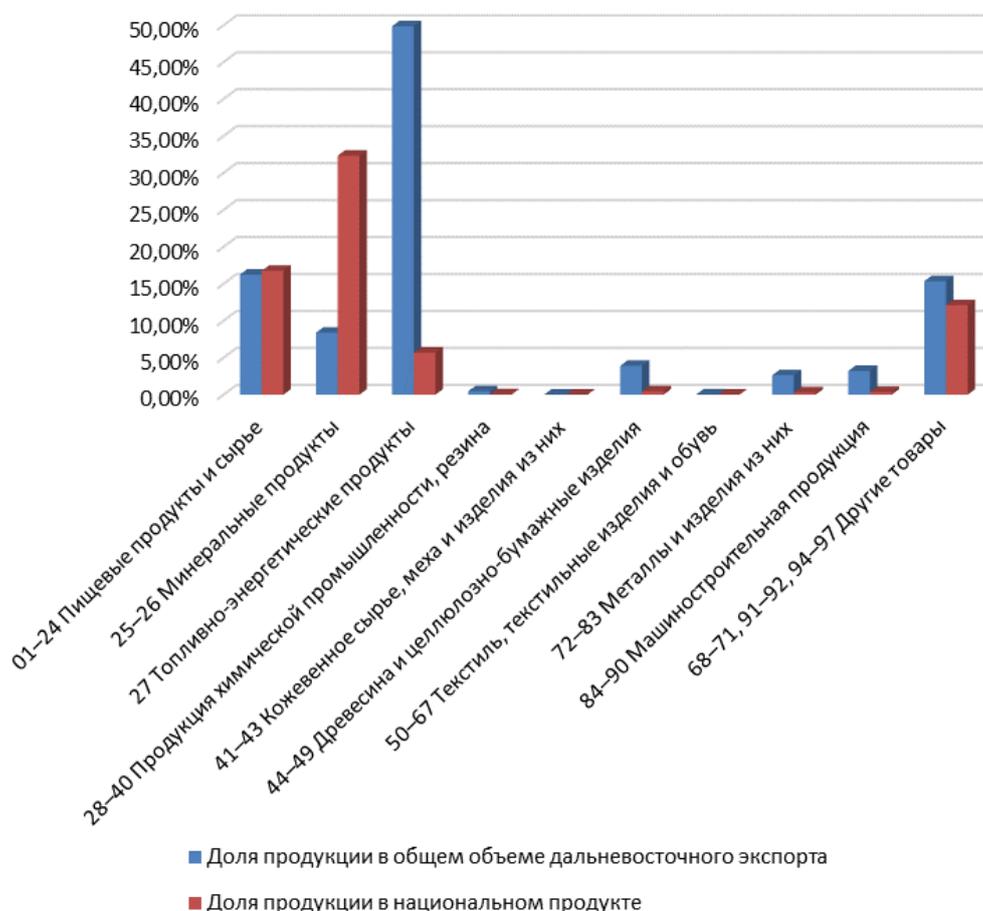
(табл. 3). Больше всего дальневосточные регионы экспортируют в Южную Корею (8,999 млрд долл. США в 2021 г.), за ней следуют Китай (8,738 млрд долл. США) и Япония (4,011 млрд долл. США). В случае с импортом первое место занимает Китай — 5,153 млрд долл. США, что составило 50,92 % от общего объема импорта в 2021 г.

Обзор литературы

Тема характера отношений (взаимодополняющие или замещающие) между ПИИ и международной торговлей обсуждается уже давно. В отличие от четкой замещающей связи других форм притока ПИИ (стратегический альянс, лицензирование и франчайзинг) в силу присущих им характеристик связь между ПИИ и экспортом довольно неопределенна, поскольку транснациональные предприятия могут использовать оба метода одновременно. Теоретические корни этого типа дебатов лежат в работах Р.А. Манделла (Mundell, 1957) и К. Кодзимы (Kojima, 1975).

Одним из первых исследований на эту тему стала работа Р.А. Манделла (Mundell, 1957). Международная торговля активизируется из-за различий в обеспеченности факторами производства между странами (предположения Хекшера — Олина — Самуэльсона). Поскольку ПИИ обеспечивают международное движение капитала, разница в обеспеченности факторами производства между странами сокращается. Таким образом, Р.А. Манделл показал, что инвестирование заменяет экспорт. В свою очередь, К. Кодзима (Kojima, 1975) опровергает теорию Р.А. Манделла и доказывает, что ПИИ способствуют росту экспорта. Международные компании инвестируют в отрасли, находящиеся в неблагоприятном положении, чтобы использовать факторы, которыми они плохо обеспечены в своей стране, и эти инвестиции приводят к повышению производственного потенциала принимающей страны ПИИ за счет эффекта перелива. Тем временем инвестирующие компании могут сосредоточиться на производстве товаров, в которых они уже имеют преимущества. Таким образом, ПИИ дополняют экспорт.

⁶ Исполняющий обязанности Генерального консула Ко Мун Хи дал специальное интервью ежемесячному журналу «Окно в АТР» (по случаю Восточного экономического форума) // Генеральное консульство Республики Корея в г. Владивостоке. 01.09.2021. URL: <https://overseas.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20210903042515123.pdf&rs=/viewer/result/202406> (дата обращения: 19.02.2022).

Код	01–24	25–26	27	28–40	41–43	44–49	50–69	72–83	84–90	68–71, 91–92, 94–97*
А	16,247	8,379	49,842	0,450	0,001	3,889	0,017	2,620	3,207	15,348
В	16,751	32,331	5,699	0,051	0,000	0,445	0,002	0,300	0,367	12,112
С	16,499	20,355	27,770	0,251	0,001	2,167	0,009	1,460	1,787	13,730

Рис. 3. Экспортный потенциал по видам товаров на Дальнем Востоке в 2021 г., %

Примечание. * — 68 — изделия из камня, гипса, цемента, асбеста, слюды или аналогичных материалов; 69 — керамические изделия; 70 — стекло и изделия из него; 71 — жемчуг, драгоценные или полудрагоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них; ювелирные изделия; монеты; 91 — часы всех видов и их части; 92 — музыкальные инструменты, их части и принадлежности; 94 — мебель; постельные принадлежности, набивные принадлежности мебели; лампы и осветительное оборудование; сборные строительные конструкции; 95 — игрушки, игры и спортивное оборудование, их части и принадлежности; 96 — различные готовые изделия; 97 — произведения искусства, предметы коллекционирования и антиквариат.

Источник: Дальневосточное таможенное управление. URL: <http://dvtu.customs.gov.ru/> (дата обращения: 26.06.2022); Федеральная таможенная служба Российской Федерации. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 26.06.2022).

Несмотря на множество проведенных эмпирических исследований, существуют эмпирические доказательства в пользу как замещающих (Blonigen, 2001; Bhasin & Paul, 2016), так и дополняющих (Pfaffermayr, 1996; Liu, Wang & Wei, 2001; Marchant, Cornell & Koo, 2002; Pantulu & Poon, 2003; Limaye & Pednekar, 2019) отношений, поэтому дискуссии на эту тему продолжаются.

Интересно, что некоторые исследования демонстрируют существование обеих взаимосвязей в одном и том же случае. Лю Сямин и др. (Liu et al., 2016) показали, что ПИИ поразному влияют на экспорт в Китае и странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в зависимости от стадии зрелости этого экспорта.

Таблица 3

Топ-10 торговых партнеров Дальнего Востока в 2021 г.

№ п/п	Страна	Экспорт		Страна	Импорт	
		Млн долл. США	Доля, %		Млн долл. США	Доля, %
1	Республика Корея	8 999,45168	32,36	Китай	5 152,906314	50,92
2	Китай	8 738,00285	31,42	Южная Корея	1 325,733404	13,10
3	Япония	4 011,34728	14,43	Япония	1 258,745343	12,44
4	Бельгия	1 536,38767	5,53	Казахстан	378,619427	3,74
5	ОАЭ	1 069,5724	3,85	США	322,542448	3,19
6	Индия	923,50148	3,32	Германия	235,408211	2,33
7	Казахстан	735,463003	2,64	Гонконг	161,355598	1,59
8	Тайвань	600,571506	2,16	Турция	125,031579	1,24
9	Израиль	238,853749	0,86	Вьетнам	121,193776	1,20
10	Филиппины	206,361214	0,74	Тайвань	116,849243	1,15

Источник: Дальневосточное таможенное управление. URL: <http://dvtu.customs.gov.ru/> (дата обращения: 26.06.2022).

Таблица 4

Обзор предыдущих эмпирических исследований, посвященных взаимосвязи между ПИИ и торговлей

Работа	Методология	Страна/год	Результаты
(Pfaffermayr, 1996)	Обобщенный метод моментов (ОММ)	Австрия (1981–1991 гг.)	Обоснована взаимодополняющая связь между ПИИ и экспортом в обрабатывающей промышленности Австрии
(Blonigen, 2001)	Несвязанная регрессия (SUR)	Япония — США (1978–1991 гг.)	На примере экспорта японских автомобильных запчастей на американский рынок выявлены как замещающие, так и дополняющие отношения, а на примере экспорта конечных потребительских товаров — замещающие отношения
(Liu, Wang & Wei, 2001)	Тесты причинности на основе векторной авторегрессии (VAR)	Китай (1984–1998 гг.)	Импорт вызывает приток ПИИ (положительная направленность) и, в свою очередь, рост экспорта из Китая
(Marchant, Cornell & Koo, 2002)	Двухэтапный наименьший квадрат	США — страны Восточной Азии (1989–1998 гг.)	Подтверждается взаимодополняющая связь между ПИИ и экспортом
(Pantulu & Poon, 2003)	Двухшаговый метод наименьших квадратов	Из Японии и США в 29 и 32 страны мира (1996–1999 гг.)	ПИИ создают торговлю (экспорт и импорт)
Fillat-Castejón, Francois & Wörz*	Анализ панельных данных (ценовые и кросс-ценовые эффекты)	Страны ОЭСР (1994–2004 гг.)	Взаимодополняющие отношения были выявлены для всей сферы услуг, но замещающие отношения были обнаружены исключительно в сфере транспортных и строительных услуг
(Oberhofer & Pfaffermayr, 2012)	Двумерная пробит-оценка, оценка предельного эффекта	Компании, расположенные в 10 европейских странах (база данных AMADEUS Top 250,000)	Более продуктивная компания инвестирует за рубежом, а менее продуктивная — экспортирует товары, но компании все равно могут использовать обе стратегии
(Bhasin & Paul, 2016)	VAR, коинтеграция и тесты причинности на основе VAR	10 стран Азии (1991–2012 гг.)	ПИИ и экспорт являются заменителями
(Liu et al., 2016)	Маятниковая гравитационная модель	Китай и страны ОЭСР (1992–2009 гг.)	Характер взаимосвязи между ПИИ и экспортом зависит от срока погашения иностранных инвестиций
(Limaye & Pednekar, 2019)	Тесты причинности на основе VAR	США — азиатские страны (1991–2017 гг.)	Выявлено положительное влияние американских ПИИ в Японии на экспорт США в Японию.

Примечание. * — Fillat-Castejón C., Francois J. F., Wörz J. Cross-Border Trade and FDI in Services // Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche (wiiw) Working Paper. 2008. No. 50. February 2009. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/203915/1/wiiw-wp-050.pdf> (accessed: 03.11.2022).

Источник: составлено авторами.

На ранней стадии ПИИ дополняют экспорт, но по мере развития соотношение экспорта и ПИИ снижается, и ПИИ замещают экспорт. Х. Оберхофер и М. Пфаффермайр в своем исследовании, посвященном европейским компаниям, определили производительность как фактор, влияющий на принятие решений о дальнейших действиях, — более производительная компания инвестирует за рубеж, а менее производительная экспортирует товары (Oberhofer & Pfaffermayr, 2012). Этот вывод подтверждает заместительный характер связи между экспортом и ПИИ, однако компании все же могут использовать обе стратегии. Исследование показало, что взаимодополняющие отношения существуют в наиболее горизонтально интегрированных компаниях. К. Филлат-Кастехон, Дж.Ф. Франсуа и Ю. Вёрц в своей работе, посвященной сектору услуг, также продемонстрировали неоднозначные результаты⁷. Хотя взаимодополняющие отношения были выявлены для всех отраслей сферы услуг, замещающая взаимозависимость была обнаружена исключительно в сферах транспортных и строительных услуг.

Таким образом, следует отметить, что взаимосвязь между ПИИ и торговлей по-прежнему остается неопределенной. Краткое описание предыдущих эмпирических исследований представлено в табл. 4.

Описание данных и гипотеза исследования

Для математического анализа построены квартальные данные за период со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г. Спецификации модели следующие:

$$\begin{aligned} \ln(\text{export})_{ktq} = & \beta_0 + \beta_1 Grw_{FDI_{ktq}} + \\ & + \beta_2 \text{exrate}_{tq} + \varepsilon_{it}; \end{aligned} \quad (1)$$

⁷ Fillat-Castejon C., Francois J. F., Wörz J. Cross-Border Trade and FDI in Services // Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche (wiiw) Working Paper. 2008. No. 50. February 2009. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/203915/1/wiiw-wp-050.pdf> (accessed: 03.11.2022).

$$\begin{aligned} \ln(\text{import})_{ktq} = & \\ = & \beta_0 + \beta_1 Grw_{FDI_{ktq}} + \beta_2 \text{exrate}_{tq} + \varepsilon_{it}; \end{aligned} \quad (2)$$

$$\begin{aligned} Grw_{\text{export}_{ktq}} = & \beta_0 + \beta_1 Grw_{FDI_{ktq}} + \\ & + \beta_2 \text{exrate}_{tq} + \varepsilon_{it}; \end{aligned} \quad (3)$$

$$\begin{aligned} Grw_{\text{import}_{ktq}} = & \beta_0 + \beta_1 Grw_{FDI_{ktq}} + \\ & + \beta_2 \text{exrate}_{tq} + \varepsilon_{it}; \end{aligned} \quad (4)$$

где $\ln(\text{export})_{ktq}$ — натуральный логарифм экспорта (в млн долл. США, текущие цены) из Дальнего Востока в Южную Корею в году t и квартале q ;

$\ln(\text{import})_{ktq}$ — натуральный логарифм импорта (в млн долл. США, текущие цены) из Южной Кореи на Дальний Восток в году t и квартале q ;

$Grw_{\text{export}_{ktq}}$ — темп роста доли экспорта из Дальнего Востока в Южную Корею в году t и квартале q ;

$Grw_{\text{import}_{ktq}}$ — темп роста доли импорта из Южной Кореи на Дальний Восток в году t и квартале q ;

$Grw_{FDI_{ktq}}$ — темп роста объемов южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке в году t и квартале q .

Для расчета темпов роста запасы ПИИ в номинальных ценах трансформируются в реальные цены с применением квартального дефлятора ВВП (номинальный ВВП ÷ реальный ВВП × 100, базовый год = 2016). Формула для расчета реального объема ПИИ (на душу населения) выглядит следующим образом:

$$\text{Реальный ВВП} = \frac{\text{Номинальные ПИИ}}{\text{Дефлятор ВВП}} \times 100; \quad (5)$$

exrate_{tq} — в качестве контрольной переменной включен обменный курс рубля к доллару в году t и квартале q .

Стоимость валюты является важным фактором, влияющим на объемы торговли, так как она тесно связана с ценовой конкурентоспособностью экспортируемых и импортируемых товаров и услуг, ε_{it} — ошибка.

Ожидаемое значение $Grw_{FDI_{ktq}}$ в каждой модели показано в табл. 5.

Таблица 5

Ожидаемое значение Grw_FDI

Независимая переменная	
$Ln(\text{export}), Grw_export$	$Ln(\text{import}), Grw_import$
Положительный	Неопределенный

Источник: составлено авторами.

Многие южнокорейские ПИИ на российском Дальнем Востоке были направлены в отрасли, в которых Южная Корея испытывает нехватку природных ресурсов (например, зерно, лес и т. д.). Следовательно, высока вероятность того, что инвестиции ориентированы на экспортоориентированные отрасли. Таким образом, ожидаемый знак $Ln(\text{export})$ и Grw_export — положительный.

Вместе с тем российское правительство активно стимулирует политику локализации промышленности, предоставляя иностранным компаниям различные стимулы для локализации производственного процесса в России. Однако неясно, активно ли южнокорейские компании участвуют в этом процессе, поскольку большинство их инвестиций направлены в основном на расширение рынка. Таким образом, ожидаемый знак $Ln(\text{import})$ и Grw_import является неопределенным.

Описательные данные представлены в табл. 6. 18 наблюдений ранжированы по периоду со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., при этом данные по экспорту и импорту взяты с сайта Федеральной службы статистики РФ⁸, а данные по ПИИ и валютным курсам — с сайта Центрального банка РФ⁹.

Рис. 4 и 5 отражают динамику экспорта и ПИИ с Дальнего Востока в Южную Корею и импорта из Южной Кореи на Дальний Восток со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г. Экспорт достиг максимума во втором квартале 2019 г. (3,2 млрд долл. США), после чего имел тенденцию к снижению, но резко вырос во 2-м квартале 2021 г. Двусторонний импорт же значительно меньше экспорта. Импорт резко упал в 3-м квартале 2017 г. с 576 млн до

157,8 млн долл. США, после чего колебания были минимальными, но со 2-го квартала 2021 г. наметилась тенденция к росту. Доля южнокорейского экспорта и импорта на Дальнем Востоке России довольно сильно колеблется на протяжении всего периода (рис. 6 и 7). Объем ПИИ резко увеличился в 2018 г. в 1-м квартале и достиг максимума в 2019 г. в 3-м квартале. Однако в первом квартале 2020 г. он сильно сократился (рис. 8).

Тесты корреляции Пирсона и регрессионный анализ

На рис. 9–12 представлены диаграммы рассеяния и коэффициенты корреляции Пирсона с p -значением. Взаимосвязь между $Ln(\text{export})$ и Grw_FDI слабая и отрицательная: коэффициент Пирсона (r) между $Ln(\text{export})$ и Grw_FDI составляет $-0,361744$ без статистической значимости ($p = 0,1402$), между Grw_export и Grw_FDI — $-0,122955$ без статистической значимости ($p = 0,6269$). Это указывает на то, что они находятся в обратном движении, но их движение не является статистически значимым.

Между тем связь между $Ln(\text{import})$ и Grw_FDI является сильной и положительной: коэффициент Пирсона (r) между $Ln(\text{import})$ и Grw_FDI составляет $0,556301$ при 5-процентном уровне значимости. Коэффициент Пирсона между Grw_import и Grw_FDI составляет $0,785513$ при 1-процентном уровне значимости. Это означает, что они движутся в одном направлении и их движение статистически значимо.

Далее проводится регрессионный анализ с использованием МНК и робастных оценок. Результаты представлены в табл. 7. Grw_FDI отрицательно коррелирует с $Ln(\text{export})$ и Grw_export . Однако эта корреляция не имеет статистической значимости. Это говорит о том, что южнокорейские ПИИ на Дальнем Востоке не имеют особой связи с их двусторонним экспортом (с Дальнего Востока в Южную Корею). В свою очередь Grw_FDI положительно коррелирует с $Ln(\text{import})$ и Grw_import на 1-процентном уровне

⁸ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2024).

⁹ Центральный банк Российской Федерации. URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 22.09.2022).

значимости. Это указывает на то, что южнокорейские ПИИ на российском Дальнем Востоке способствуют развитию двустороннего импорта (из Южной Кореи на российский

Дальний Восток). Аналогичные результаты были получены и в моделях с робастными оценками.

Таблица 6

Описательные данные

Переменная	Средняя	Макс.	Мин.	Станд. откл.	Наблюдения
$Ln(\text{export})$	7,569162	8,058848	6,688366	0,338956	18
$Ln(\text{import})$	5,180382	6,356186	4,725394	0,426184	18
$Grw \text{ export}$	3,261556	115,5980	-34,84800	32,42017	18
$Grw \text{ import}$	17,02673	273,9836	-61,97716	72,15708	18
$Grw \text{ FDI}$	8,551011	136,4557	-16,43050	35,40478	18
$exrate$	0,015204	0,017584	0,013122	0,001465	18

Источник: рассчитано авторами.

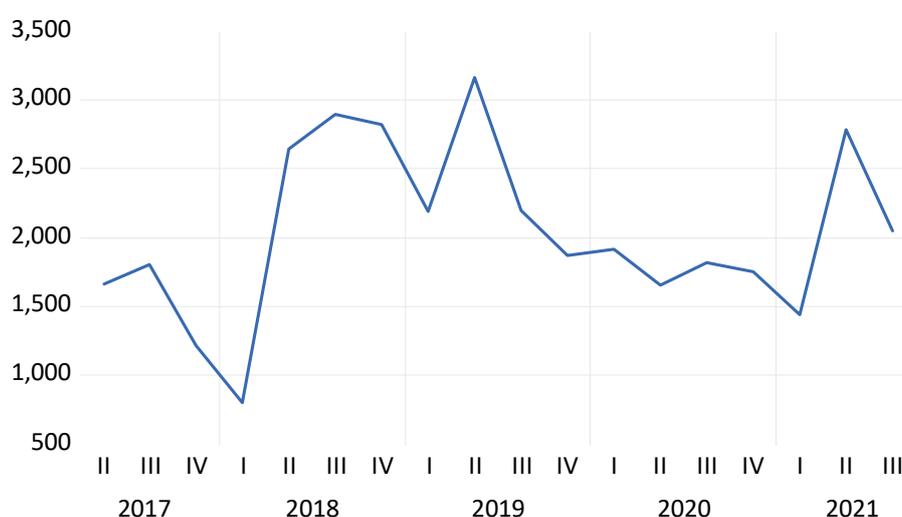

Рис. 4. Экспорт с Дальнего Востока России в Южную Корею со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., млн долл. США

Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

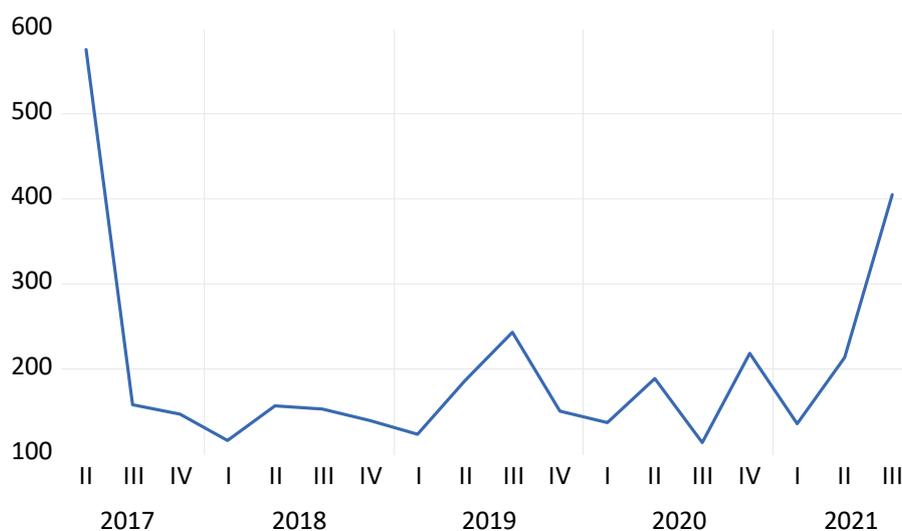

Рис. 5. Импорт из Южной Кореи на Дальний Восток со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., млн долл. США

Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

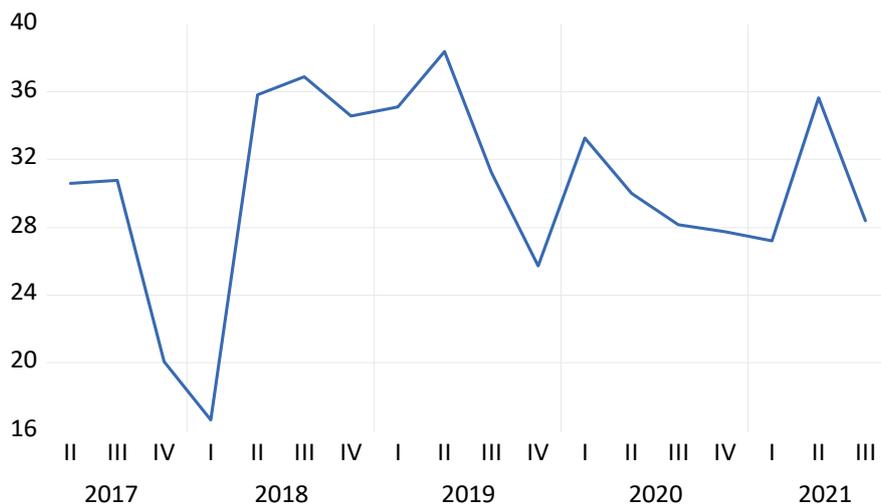

Рис. 6. Доля экспорта в Южную Корею на Дальнем Востоке России со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., %
 Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

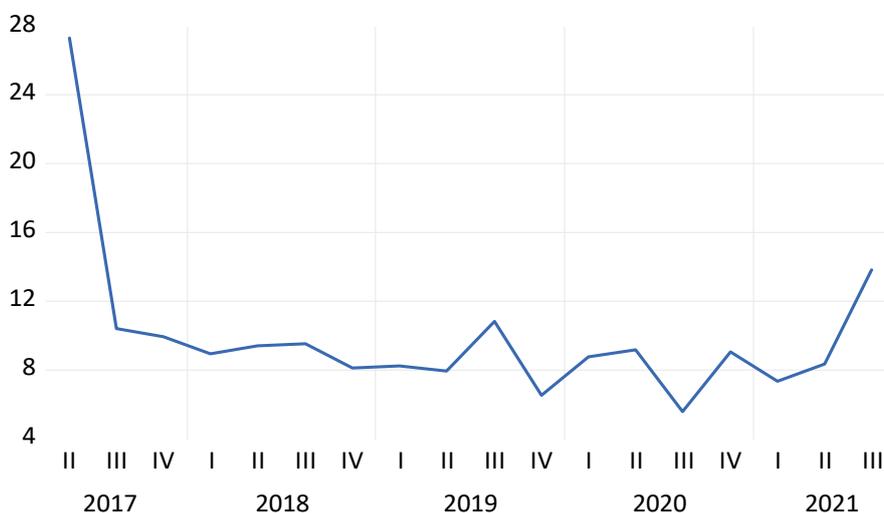

Рис. 7. Доля импорта из Южной Кореи на Дальнем Востоке России со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., %
 Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

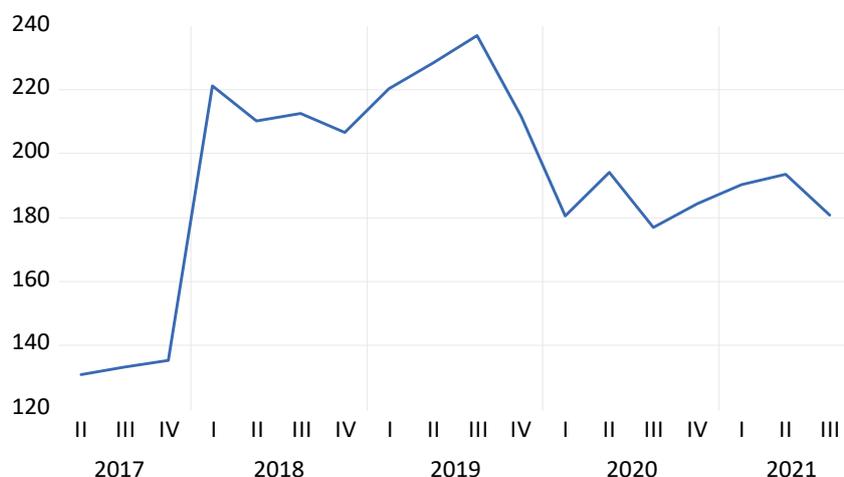

Рис. 8. Объем южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке России со 2-го квартала 2017 г. по 3-й квартал 2021 г., млн долл. США
 Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

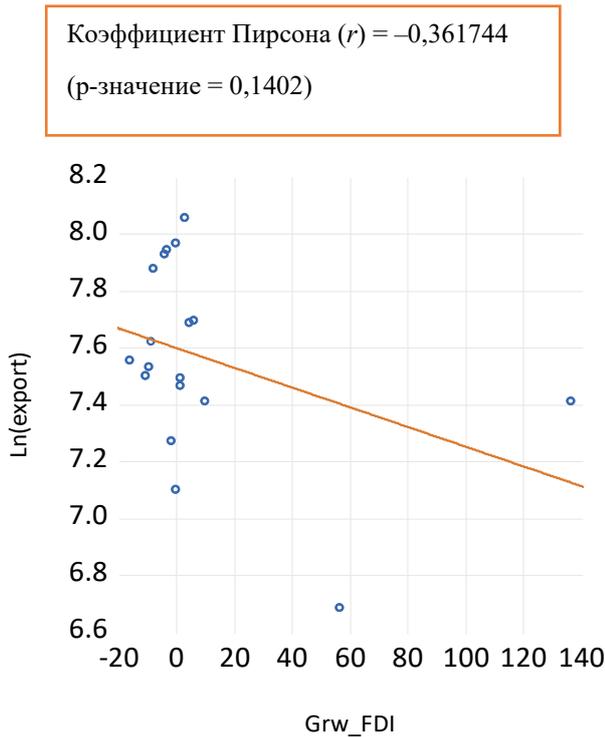

Рис. 9. Диаграммы рассеяния с линией регрессии и коэффициентами корреляции Пирсона между *Grw_FDI* и *Ln(export)*

Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

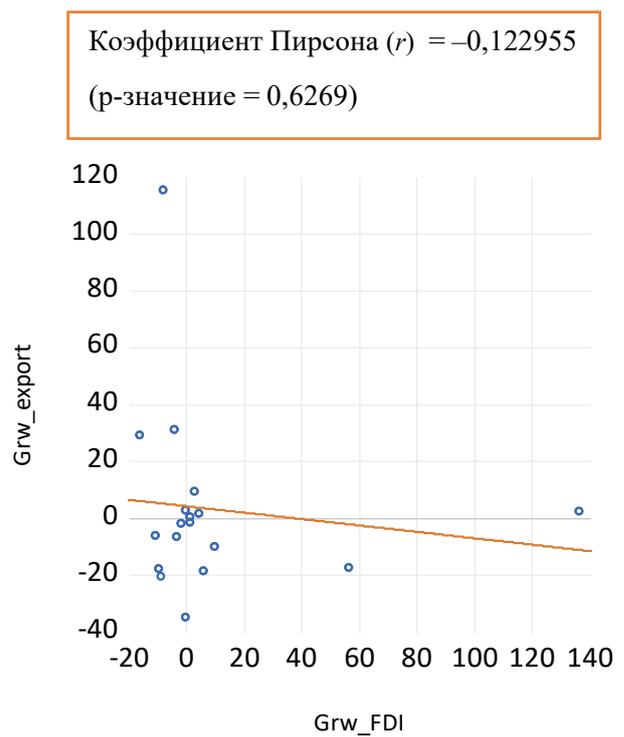

Рис. 10. Диаграммы рассеяния с линией регрессии и коэффициентами корреляции Пирсона между *Grw_FDI* и *Grw_export*

Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

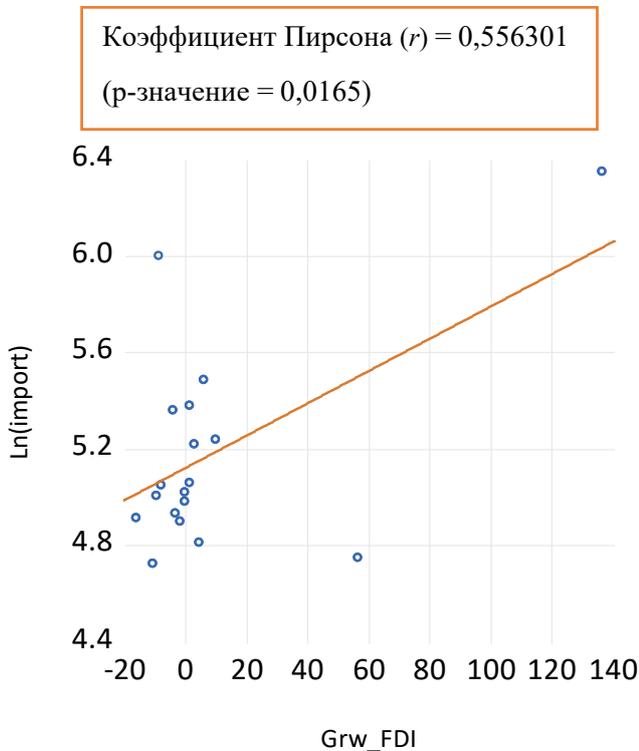

Рис. 11. Диаграммы рассеяния с линией регрессии и коэффициентами корреляции Пирсона между *Grw_FDI* и *Ln(import)*

Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

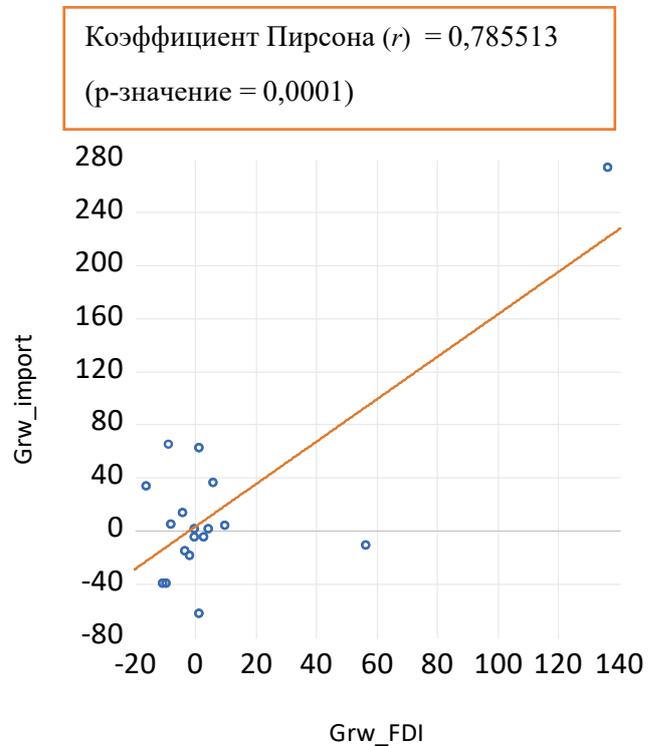

Рис. 12. Диаграммы рассеяния с линией регрессии и коэффициентами корреляции Пирсона между *Grw_FDI* и *Grw_import*

Источник: воспроизведено авторами из Eviews 12.

Таблица 7

Результаты регрессии

Переменная	Ln(export)		Grw export		Ln(import)		Grw import	
	(1) OLS	(2) Robust	(3) OLS	(4) Robust	(5) OLS	(6) Robust	(7) OLS	(8) Robust
Grw_FDI	-0,002551 (0,002680)	-0,002282 (0,002773)	-0,164288 (0,275472)	0,091695 (0,151035)	0,009181*** (0,002794)	0,009915*** (0,001884)	1,962799*** (0,340987)	1,997306*** (0,356948)
Exrate	-41,64623 (64,78539)	36,79936 (67,02981)	2359,420 (6658,676)	-3658,828 (3650,798)	-113,3733 (67,52842)	-28,03321 (45,54900)	-16515,61* (8242,289)	-15478,12* (8628,088)
Constant	8,224169*** (0,976201)	7,090831*** (1,010020)	-31,20655 (100,3344)	49,75412 (55,01103)	6,825622*** (1,017533)	5,513965*** (0,686342)	251,3484* (124,1966)	235,8146* (130,0099)
R ²	0,154161	0,045549	0,023293	0,042116	0,418704	0,177366	0,697896	0,278873
BPG test (p-value)	0,2272	–	0,3100	–	0,6766	–	0,4410	–
LM test (p-value)	0,3126	–	0,1726	–	0,6595	–	0,0803	–
Obs.	18	18	18	18	18	18	18	18

Примечание. Стандартные ошибки приведены в скобках, *** — p < 0,01, ** — p < 0,05, * — p < 0,1.

Источник: рассчитано авторами.

Выбор зависимых переменных не повлиял на результаты, и они совпали в модели по методу наименьших квадратов и робастной модели. Если рассматривать импорт из Южной Кореи на российский Дальний Восток, то южнокорейские ПИИ производят дополняющий эффект, что согласуется с результатами предыдущих исследований (Kojima, 1975; Marchant, Cornell & Koo, 2002; Pantulu & Roon, 2003; Limaye & Pednekar, 2019 и др.). Вместе с тем если интерпретировать результаты с точки зрения российского Дальнего Востока, то входящие ПИИ из Южной Кореи не способствуют увеличению экспорта из российских регионов в Южную Корею, что полностью противоречит выводам предыдущих исследований (Liu, Wang & Wei, 2001; Zhang & Song, 2001; Li et al., 2017). П. Саху и Р.К. Дэш показали, что для положительного влияния ПИИ на экспорт необходимо наличие других сопутствующих факторов, таких как инфраструктура, развитие финансового сектора, открытость торговли, человеческий капитал, институты и экзогенная стабильность сектора (Sahoo & Dash, 2022). Как и в нашей работе, З.А. Султан также не обнаружил значительного влияния ПИИ на экспорт (Sultan, 2013).

Эти результаты можно интерпретировать следующим образом. Южнокорейские ПИИ на российском Дальнем Востоке, скорее всего, являются рыночными инвестициями.

Вместо того чтобы экспортировать произведенные товары и услуги обратно в Южную Корею, они с большей вероятностью будут реализованы на собственно дальневосточных местных рынках. Кроме того, южнокорейские ПИИ, похоже, в значительной степени горизонтальные, а вертикальные ПИИ характеризуются слабой связью с локализацией производства. В связи с этим ПИИ приводят к росту импорта на российский дальневосточный рынок как готовой продукции, так и полуфабрикатов или комплектующих.

Выводы и рекомендации

В данном исследовании было рассмотрено влияние южнокорейских ПИИ на Дальнем Востоке России на двусторонний экспорт и импорт между территориями. Коэффициенты корреляции Пирсона указывают на слабую отрицательную связь между объемом ПИИ и экспортом (из Дальнего Востока России в Южную Корею) и сильную положительную связь между объемом ПИИ и импортом (из Южной Кореи на Дальний Восток России). Были построены регрессионные модели с использованием МНК и робастной оценки, показавшие, что южнокорейские ПИИ на Дальнем Востоке скорее способствуют росту импорта Дальнего Востока из Южной Кореи, при этом статистической значимости между ПИИ и экспортом в Южную Корею не выявлено.

В настоящее время южнокорейские ПИИ могут быть полезны для Дальнего Востока тем, что регион привлекает иностранный капитал, который может использоваться в качестве стартового капитала для регионально-экономического роста. Также, как выяснилось, равномерное распределение южнокорейских ПИИ в различных отраслях Дальнего Востока может способствовать сбалансированному развитию региональной экономики.

Однако для усиления эффекта взаимного выигрыша от южнокорейских ПИИ необходимо, прежде всего, реформировать методы инвестирования на российском Дальнем Востоке таким образом, чтобы локализовать производственный процесс и создать побочный эффект для местных экономик. На российском Дальнем Востоке есть много природных ресурсов, которыми Южная Корея не располагает на своем внутреннем рынке, например газ, нефть, рыба, лес, зерно и т. д. Эти товары тесно связаны с национальной энергетической и продовольственной безопасностью, но южнокорейские ПИИ, по-

хоже, не используют свои инвестиции для экспорта таких важных товаров на родину. Кроме того, целевые секторы ПИИ Южной Кореи на Дальнем Востоке слабо соответствуют торговле: южнокорейские ПИИ были довольно слабы в энергетических секторах. В этом смысле для создания положительного экспортного эффекта от южнокорейских ПИИ на российском Дальнем Востоке, по-видимому, необходимо увеличить южнокорейские ПИИ в энергетику и другие сектора, которыми Южная Корея плохо обеспечена у себя на родине.

Вместе с тем из-за недостаточной доступности данных исследование было вынуждено ограничить число наблюдений до 18, что довольно мало для получения надежных статистических результатов, и использовать квартальный набор данных, что препятствует включению в модель нескольких контрольных переменных. В этом смысле, когда накопится достаточное количество временных рядов данных, следует провести повторное исследование.

Поступила в редакцию / Received: 14.05.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 02.02.2024

Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- Bhasin N., Paul J.* Exports and Outward FDI: Are They Complements or Substitutes? Evidence from Asia // *Multinational Business Review*. 2016. Vol. 24, no. 1. P. 62–78. <https://doi.org/10.1108/MBR-05-2015-0016>
- Blonigen B. A.* In Search of Substitution Between Foreign Production and Exports // *Journal of International Economics*. 2001. Vol. 53, no. 1. P. 81–104. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(00\)00066-0](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(00)00066-0)
- Kojima K.* International Trade and Foreign Investment: Substitutes or Complements // *Hitotsubashi Journal of Economics*. 1975. Vol. 16, no. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.15057/7991>
- Lee H.-S.* The Sub-National Distribution of South Korean Foreign Direct Investment in Russia: A Focus on the Russian Far East // *Tomsk State University Journal of Economics*. 2020. No. 52. P. 280–290. <https://doi.org/10.17223/19988648/52/17>; EDN: XAIZEP
- Lee H.-S., Yu Woosik.* The Effects of FDI and Exports on Economic Growth of Russia and Its Far Eastern District // *Eastern European Economics*. 2022. Vol. 60, no. 6. P. 479–497. <https://doi.org/10.1080/00128775.2022.2114914>
- Li Xin, Chang Hsu Ling, Su Chi Wei, Dai Yin.* Does Foreign Direct Investment Promote Exports in China? // *China Finance Review International*. 2017. Vol. 7, no. 2. P. 185–202. <https://doi.org/10.1108/CFRI-04-2016-0026>
- Limaye K. C., Pednekar A. P.* Does FDI Substitute Exports of Home Country? A Case of US FDI in Select Asian Economies // *Theoretical and Applied Economics*. 2019. Vol. 26, no. 4. P. 219–240.
- Liu Xiaming, Wang Chengang, Wei Yingqi.* Causal Links Between Foreign Direct Investment and Trade in China // *China Economic Review*. 2001. Vol. 12, no. 2–3. P. 190–202. [https://doi.org/10.1016/S1043-951X\(01\)00050-5](https://doi.org/10.1016/S1043-951X(01)00050-5)
- Liu Zhiyuan, Xu Yue, Wang Peijie, Akamavi R.* A Pendulum Gravity Model of Outward FDI and Export // *International Business Review*. 2016. Vol. 25, no. 6. P. 1356–1371. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2016.05.001>

- Marchant M. A., Cornell D. N., Koo Won.* International Trade and Foreign Direct Investment: Substitutes or Complements? // *Journal of Agricultural and Applied Economics*. 2002. Vol. 34, no. 2. P. 289–302. <https://doi.org/10.1017/S1074070800009044>
- Mundell R. A.* International Trade and Factor Mobility // *The American Economic Review*. 1957. Vol. 47, no. 3. P. 321–335.
- Oberhofer H., Pfaffermayr M.* FDI Versus Exports: Multiple Host Countries and Empirical Evidence // *The World Economy*. 2012. Vol. 35, no. 3. P. 316–330. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2011.01403.x>
- Pantulu J., Poon J. P. H.* Foreign Direct Investment and International Trade: Evidence from the US and Japan // *Journal of Economic Geography*. 2003. Vol. 3, no. 3. P. 241–259. <https://doi.org/10.1093/jeg/3.3.241>
- Pfaffermayr M.* Foreign Outward Direct Investment and Exports in Austrian Manufacturing: Substitutes or Complements? // *Weltwirtschaftliches Archiv*. 1996. Vol. 132, no. 3. P. 501–522. <https://doi.org/10.1007/BF02707510>
- Sahoo P., Dash R. K.* Does FDI Have Differential Impacts on Exports? Evidence from Developing Countries // *International Economics*. 2022. Vol. 172. P. 227–237. <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2022.10.002>
- Sultan Z. A.* A Causal Relationship Between FDI Inflows and Export: The Case of India // *Journal of Economics and Sustainable Development*. 2013. Vol. 4, no. 2. P. 1–9. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/234645817.pdf> (accessed: 31.03.2024).
- Zhang Kevin Honglin, Song Shunfeng.* Promoting Exports: The Role of Inward FDI in China // *China Economic Review*. 2001. Vol. 11, no. 4. P. 385–396. [https://doi.org/10.1016/S1043-951X\(01\)00033-5](https://doi.org/10.1016/S1043-951X(01)00033-5)

Сведения об авторах:

Ли Хансол — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры маркетинга, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-7846-2374; e-mail: li-kh@rudn.ru

Дегтерева Екатерина Андреевна — доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга, Российский университет дружбы народов; заместитель директора Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-Library SPIN-код: 8539-8849; ORCID: 0000-0002-8752-5840; e-mail: degtereva-ea@rudn.ru

Черников Сергей Юрьевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, Российский университет дружбы народов; e-Library SPIN-код: 6391-2343; ORCID: 0000-0001-7524-4438; e-mail: chernikov_syu@pfur.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-297-305

EDN: WYAHLR

Научная статья / Research article

Ректор В.Ф. Станис: по пути преемственности и совершенствования Университета дружбы народов

Л.В. Пономаренко , Г.О. Лукьянова Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
[✉lukianova-go@rudn.ru](mailto:lukianova-go@rudn.ru)

Аннотация. Исследование посвящено деятельности второго ректора Университета дружбы народов (УДН) имени Патриса Лумумбы Владимира Францевича Станиса, харизматичного лидера, пользовавшегося огромным авторитетом среди коллег и внесшего огромный вклад в развитие этого уникального университета. Обозначены основные этапы биографии В.Ф. Станиса, его сложный жизненный путь от участия в Великой Отечественной войне до работы на ответственных государственных постах, в результате чего он приобрел огромный опыт организационно-управленческой работы. Особое внимание авторы уделяют разносторонней деятельности В.Ф. Станиса на посту ректора Университета дружбы народов в течение более 20 лет, с 1970 до 1993 г., подчеркивая, что именно в этот период полностью раскрылся научно-педагогический потенциал Владимира Францевича и его талант руководителя. Подчеркивается, что благодаря умелой работе с кадрами В.Ф. Станису удалось обеспечить формирование в УДН сильных научных и методических школ в рамках различных направлений. При этом особую известность в СССР и за рубежом получили не только научные школы естественных и гуманитарных наук, но и самобытные методики преподавания русского языка как иностранного, иностранных языков, в том числе восточных, разработанные профессорско-преподавательским составом Университета. Вместе с тем ректор активно развивал другие направления деятельности Университета: международные связи, внеаудиторную работу, что требовало глубокого знания истории зарубежных стран и тонкого понимания текущей политической обстановки в них. Авторы показывают, как благодаря огромной самоотдаче и бережному отношению к кадровому и студенческому составу В.Ф. Станису удалось сформировать многотысячный интернациональный коллектив УДН.

Ключевые слова: лидер, научные школы, методика преподавания, русистика, иностранные языки, международные связи

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

© Пономаренко Л.В., Лукьянова Г.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Пономаренко Л. В., Лукьянова Г. О. Ректор В.Ф. Станис: по пути преемственности и совершенствования Университета дружбы народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 297–305. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-297-305>

Rector V.F. Stanis: On the Path of Continuity and Improvement of the Peoples' Friendship University

Liudmila V. Ponomarenko , Galina O. Lukyanova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

lukianova-go@rudn.ru

Abstract. The article is devoted to the activities of Vladimir Frantsevich Stanis, the second rector of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. He was a charismatic leader who enjoyed enormous authority among his colleagues and made a huge contribution to the development of this unique university. The article outlines the main stages of the biography of V.F. Stanis, his difficult life path from the participation in the Great Patriotic War to the work in public offices, as a result of which he gained vast experience in organizational and managerial work. The authors pay special attention to the diverse activities of V.F. Stanis in the position of the rector of the Peoples' Friendship University which he held for more than 20 years (from 1970 to 1993) and note that it was during this period that his scientific and pedagogical potential and leadership talent were fully revealed. It is emphasized that thanks to his work with the personnel V.F. Stanis managed to ensure the creation of prominent scientific and methodological schools in various fields at the Peoples' Friendship University. At the same time, both in the USSR and abroad there became especially famous not only scientific schools of natural sciences and humanities, but also original methods of teaching Russian as a foreign language and foreign languages, including oriental ones developed by the university teaching staff. Moreover, the rector actively developed other areas of the university's activities: international relations, extracurricular work, which required deep knowledge of the history of foreign countries and understanding of the current political situation in them. The authors show that thanks to his enormous dedication and careful attitude towards the staff and students, V.F. Stanis managed to create an international team of the Peoples' Friendship University of many thousands.

Key words: leader, scientific schools, teaching methods, Russian studies, foreign languages, international cooperation

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the article.

For citation: Ponomarenko, L. V., & Lukyanova, G. O. (2024). Rector V.F. Stanis: On the path of continuity and improvement of the Peoples' Friendship University. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 297–305. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-297-305>

Введение

В российской, как, впрочем, и в мировой науке, идут дискуссии о роли и месте личности в историческом процессе, соотношении объективного и субъективного факторов в нем. Лидер, обладающий авторитетом, основанным исключительно на положительных качествах, среди которых героизм, мудрость, доброта и др., оказывает позитивное влияние на международные и внутренние аспекты развития государства. Такой харизматической

личностью являлся Владимир Францевич Станис.

Владимир Францевич родился в г. Нежине Черниговской области. Его отец был комиссаром полка, мать — учительницей. До Великой Отечественной войны он вместе с семьей ездил по различным гарнизонам на территории Советской Украины. Одним из первых среди своих сверстников он добровольцем вступил в Красную Армию, затем прошел обучение в Киевском артиллерийском училище, по окончании которого был направлен

на передний край ожесточенной схватки с врагом в район Сталинграда. Владимир Францевич всегда гордился своим участием в Великой битве на Волге, а также тем, что небольшая частица его ратного подвига приблизила Великую Победу. Все это закалило его характер и определило дальнейший жизненный путь.

После войны он с отличием окончил экономический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по специальности «Политическая экономия», ему была присвоена квалификация «преподавателя политической экономии ВУЗа». Затем он был направлен на партийно-политическую работу в Алтайский край, далее занял должность секретаря Барнаульского горкома Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)). При этом, по его собственному признанию, его никогда не покидала мысль о необходимости заняться научно-педагогической деятельностью.

Параллельно Владимир Францевич учился в заочной аспирантуре экономического факультета МГУ. В 1955 г. он защитил кандидатскую, а в 1974 г. — докторскую диссертацию. В 1960–1961 гг. В.Ф. Станис был направлен на педагогическую работу в Высшую политическую школу в Ханое. После возвращения в СССР он работал преподавателем в МГУ.

В течение длительного периода времени Владимир Францевич был инструктором идеологического отдела, отдела науки Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС), а затем занимал высокий пост заместителя министра высшего и среднего специального образования СССР. На этих должностях он приобрел богатый опыт организационно-управленческой работы (Профессора, доктора наук и видные ученые Российского университета дружбы народов..., 2010).

В.Ф. Станис на посту ректора УДН

В 1970 г. Владимир Францевич сменил на посту ректора Университета дружбы народов (УДН) им. Патриса Лумумбы Сергея

Васильевича Румянцева, с именем которого связано первое десятилетие существования Университета, когда был заложен надежный фундамент его будущей деятельности. Сегодня Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы — это целая эпоха, целая жизнь, часть истории России. Основанный в 1960 г., УДН создавался в период триумфа национально-освободительных движений в различных странах мира и постепенно занял достойное место в мировом образовательном пространстве. Первый ректор Сергей Васильевич Румянцев внес огромный вклад в науку, образование, культуру, развитие международных связей, оставив о себе добрую память у тысяч выпускников и преподавателей, работавших рядом с ним (Сергей Васильевич Румянцев — основатель и первый ректор Российского университета дружбы народов..., 2013, с. 3–5).

Безусловно, для системы высшего образования Советского Союза создание подобного учебного заведения было абсолютно новым и уникальным опытом. Необходимо отметить, что возможность получения высшего образования для многих молодых людей из стран «третьего мира» была в то время неосуществима. Наш Университет дал им такую возможность.

В декабре 1970 г. на Ученом совете УДН министр образования СССР В.П. Елютин представил нового ректора — Владимира Францевича Станиса. Доктор исторических наук, профессор кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН им. Патриса Лумумбы, соавтор данной статьи Л.В. Пономаренко, которая была в то время первокурсницей, вспоминает: «Мы, студенты-первокурсники, увидели ректора с трибуны на общем собрании коллектива. Статный, значительный, он очень убедительно и аргументированно рассуждал об эволюции высшего образования и месте УДН в нем».

Безусловно, с работой в Университете связан особый период в жизни В.Ф. Станиса: именно здесь в полном объеме раскрылся его научно-педагогический потенциал и талант руководителя. С декабря 1970 г. по июнь

1993 г., то есть в течение более 22 лет, он был ректором этого уникального университета. Это была невероятно сложная работа, однако он оставил после себя сплоченный многотысячный интернациональный коллектив. 21 июня 1993 г. Ученым Советом В.Ф. Станис был избран первым в истории Университета президентом РУДН.

В.Ф. Станис внес огромный вклад в развитие Университета. Будучи ректором, с 1983 г. он параллельно занимал должность заведующего кафедрой политической экономики, являясь видным ученым в области политэкономии и мировой экономики, автором научных трудов по экономическим проблемам развивающихся стран. Под его руководством было подготовлено 17 кандидатов и 8 докторов наук. В.Ф. Станис оказал большое влияние на развитие экономического образования и профессиональную подготовку экономистов в УДН. Как известно, образование имеет стратегическое значение в деятельности государства, поскольку эффективная система образования — это один из решающих факторов роста национальной экономики и авторитета страны на мировой арене. Человек, обладающий глубокими профессиональными знаниями, лучше решает сложные вопросы общественного и личного развития. Владимир Францевич стремился к тому, чтобы у студентов и аспирантов возникало целостное понимание экономических, социальных и политических явлений в их комплексе и противоречивости.

В учебный процесс все более активно внедрялись новые формы и новое содержание. Это была естественная эволюция образования, направленного на подготовку интернациональных кадров. В.Ф. Станис был учителем, наставником студентов, аспирантов и преподавателей.

Проявляя живой интерес ко всем направлениям студенческой жизни, он появлялся везде неожиданно: в аудитории, студенческом общежитии, столовой, на играх КВН. Выпускники вспоминают, как на лыжных соревнованиях он отчаянно болел за них, и им ничего не оставалось, как выиграть первенство по лыжам. Многие из них до сих пор не

могут забыть, как Владимир Францевич каждый год напутствовал студентов перед отъездом в стройотряд «Юность планеты» и перед работой в пионерском лагере. Лично приезжая в Тарасовку, где находился пионерский лагерь, он вместе с пионерами и вожатыми всегда участвовал во многих мероприятиях, даже играл в футбол. Его задор и энтузиазм вдохновляли и мобилизовали его подчиненных на всех направлениях работы.

Л.В. Пономаренко, в течение многих лет работавшая с В.Ф. Станисом после окончания Университета, рассказывает: «После года отсутствия в Университете во время работы в Гвинейской Республике в качестве переводчика французского языка я вернулась к учебе, и в итоге было радостно получить диплом с отличием из рук Владимира Францевича Станиса, услышать его наставления, тем более что впоследствии мне посчастливилось очень тесно работать с ним. После окончания Университета я оказалась перед выбором: либо поехать за рубеж, чтобы преподавать там историю на французском языке, либо остаться работать в Университете. Мне предложили работу в парткоме Университета дружбы народов в должности заведующего кабинетом общественно-политической информации. В то время данная структура обеспечивала взаимодействие УДН с политическими организациями, прием делегаций, организацию политической учебы для землячеств и политорганизаций, организацию митингов и т. д. Очень важно, что Владимир Францевич умел ценить кадры. Он регулярно отбирал для работы в Университете лучших выпускников. Это были, как правило, молодые люди, прошедшие армию, часто не москвичи, партийные комсомольские активисты, участники стройотрядовского движения. Самые яркие и талантливые среди них — Владимир Михайлович Филиппов, Григорий Артемьевич Балыхин, Владимир Михайлович Савин и др. Мне также довелось попасть в число тех, кого выделил Владимир Францевич. Многие из них сегодня стали государственными деятелями, руководителями университетов, докторами наук, профессорами».

Необходимо отметить, что одновременно ректор приглашал для работы в УДН лучших выпускников МГУ. Так, философское отделение было сформировано из выпускников-философов МГУ Н.С. Кирабаева, П.К. Гречко, В.М. Найдыша, Н.П. Нарбута, которые были в то время молодыми перспективными специалистами, а впоследствии стали известными учеными, докторами наук, профессорами, заведующими кафедрами РУДН. На тот момент значимым достижением стало то, что сильнейшая в СССР философская школа МГУ легла в основу философского направления УДН.

В Университете работали именитые профессора и преподаватели, среди них крупные ученые, создавшие свои научные школы: член-корр. Академии наук СССР А.А. Искендеров, член-корр. Академии медицинских наук СССР Т.Т. Березов, лауреат Ленинской и Государственной премий, проф. Я.П. Терлецкий и др.

Будучи депутатом Моссовета, Владимир Францевич всегда помогал выпускникам Университета наладить быт и получить работу в Москве. При этом особое внимание, как и первый ректор С.В. Румянцев, Владимир Францевич уделял подбору профессорско-преподавательского состава. Так, видные историки, такие как член-корр. РАН А.А. Искендеров, профессора К.В. Малаховский, И.И. Орлик-Гарлик, О.К. Дрейер и другие ведущие специалисты, делавшие себе имя в исторической науке, были приглашены в Университет и успешно вели преподавательскую работу.

Владимир Францевич, продолжая курс первого ректора, сосредоточил свое внимание на русистике, которая всегда оставалась одним из приоритетных направлений в деятельности Университета, поскольку в то время контингент учащихся УДН на три четверти состоял из иностранных студентов и аспирантов из стран Азии, Африки и Латинской Америки. В 1978 г. началось сотрудничество преподавателей-русистов УДН с Центром подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина по обучению зарубежных космонавтов и астронавтов русскому языку. Именно в те годы

школа русистики УДН под руководством Е.И. Мотиной, которую наши космонавты за ее талант и выдающиеся организаторские способности называли «Екатериной Великой», получила мировое признание¹.

Об этом красноречиво свидетельствует и тот факт, что в Центре подготовки космонавтов обучение направляемых в космос иностранных космонавтов осуществляли и продолжают осуществлять преподаватели-русисты УДН/РУДН по разработанным в Университете уникальным авторским интенсивным методикам. Программа «Интеркосмос», в рамках которой велась данная подготовка, начала действовать в конце 70-х гг. XX в.²

Именно в тот период отмечался триумф русского языка в мире в целом, чему в немалой степени способствовало совершенствование школы преподавания русского языка как иностранного УДН: издавались новые учебники и учебно-методические пособия, разрабатывались курсы по аудированию, работала лаборатория экспериментальной фонетики и т. д. На базе кафедр русского языка в УДН был создан факультет повышения квалификации преподавателей русского языка (Балыхина, 2005, с. 25), у истоков которого стояла доктор педагогических наук, профессор Татьяна Михайловна Балыхина.

Еще одним значимым достижением В.Ф. Станиса стал особый статус, который получило преподавание иностранных языков в Университете: в период его ректорства оно сложилось в уникальную систему, которой не было ни в одном советском вузе: наряду с дипломом по специальности выпускники получали диплом переводчика по различным не только европейским, но и восточным языкам. Важно, что именно В.Ф. Станис, стремясь усовершенствовать профессиональную подготовку учащихся Университета и расширить возможности их трудоустройства, ввел преподавание восточных языков, таких как

¹ Пугачев И. А., Кащенко Е. Екатерина Великая: человек и ученый // Газета «Дружба». 2019 (30 марта). № 3 (1547). С. 2–3. См. также: (Мотина, 2005).

² Беркут А. Русский язык на космической орбите // Газета «Дружба». 2021 (30 апреля). № 4 (1569).

арабский, китайский, хинди, суахили. Эта традиция до сих пор является привлекательной особенностью нашего Университета, а его выпускники отличаются высоким уровнем владения, как правило, несколькими иностранными языками, что делает их конкурентоспособными и востребованными на рынке труда.

Все то, что изучалось в Университете, закреплялось на практике. Под руководством ректора были созданы обширные базы практик в различных точках Советского Союза. В Университете также действовали программы по ознакомлению иностранцев с советской действительностью: делегации иностранных студентов и аспирантов, возглавляемые преподавателями УДН, выезжали в союзные республики, где на местах знакомились с происходившими там социально-экономическими и культурными процессами.

У истоков создания Университета стояли организации-учредители, такие как Союз советских обществ дружбы (ССОД), Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС), Центральный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ЦК ВЛКСМ), Комитет советских женщин. При этом они активно участвовали в формировании контингента студентов, помогали им в решении вопросов повседневной жизни. Кроме того, данные организации обеспечивали участие Университета в различных мероприятиях союзного масштаба: олимпиадах, всемирных фестивалях молодежи и студентов (Университет всегда формировал собственную делегацию на фестиваль), Всемирной встрече девушек под эгидой Комитета советских женщин и др. Программы по ознакомлению иностранцев с советской действительностью организовывались и субсидировались также организациями-учредителями. Поэтому В.Ф. Станис находился в постоянном тесном рабочем контакте с А.С. Дзасоховым, В.В. Терешковой и другими руководителями данных организаций.

Международная деятельность в УДН

Необходимо отметить, что ситуация в мире всегда отражалась на деятельности

Университета как международно ориентированного образовательного учреждения. Так, в 1970–1980-е гг. УДН находился на переднем крае холодной войны, поэтому роль руководства Университета была чрезвычайно важна: необходимо было детально понимать суть происходящих в мире процессов. Именно в этот период УДН посещали различные иностранные делегации (до 150 ежегодно), приезжавшие в СССР как с официальными, так и государственными визитами, в первую очередь — из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Не реже 2–3 раз в неделю в Университет прибывали различные лидеры, среди которых президент Мозамбика Самора Машел, премьер-министр Цейлона Сиримаво Бандаранаике, премьер-министр Народной Демократической Республики Йемен (НДРЙ) Али Насер Мухаммед, а также лидеры коммунистических партий Ливана (Валид Джумблат), Перу (Хорхе Дель Прадо), Аргентины, Чили (Луис Корвалан), Уругвая (Родней Арисменди), Парагвая, Венесуэлы. В Университет приезжали Ромеш Чандра, Генеральный секретарь и председатель Всемирного совета мира, и Фрида Браун, возглавлявшая Международную федерацию женщин.

С многочисленными визитами УДН/РУДН посетил председатель исполкома Организации освобождения Палестины (ООП) Ясир Арафат. Один из курьезных случаев произошел в очередной его приезд в УДН. Согласно этикету, Владимир Францевич для переговоров ожидал Я. Арафата в своем кабинете. Однако арабские студенты встретили своего лидера возле Университета, и, оттеснив охрану, на руках доставили Я. Арафата непосредственно в клуб на трибуну. В этой неоднозначной ситуации В.Ф. Станис не растерялся и, в то время как Я. Арафат начал произносить свою зажигательную речь, воспользовавшись небольшой паузой, вышел на сцену и поприветствовал «друга Университета дружбы народов Ясира Арафата».

Необходимо было готовиться ко всем визитам, внимательно изучать политическую ситуацию в странах, из которых прибывали делегации, а также обладать знаниями об экономической ситуации в странах, откуда приезжали гости.

Среди многочисленных друзей СССР особое место занимала Бангладеш, ее народу приходилось преодолевать большие трудности, и СССР оказывал в этом братское содействие. Премьер-министр Бангладеш Шейх Муджибур Рахман в 1972 г. посетил СССР с официальным визитом, в ходе которого побывал в УДН. Свою солидарность с Бангладеш продемонстрировали студенты и аспиранты в ходе митинга. По решению советского руководства В.Ф. Станис был назначен главой Общества дружбы СССР — Бангладеш. Он неоднократно посетил эту страну с визитами.

В.Ф. Станис побывал в 50 странах мира. Например, Чили он посетил в период переворота, возглавляемого А. Пиночетом. Свои наблюдения он излагал в статьях и книгах. К сожалению, неоконченной осталась его книга «Об Университете и о себе».

В западной прессе нашему Университету приписывали роль кузницы бойцов-партизан, сражающихся против законных правительств в странах Азии, Африки и Латинской Америки. В.Ф. Станису приходилось противостоять этим необоснованным обвинениям. При этом он всегда подчеркивал приоритет учебы и академической подготовки в Университете дружбы народов. Однако вместе с тем необходимо признать, что УДН был достаточно политизирован и приближен к реалиям и процессам, протекающим в развивающихся странах. События, происходившие в мире, часто непосредственно касались его студентов, судеб их семей. Поэтому их реакция была совершенно естественной: нередко политика переносилась в сферу отношений в аудитории, в общежитии. В частности, образование в конце 1960-х — начале 1970-х гг. мятежной Биафры в Нигерии и начало военных действий серьезно осложнили взаимоотношения внутри землячества студентов-нигерийцев. Таким образом, возникало достаточно много ситуаций, связанных с конфликтностью в ряде стран приема. Разногласия, происходившие в мировом коммунистическом рабочем и национально-освободительном движениях, отражались на повседневной жизни УДН.

Важно, что своим личным авторитетом В.Ф. Станис способствовал разрешению многих подобных конфликтов. Приведем еще один пример. Как известно, символом вооруженной борьбы народов Латинской Америки стал Эрнесто Че Гевара. Именно вокруг его имени консолидировались латиноамериканцы, в том числе с левацкими настроениями. Ими руководили студенты-кубинцы. Очевидно, что студенты, особенно из Латинскоамериканского региона, с их юношеским максимализмом и напористостью легко попадали под влияние таких настроений. Требовалось много сил и такта, чтобы погасить эти настроения и переориентировать кубинцев на поступление в другие вузы СССР. В этой связи, а также по просьбе политических организаций и землячеств в Университете действовала система политических кружков и семинаров. По заданию В.Ф. Станиса ведущие профессора и преподаватели в вечернее время вели эти кружки и семинары по заранее продуманной и согласованной с землячествами проблематике, которая учитывала специфику стран приема. Занятия проводили как опытные, так и молодые преподаватели: доценты Н.Г. Шабалина, А.И. Иванов, Ю.В. Ирхин, Н.С. Кирабаев, П.К. Гречко и др.

Следует отметить, что у В.Ф. Станиса и руководства Университета в ходе контактов с зарубежными деятелями сложилось глубокое видение насущных проблем национально-освободительного движения и ситуации в странах приема в целом. Так, политическое чутье Владимира Францевича проявилось в оценке ситуации на освобождавшейся в то время территории Зимбабве, когда руководство СССР сделало ставку на лидера Джошуа Нкомо, ранее посетившего СССР и выступившего на митинге в УДН. Его соперник, другой видный политик Роберт Мугабе, был избран президентом страны лишь спустя несколько лет.

В целом ректор УДН уделял большое внимание работе с землячествами иностранных студентов. При этом, рассматривая какую-либо непростую ситуацию в землячестве, он всегда учитывал исторические, этнические, национальные особенности страны приема.

Визиты государственных, партийных делегаций, руководителей национально-освободительных движений, общественных деятелей зарубежных стран были постоянным будничным процессом в Университете. В этой связи наша структура, кабинет общественно-политической информации при парткоме — под руководством заместителя секретаря парткома по международной деятельности В.Ш. Агамоглова, при участии студенческого отдела организовывала митинги, встречи с деятелями иностранных государств. В эти годы в УДН побывали президенты Индии, Шри-Ланки, Мадагаскара, Сомали и многих других стран. Посещали наш Университет и генеральные секретари компартий, деятели иностранных общественных организаций. Всех В.Ф. Станис сначала принимал в своем кабинете, где проводил переговоры, затем проходили митинги с участием гостей. Клуб УДН «На Донской» подчас не вмещал всех студентов, аспирантов и преподавателей, желающих посетить подобные мероприятия.

Особенной, незабываемой датой в жизни Университета стало празднование его 15-летнего юбилея в Государственном Кремлевском Дворце. В.Ф. Станис лично руководил подготовкой торжества. По случаю юбилея УДН он награжден орденом Дружбы народов за заслуги в деле подготовки специалистов для стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Необходимо упомянуть, что и в самом УДН, и за его пределами не все одобряли идею присвоения Университету в 1961 г. имени главы правительства Демократической Республики Конго Патриса Лумумбы. Однако, по мнению В.Ф. Станиса, имя лидера конголезского народа стало символом победы национально-освободительного движения, а также, учитывая специфику контингента студентов, соответствовало миссии Университета. В 1974 г. ректор пригласил старшего сына П. Лумумбы Франсуа посетить УДН. Ф. Лумумба с интересом ознакомился с Университетом, который носил имя его отца. Владимир Францевич предложил юноше продолжить обучение в аспирантуре экономического факультета, однако он не воспользовался

данным предложением и впоследствии получил степень на экономическом факультете Будапештского университета.

С началом «перестройки» период 1970–1980-х гг. стало принято характеризовать как «эпоху застоя». Однако В.Ф. Станис и его коллеги, активно работавшие под его руководством, никакого застоя в академической сфере и международной деятельности не замечали: интенсивно развивались международные связи, расширялись контингент учащихся УДН и география стран приема.

Годы шли, Университет жил и развивался, реализуя на практике концепцию В.Ф. Станиса, который считал, что Университет — это родной дом, большая семья студентов, аспирантов и преподавателей. Даже Новый год он предпочитал встречать вместе с коллективом в новом тогда здании УДН на ул. Миклухо-Маклая.

Ректор, а позднее президент РУДН В.Ф. Станис с глубокой грустью и огромным сожалением наблюдал за процессами, протекавшими в постперестроечный период 1990-х гг. Ему было досадно видеть, как Россия покидала страны Азии, Африки и Латинской Америки, оставляя посольства, дипломатические представительства, культурные центры, что влекло за собой сокращение контингента иностранных учащихся РУДН. Понятия «интернационализм», «дружба народов» из приоритетных категорий отступили на второй план. РФ все дальше и дальше удалялась от своих многолетних партнеров, что наглядно проявлялось в ее внешней политике, где развивающиеся страны были вытеснены на периферию. Образовавшийся вакуум заполняли западные страны и стремительно развивающийся Китай.

В таких непростых условиях В.Ф. Станис в каждом из своих выступлений в 1990-е гг. призывал «не быть Иванами, не помнящими родства», опираться на знания, полученные в УДН/РУДН, «как путник на посох в пути».

Заключение

По возрасту Университет дружбы народов довольно молодой, однако деятельность

ректора В.Ф. Станиса стала яркой страницей его богатой истории. Владимир Францевич был награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Красной Звезды, «Знак Почета», Отечественной войны I степени, орденом Дружбы и восемью медалями. Университет получил международное признание, интернациональный коллектив значительно увеличился. Владимир Францевич Станис и его эпоха в Университете — это часть истории жизни огромной плеяды выпускников, занявших достойное место в развитии своих

государств. Естественно, сохраняется интерес к международно-ориентированному университету, который по сей день выполняет благородную культурно-гуманитарную миссию по подготовке специалистов для зарубежных стран и стремится к укреплению дружбы между народами.

Мы — преподаватели, выпускники УДН — горды тем, что храним традиции университета, заложенные В.Ф. Станисом, и вносим свой вклад в высокую миссию подготовки мировой элиты.

Поступила в редакцию / Received: 24.01.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 29.02.2024
Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- Балыхина Т. М.* Миссия преподавателя-русиста в международно-ориентированной деятельности университета // Профессионально-педагогические традиции в преподавании русского языка как иностранного. Язык-речь-специальность : материалы Международной научно-практической конференции «Мотинские чтения». Ч. 1 / под ред. С. А. Хаврониной, Т. М. Балыхиной. Москва : РУДН, 2005. С. 25–38.
- Мотина Е. И.* Избранные труды. Москва : РУДН, 2005.
- Профессора, доктора наук и видные ученые Российского университета дружбы народов : биографический словарь / под общ. ред. В. М. Филиппова. Москва : РУДН, 2010.
- Сергей Васильевич Румянцев — основатель и первый ректор Российского университета дружбы народов : к 100-летию со дня рождения / отв. ред. В. М. Савин. Москва : РУДН, 2013.

Сведения об авторах:

Пономаренко Людмила Васильевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 7339-3127; ORCID: 0000-0002-9994-3097; e-mail: ponomarenko-lv@rudn.ru

Лукьянова Галина Олеговна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 6395-2994; ORCID: 0000-0002-4033-4852; e-mail: lukyanova-go@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-306-322

EDN: WZYKOQ

Научная статья / Research article

Выявление изменений в постконфликтных сценариях и путях реабилитации: восприятие японскими студентами России и источников информации о ней в 2021–2022 гг.

Л.В. Жилина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Российская Федерация

 larissa-zhilina@yandex.ru

Аннотация. В последнее время сфера межгосударственных отношений переживает кризисные явления, что во многом создает эффект напряженности в общении и достижении понимания на уровне обществ. В такой непростой ситуации молодые люди являются не только объектами воздействия со стороны общества, но в то же время выступают в роли целеполагающих акторов, способных к познанию и действию, основанному на своих знаниях о международной обстановке. В статье основное внимание уделяется тому, как японская молодежь воспринимает страну, ближайшего соседа Японии, Россию, и анализируется изменение взглядов молодых людей на образ соседнего государства и ее граждан в 2021–2022 гг. Чтобы изучить произошедшие изменения в восприятии страны-соседа, в рамках исследовательского проекта «Представления студентов о странах-соседах: Россия и Япония» посредством онлайн-анкетирования были опрошены студенты четырех японских университетов. Для этого исследования автором были выбраны студенты университетов, так как предполагалось, что они, возможно, станут частью политической элиты страны. Тенденция к социальной и политической пропаганде среди молодежи также была фактором, который способствовал выбору студентов университетов в качестве подходящей для этого исследования референтной группы. Кроме того, опрос среди студентов университетов обеспечивает более высокий уровень однородности респондентов, повышая внутреннюю достоверность результатов. Анализируются результаты проведенных исследований с целью выявления факторов, определяющих общественное восприятие России молодыми японцами. Сравнение результатов опросов 2021 и 2022 гг. показало, что в восприятии России японской молодежью произошли некоторые показательные изменения, связанные главным образом со смещением восприятия со сферы культуры в сторону сферы безопасности. Приведенные цитаты студентов позволяют конкретизировать полученные результаты. Исследование также подтверждает, что у японской молодежи могут сосуществовать негативные и позитивные когнитивные мнения о стране-соседе.

Ключевые слова: образы государств, опросы общественного мнения, установки студентов, представления

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Автор выражает благодарность д-ру В. Молодякову (Университет Такусёку, Токио), г-же Е. Бакун (Университет Кансай, Городской университет Осаки, г. Осака) за поддержку этого опроса с японской стороны. Автор также признательна г-ну Т. Вильямсу (консультант по политическим вопросам, Лондон) за его ценные советы и проницательные комментарии.

© Жилина Л.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Жилина Л. В. Выявление изменений в постконфликтных сценариях и путях реабилитации: восприятие японскими студентами России и источников информации о ней в 2021–2022 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 306–322. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-306-322>

Identifying Altitudinal Change in Post-Conflict Scenarios and Pathways to Rehabilitation: Case Study of Japanese Students' Perceptions of Russia and Their Sources of Information in 2021–2022

Larisa V. Zhilina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

 larissa-zhilina@yandex.ru

Abstract. Recent crises in international relations have created tensions in communication and hindered the achievement of understanding between societies. Under these complicated circumstances, young people are not only objects of public influence but also agenda-setting actors capable of learning and acting on the basis of knowledge about the international situation. This article focuses on how the Japanese students perceive their close neighbor Russia and examines how their views on the image of the neighboring country and its citizens have changed from 2021 to 2022. To examine the changes in perception, within the research project “Student’s representations of neighboring countries: Russia and Japan,” students from four Japanese universities were interviewed (online questionnaire). In the present work the results of the studies are analyzed in order to draw conclusions about the drivers of the change in the public perception of Russia. The author focused on university students for this study because it was assumed that they would eventually become part of the political elite of the country. The tendency for social and political advocacy among the youth was also a contributing factor that supported university students being the group favorably consider for this research. The university student population also provides a higher level of homogeneity among respondents, increasing the internal validity of the findings. Comparing the results of the 2022 survey with the results of the 2021 survey, we can observe some significant changes in the perception of Russia by Japanese youth. First of all, we can observe a shift in perception from the sphere of culture to the sphere of security. The quotes from students throughout this article should be taken into account when looking at the results and analysis. This research also confirms that negative and positive cognitive opinions about a neighboring country can coexist among Japanese youth.

Key words: images of states, surveys, student attitudes, perceptions

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Acknowledgements. The author gratefully acknowledges Dr. V. Molodyakov (Takushoku University, Tokyo), E. Bakoun (Kansai University, Osaka City University, Osaka), for supporting this opinion poll from Japanese side. The author would like to acknowledge Mr. Tafawa Williams (Policy and Political Affairs Consultant, London) — for his valuable advice and insightful comments.

For citation: Zhilina, L. V. (2024). Identifying altitudinal change in post-conflict scenarios and pathways to rehabilitation: Case study of Japanese students’ perceptions of Russia and their sources of information in 2021–2022. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(2), 306–322. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-2-306-322>

Введение

Когда-то ныне покойная американская певица Уитни Хьюстон спела песню под названием *Greatest Love of All* («Величайшая любовь из всех»). Эта песня начиналась со слов «Я верю, что дети — это наше будущее... Учите их хорошо, и пусть они идут

вперед!». Вряд ли большинство современных молодых людей знают эту песню, но характерно, что аналогичное убеждение отражает и резолюция Совета Безопасности ООН (СБ ООН) 2250 от 2015 г., озаглавленная «Поддержка молодежи, мира и безопасности». В резолюции отмечается, что сегодняшнее поколение молодежи является самым

многочисленным, которое когда-либо знал мир, и что именно молодежь часто составляет большинство населения стран, пострадавших от вооруженных конфликтов. Далее в резолюции высказывается предположение, что молодежь может сыграть решающую роль в предотвращении и урегулировании конфликтов и что именно она является ключевым элементом для достижения устойчивости и инклюзивности, которые необходимы для успеха усилий по поддержанию мира. Данная резолюция СБ ООН призывает предоставить молодежи более широкие возможности при принятии решений на местном, национальном, региональном и международном уровнях, а также рассмотреть вопрос о создании механизмов, которые позволили бы молодым людям принять более активное участие в укреплении мира во всем мире¹.

Если на молодежь возлагается такая большая ответственность, то становится особенно важно изучить те способности и склонности молодежи, которые позволят ей оправдать возложенные на нее ожидания. В частности, крайне важно определить, как молодежь в настоящее время относится к своим сверстникам в других странах, какое влияние на нее оказывается и насколько обоснованные или необоснованные решения принимаются в отношении их сверстников?

В попытке ответить на эти вызовы в резолюции СБ ООН 2250 (2015) был выработан конкретный набор критериев для определения будущих лидеров. Отмечалось, в частности, что именно образование является фактором, тесно связанным с ростом и развитием нации, который укрепляет социальную сплоченность и активную гражданскую позицию молодежи. Именно поэтому, а также по нескольким другим важным причинам целевой группой для нашего опроса были выбраны студенты университетов. Задача проводимого опроса состояла в изучении восприятия и отношения к соседней стране, ее людям и источникам информации о ней. Эксперты (Burnett &

Dune, 1986) также говорят об оправданности привлечения студентов для проведения опросов, поскольку это обеспечивает более высокий уровень однородности респондентов, устраняя определенные источники ошибок и повышая внутреннюю достоверность результатов.

Можно также ожидать, что лица с более формальным университетским образованием имеют более высокие способности к чтению и восприятию информации, что крайне необходимо для получения знаний по различным вопросам. Более того, посещение занятий в университете, как правило, ведет к уменьшению предрассудков и повышению осведомленности о глобальных проблемах. Однако основная причина того, что мы сосредоточили внимание на студентах, заключается в том, что именно студенты университетов впоследствии будут налаживать непосредственные связи с другими странами или приобретут опыт в решении политических проблем.

На протяжении всей истории человечества взаимное непонимание было причиной подозрительности и недоверия между народами, вследствие чего их разногласия слишком часто приводили к войнам². Большинство конфликтов происходит в странах, имеющих низкий потенциал для межкультурного диалога, и поэтому, если есть желание решать глобальные проблемы с доверием и пониманием, препятствия для сотрудничества, несмотря на наши различия, должны быть поняты и сведены к минимуму. В этой статье автор стремится понять, как молодежь получает интересующую ее информацию и каковы ее представления о сверстниках в других странах, чтобы наметить вероятную стратегию позитивного вовлечения молодежи в построение мирных и продуктивных внешних отношений.

В статье основное внимание уделяется студентам японских университетов, поскольку логично предположить, что именно они будут впоследствии влиять на политику своей страны и международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

¹ Resolution 2250 (2015) / Adopted by the Security Council at its 7573rd Meeting, on 9 December 2015 // UN Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/814032?ln=en> (accessed: 14.01.2023).

² См.: Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization // UNESCO. November 22, 2023. URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/constitution> (accessed: 14.01.2023).

Цель исследования

Статья является частью проекта, имеющего свою собственную предысторию. Первая и вторая части исследований, посвященных восприятию студентами соседних стран (Японии и России), были проведены в 2006–2007 гг. (Жилина, 2008) и 2012 г. (Zhilina & Podalko, 2013) и назывались «Представления студентов о странах-соседях: Россия и Япония. Сравнительные исследования»³. Эти сравнительные исследования проводились при поддержке стипендиальных программ Японского фонда в 2007 и 2012 гг. Впоследствии этот проект был продолжен мною в 2021–2022 гг.

Цель исследования — изучить восприятие и отношение японской молодежи к России, русскому народу и выявить основные источники информации о соседнем государстве в конкретный момент времени. В этой статье автор анализирует отношение и восприятие России японскими студентами во время продолжающегося конфликта России с Украиной, а также оценивает влияние данного политического события на восприятие соседней страны японской молодежью. Для этого использованы данные опросов, проведенных в апреле-июле 2021 г., а также после начала специальной военной операции (апрель-июль 2022 г.), чтобы понять, как это событие влияет на взгляды японской молодежи на Россию и ее граждан.

Главный вопрос данного исследования можно сформулировать следующим образом: Как японские студенты воспринимают страну-соседа Россию и ее народ? Этот исследовательский вопрос может позволить изучить агентов социализации, влияющих на восприятие молодежи зарубежных стран, информационные каналы, по которым студентам доступно получение знаний об этих странах, а также специфику восприятия и отношения к представителям стран-соседей. Это, в свою

очередь, может помочь сформировать контент источников, создающих образы стран, а также понять, как в молодежной среде происходит взаимопонимание между гражданами соседних стран и формируется толерантность к культурному многообразию. В конечном итоге, опираясь на ответы, полученные в ходе опросов, эта статья подведет нас к пониманию создания и манипулирования «мягкой силой», которая заключается в способности привлекать и убеждать, как писал об этом Дж. Най (Nye, 2004).

Методология: план исследования, участники и сбор данных

Для достижения цели исследования автор использует данные опросов, позволяющие обрисовать представления и выявить отношение японских студентов к стране-соседу, а также определить основные источники информации и факторы, которые влияют на формирование мнений и отношений к предмету опроса.

В опросах 2021 и 2022 гг. размеры выборок были одинаковыми — 155 чел. В опросах было зафиксировано меньшее число японских участников, чем хотелось бы в идеале⁴. Тем не менее была уверенность в том, что результаты представляют собой достаточно стратифицированную случайную выборку, что позволит экстраполировать выводы на большую часть японской молодежи.

В связи с распространением в мире COVID-19 в 2021–2022 гг. опросы проводились посредством онлайн-анкетирования. Данные, собранные в ходе этих онлайн-опросов, составляют часть 15-летнего исследовательского проекта «Формирование общественного мнения о странах-соседях: Россия и Япония в воображении студентов».

В целях правильной интерпретации данных, а также корректного сравнения, выявления и отслеживания различий и в 2021 г.,

³ Опросы проводились среди студентов вузов Японии и России. Размер выборки составил 400 студентов с каждой стороны (японцы / русские). Целью проекта было изучить восприятие и отношение студентов к соседней стране — к России и к Японии соответственно.

⁴ Японских социологов беспокоит растущее нежелание населения участвовать в социологических опросах. Они признают, что условия, в которых проводятся социальные исследования в Японии, постоянно ухудшаются и в настоящее время считаются критическими.

и в 2022 г. участникам задавали одинаковые вопросы о соседнем государстве, его людях и источниках информации о России.

Онлайн-анкета была разослана участникам опроса в апреле 2021 г. Студенты имели возможность участвовать в опросе до июля 2021 г. В 2022 г. опрос также проводился в период с апреля по июль. В опросе участвовали японские студенты в возрасте от 17 до 24 лет. В 2021 г. 59,4 % опрошенных составляли юноши, а 40,6 % — девушки, в 2022 г. — 56,9 % юноши и 43,1 % — девушки. В исследовании принимали участие студенты *Университета Кансай*, *Университета Такусёку*, *Городского университета Осаки* и *Университета Кобэ*. Японские студенты перечисленных вузов специализировались в области политических исследований, естественных наук, филологии, истории, международных исследований, права, экономики и глобальных культурологических исследований.

Как уже отмечалось, в данном исследовании для изучения восприятия и отношения японской молодежи к соседнему государству и его людям использовалась онлайн-анкета. Она состояла из трех закрытых вопросов об источниках информации о соседнем государстве и достаточности информации, получаемой из этих источников, и трех открытых вопросов⁵, посвященных отношению и восприятию соседней страны и ее граждан.

Язык анкеты влияет на то, как респонденты отвечают на один и тот же вопрос (Harzing & Maznevski, 2002). Для того чтобы преодолеть языковые барьеры и снизить риск недопонимания, анкета была составлена на

японском языке, и респонденты должны были отвечать на вопросы на своем родном языке. Анкеты направлялись респондентам через сеть Интернет в формате *Google-form*. Важно отметить, что при опросах была обеспечена конфиденциальность собранных данных.

Основные результаты: источники информации о соседней стране

Образ того или иного места может формироваться у человека как под влиянием внутренних факторов, основанных на посещении данного места или предыдущем опыте, который связан с этим местом, так и за счет внешних факторов, то есть дополнительной информации, полученной из внешних источников. Другими словами, образ создается как мысленное изображение места «на основе информационных сигналов, подаваемых агентами формирования образа или выбранных самим человеком» (Tasci, Gartner & Cavusgil, 2007, p. 414). В данном случае отношение японских студентов к происходящему в России зависит от того, на какие источники новостей и информации они опираются. В настоящее время этот фактор имеет больший вес, чем, например, регион проживания респондентов. Рост международной напряженности оказывает значительное влияние на долгосрочные тенденции, связанные с доверием населения к точности новостной информации, поступающей из различных типов СМИ (рис. 1). Судя по ответам на вопросы анкеты, в 2022 г. произошел резкий рост доверия студентов к телевидению (74 %), которое большинство японской молодежи воспринимает как источник «официальной информации» (это почти на 20 % больше, чем в 2021 г., — тогда уровень доверия этому источнику составлял 54,2 %).

В последние годы численность зрительской аудитории и уровень ее доверия к телевизионным новостям неуклонно снижались. При этом одновременно происходил рост уровня доверия к интернет-источникам новостей — с 69,7 % в 2021 г. до 73,2 % в 2022 г.

⁵ Открытые вопросы предполагали повествовательный ответ в виде слова или нескольких слов. Респонденты отвечали своими словами и не были ограничены определениями. Такой подход предоставлял участникам больше пространства и возможностей для того, чтобы высказать свое частное мнение по исследуемым темам. Это позволяло собирать максимальное количество информации по темам, наиболее важным для данного исследования. Слова, выбранные студентами, отличались весьма значительным разнообразием. Кодификация ответов осуществлялась путем ранжирования повторяющихся слов, которые анализировались в соответствии с частотой их появления в анкетах.

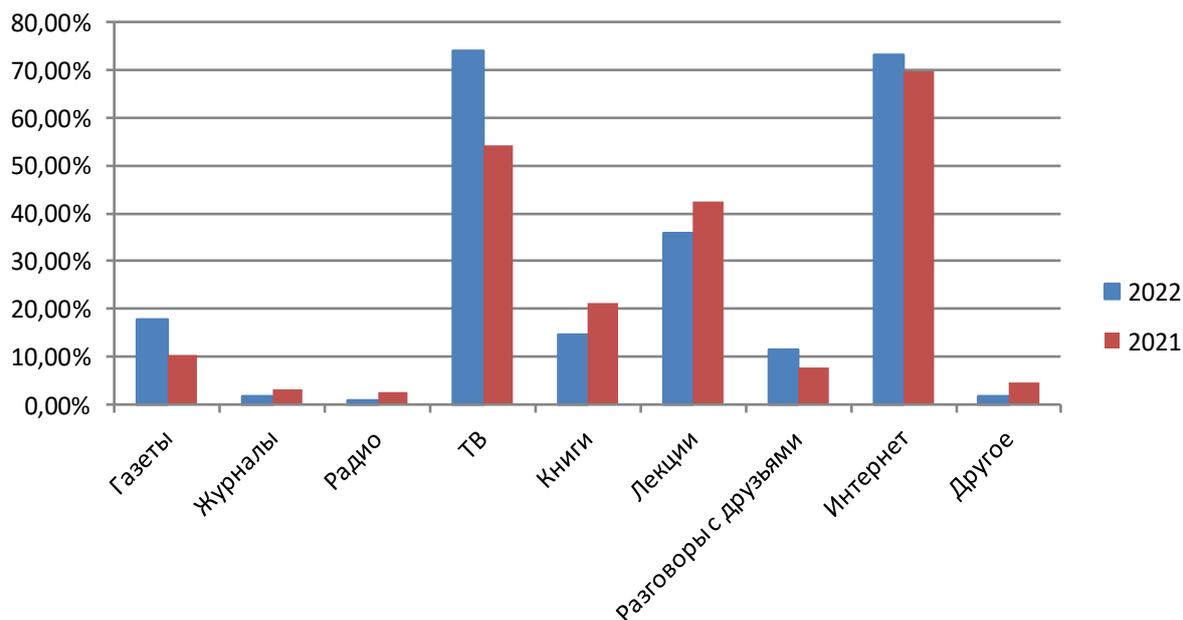

Рис. 1. Источники информации/контента о России для японских студентов, доля студентов, принявших участие в опросе в 2021 и 2022 гг., %

Источник: рассчитано автором.

Таким образом, на основе опросов можно сделать вывод, что с началом обострения международной обстановки большинство японских студентов более или менее сохранили свои предпочтения в отношении новостных источников: большинство из них предпочитали смотреть новости по телевидению, которое считается государственным. Телевидение продолжает оказывать значительное влияние на молодых японцев, несмотря на сообщения о том, что в последние годы они смотрят его меньше. Хотя традиционные СМИ, представленные телевидением и печатными газетами (по мере того, как все больше людей пользуются социальными сетями), постепенно исчезают, результаты опроса показывают, что именно они считаются более надежным источником информации⁶. Вместе с тем, когда на фоне роста международной напряженности выросло доверие

к официальным СМИ, большая часть молодежи получает новости о России из Интернета⁷. Количество студентов, черпающих информацию о России из лекций, снизилось с 42,6 % в 2021 г. до 35,8 % в 2022 г.

В 2022 г. 14,6 % молодых японцев ответили, что книги являются для них важным источником информации о России. Этот показатель также резко снизился по сравнению с 2021 г. (21,3 %). Однако вместе с тем произошел резкий рост уровня доверия к газетам как источникам новостей и информации (2021 г. — 10,3 %, 2022 г. — 17,9 %). В последние годы тиражи и актуальность газет как источника информации неуклонно снижаются из-за многих факторов. В Японии газеты, так же как и телевидение, большинством японской молодежи воспринимаются

⁶ См. также: Young Japanese Still Trust TV and Newspapers More than Online Media // Nippon.com. November 12, 2019. URL: <https://www.nippon.com/en/japan-data/h00577/young-japanese-still-trust-tv-and-newspapers-more-than-online-media.html> (accessed: 14.01.2023).

⁷ По данным сайта *Statista.com*, по состоянию на февраль 2022 г. 44 % взрослых японцев в основном доверяют средствам массовой информации. См.: Share of Adults Who Trust News Media Most of the Time in Selected Countries Worldwide as of February 2023 // Statista. June 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/308468/importance-brand-journalist-creating-trust-news/> (accessed: 14.01.2023).

как источник «официальной информации» о России.

В 2022 г. 11,4 % японской молодежи считали, что критически анализируют информацию о России, когда общаются с друзьями. Это на 3,7 % больше по сравнению с 2021 г. (7,7 %). Зафиксированный рост свидетельствует о том, что общение с друзьями на самом деле может стать одним из важных источников информации для японских студентов. Это помогает отслеживать поведение отдельных лиц и групп в социальной среде (McAndrew & Milenkovic, 2002). По существу, именно знания или убеждения, полученные в результате общения с друзьями, составляют основу многих социальных убеждений (Sommerfeld et al., 2007). В 2022 г. журналы и радио как источники информации о соседней стране составляли 1,8 и 0,8 % соответственно (3,2 и 2,6 % в 2021 г.).

Доля респондентов, отметивших, что доступная информация о соседней стране оказалась для них «недостаточной», изменилась с 71 % в 2021 г. до 64,2 % в 2022 г. В 2021 г. только 7,1 % японских респондентов были «удовлетворены объемом доступной информации». В 2022 г. количество респондентов, удовлетворенных объемом информации о России, резко увеличилось и составило 17,1 %.

Соседняя страна

Образ страны концептуализируется как отношение к стране (образ страны в восприятии иностранных граждан), то есть отношение к территории страны, ее истории и традициям, ее национальной экономике, общественной культуре, нормам и ценностям, а также ее политической организации. Имидж страны включает в себя множество элементов: национальные символы, цвета, одежду, типовые здания, предметы, мелодии, литературные произведения, особенности политической системы, обычаи, историческое наследие и многое другое (Jenes, 2005). Представления же являются основой для понимания местоположения, размеров, характеристик и значений тех или иных мест.

На протяжении всей жизни людей их мировоззрение формируют культура и опыт,

что, в свою очередь, влияет на восприятие мест и регионов⁸. И эти самые представления меняются по мере увеличения жизненного опыта и получения необходимой информации, приходящей по различным каналам (Zhilina, 2015, p. 7). В совокупности внешний облик страны определяется как восприятие членами международного сообщества страны извне. На этот образ, в частности, влияет то, как страна строит свои отношения с другими государствами, а также поведение ее граждан внутри страны и за рубежом. Таким образом, образ страны включает в себя то, что люди знают (или думают, что знают) о ее различных атрибутах, а также общие чувства людей по отношению к ней (Vuhmann, 2016, p. 43).

Как отмечают эксперты по имиджу стран, при всех других факторах положение страны в международной системе во многом зависит от позитивного или негативного восприятия этой страны зарубежной общественностью (Zimako, 2009). В данном исследовании представления японских студентов о России оценивались исходя из ассоциаций, которые они называли⁹ при упоминании слова «Россия» (табл. 1).

Географические представления

На географические образы, то есть на то, как люди видят мир, влияют многие факторы, включая принадлежность человека к тому или иному социальному классу, его образование, а также личные и политические взгляды. Даже конкретные моменты истории, в которые живут люди, также играют важную роль в том, как они видят окружающий мир. В силу этого «географические представления», как и пространственное мышление, играют существенную роль в формировании значительной части мировой социальной жизни (Gregory, 1994).

⁸ Geography Standard 6: How Culture and Experience Influence People's Perceptions of Places and Regions // National Geographic. URL: <https://web.archive.org/web/20230908104214/https://www.nationalgeographic.org/standards/national-geography-standards/6/> (accessed: 14.01.2023).

⁹ В 2021 г. не было анкет без ответов на данный вопрос. В 2022 г. 3 % респондентов не ответили на вопрос.

Таблица 1

Ассоциации, которые вызывает у японских студентов слово «Россия»: данные опросов 2021 и 2022 гг., %

Ассоциации с Россией	2021	2022	Изменения
Холодный климат	18,7	10,3↓	-8,4
Географические ассоциации	24,7	21,8↓	-2,9
Исторические и политические деятели (лидеры)	19,3	14,6↓	-4,7
СССР, социализм, коммунизм, КПСС	6,7	1,8↓	-4,9
Спорт и спортсмены	6,0	3↓	-3
Национальная кухня	6,0	6,7↑	+0,7
Негативные происшествия и факты	5,3	18,8↑	+13,5
Национальные танцы, балет, шоу, культура	5,0	9,7↑	+4,7
Национальные символы	3,3	3↓	-0,3
Красивые люди (женщины) с белой кожей	2,7	2,4↓	-0,3
Северные территории	1,3	–	–
Особый цвет	1,0	–	–
Многонациональное государство, нация	–	3	+3
Другое	–	4,9	+4,9
Нет ответа	–	–	–

Источник: составлено автором.

Благодаря представлениям, связанным с географией, у людей (как индивидуально, так и коллективно) развивается чувство границ, отделяющих «нашу территорию» от «их территории». У японских студентов образы соседней страны часто формируются как визуальное представление пространства и места: «огромная, красивая страна» с «обширной территорией» и «красивыми городами», но с «ужасно холодным климатом» и «суровым характером» обитателей. Респонденты также упоминали конкретные места: «Москва», «полуостров Камчатка», «Сибирь» и «Владивосток». Все эти представления могли строиться на разных масштабах, и предметом географического воображения могло стать практически любое место (Kukkonen, 2011, p. 55).

Многие ученые (Crawford, 2000; Davidson & Milligan, 2007) также отмечали, что эмоции, связанные с восприятием пространства, можно найти практически во всех аспектах

политики, культуры и географии и они играют решающую роль в «геополитических образах» и «географических представлениях» молодежи (Dempsey & McDowell, 2019). Так, в 2021 г. молодые японцы характеризовали Россию не только с точки зрения цивилизационной принадлежности, политики и экономики. Они говорили, что Россия — это «дальний сосед», страна «ни европейская, ни азиатская», «страна с очень большой территорией». Примечательны также следующие ответы: «Географически это страна, близкая к Японии, но мне она не кажется очень близкой»; «Большая страна, сильная военная мощь». В 2022 г. студенты определяли соседнее государство и таким образом: «Большая страна, и сейчас там война» или «Это близкая (к Японии) страна, но я мало что о ней знаю!».

Политические лидеры или исторические личности?

Японцы склонны приравнивать личность лидера зарубежной страны-партнера к «идентичности» данной страны. В этой связи образ лидера становится чрезвычайно важным, поскольку он неосознанно проецируется на страну в целом. Это обстоятельство имеет особое значение в случае с Россией ввиду относительно скудных знаний японцев о нашей стране (Chugrov & Streltsov, 2017, p. 33). В 2021 г. в список упомянутых японскими студентами политических деятелей вошли как современные мировые политические лидеры, так и символические фигуры, знакомые большинству граждан Японии. В ответах упоминались В.В. Путин, М.С. Горбачев, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Екатерина II и даже «царь Николай II (Романов)». По результатам опроса 2021 г. (до начала специальной военной операции) президента России упомянули 78,3 % всех японских студентов, называвших в своих ответах российских исторических/политических деятелей. В 2022 г. большая часть респондентов (96,6 %) вспомнила только В.В. Путина.

Культура или символы?

Термины «страна» и «культура» нередко используются как синонимы. Известно, что

на имидж России в Японии часто влияют разовые мероприятия, которые, однако, могут вызвать заметные колебания общественных настроений. К ним относятся, в частности, выступления российских музыкантов, театральных и цирковых коллективов, которые собирают полные залы и являются хорошей рекламой для нашей страны (Chugrov & Streltsov, 2017, p. 34). В связи с этим следует привести примеры ассоциативных слов, упомянутых японскими студентами. Они варьируются от «культурного экспорта» — музыки («милая музыка»), классического балета («есть очень хорошая балетная труппа»), романов известных писателей (Ф.М. Достоевский) и художников до популярных товаров, которые становятся знаковыми и прочно ассоциируются со страной происхождения («матрёшки»). Также были упомянуты песня «Катюша» («Катюша и русская армия») и символы — «Кремль» и «Красная площадь». По сравнению с 2021 г. в 2022 г. количество японских студентов, ассоциирующих Россию с элементами культуры, увеличилось с 5 до 9,7 %. Можно предположить, что причиной возросшего интереса японской общественности к российской культуре стало проведение в 2018 г. Года России в Японии. В 2018–2019 гг. программа культурных обменов между двумя странами включала в себя многочисленные мероприятия, вызвавшие интерес к русской культуре в Японии, многие японцы принимали участие в этих мероприятиях или были свидетелями того или иного аспекта российской культуры во время фестиваля. Анализируя ответы опроса, можно констатировать, что среди японской молодежи очень высок интерес к русской культуре.

Национальная кухня (гастрономия)

Национальная кухня является элементом «культуры места» и может быть частью восприятия страны. Являясь компонентом культурного наследия, связанного с жителями тех или иных географических территорий, национальная гастрономия становится важным ресурсом в построении имиджа страны. Следует отметить, что в странах Азии кухне и

культуре питания уделяется особое внимание, здесь они возведены в своеобразный культ (Kim & Vasileva, 2017, p. 9868). С имиджем России национальную кухню ассоциировали 6 % японских студентов в 2021 г. и 6,7 % в 2022 г. Чаще всего респонденты упоминали «пирожки» и «борщ». В 2021 г. 33 % японских студентов, у которых Россия ассоциировалась с национальной кухней, упоминали в ответах «водку». В 2022 г. эта тенденция изменилась несильно: «водка и Москва», «медведи и водка», «водка и пирожки», «природа суровая, но народ не унывает и пьет много водки».

Негативные инциденты и факты

Как подчеркивалось в работах исследователей, «негативная информация о разного рода неприятных инцидентах в двусторонних отношениях, преподносимая СМИ в той или иной форме, хорошо воспринимается и соответствует существующему японскому общественному мнению» (Chugrov & Streltsov, 2017, p. 34). В этой связи представляется важным рассмотреть восприятие японскими респондентами России в контексте конфликта с Украиной как комплекс культурно и исторически обусловленных географических знаний и представлений, характерных для определенной социальной группы. В 2021 г. только 5,3 % японских студентов ассоциировали Россию с негативными событиями и фактами¹⁰. Однако в 2022 г. это число резко возросло, более чем в три раза, до 18,8 %.

Как показывают ответы, в 2022 г. среди японской молодежи резко возросло восприятие России как источника «военной угрозы». Похоже, на это сильно повлияла географическая близость к России. Как представляется, японцы были серьезно обеспокоены действиями со стороны России: «Извините, но у меня сложилось свое представление о стране, которая вторглась на Украину. У нее есть ядерное оружие, она оказывает давление на Японию, и это меня тревожит». 100 %

¹⁰ В 2021 г. мы можем увидеть положительную динамику за 15 лет (2007 г. — 7,5 %, 2012 г. — 6,1 %, 2021 г. — 5,3 %).

респондентов, которые упомянули негативные инциденты, назвали среди них «войну с Украиной», «вторжение на Украину», отмечали, что «страна сейчас находится в состоянии войны с Украиной». Также упоминалась «армия России» и то, что Россия «имеет сильную военную мощь и высокий международный статус после участия в холодной войне с США» и т. д. Здесь мы можем предположить, что конкретные конфликты и негативные события могут быть преувеличены через средства массовой информации, тем самым придавая определенный смысл и интерпретацию инциденту (Hall, 2002), что, в свою очередь, формирует у японской молодежи негативное восприятие соседнего государства.

Соседи

Большинство людей твердо придерживаются собственных убеждений, когда речь заходит о личностных характеристиках, типичных для представителей их собственной и чужой культуры. Эти представления о национальном характере могут быть обобщениями личного опыта, стереотипами, содержащими в себе долю правды, или попросту ошибочными стереотипами. Имидж нации в международных отношениях в первую очередь связан с тем, как ее видят иностранные граждане. Само восприятие же этих людей частично зависит от действий и характера политических лидеров этих стран.

В рамках нашего опроса мы также попросили японских студентов поделиться своим мнением о россиянах.

В 2021 г. 12,9 % респондентов дали ответ «Не знаю» на вопрос о национальных чертах русских (в 2022 г. — примерно столько же — 13 %). Что касается личностных характеристик жителей России, отмеченных японскими респондентами, то, согласно ответам, они определяются «культурным и социальным многообразием России и ее народов (национальностей)», что, порождено историческим прошлым страны. Стереотипный образ типичных россиян мало изменился: и в 2022 г., и в 2021 г. респонденты ассоциировали

россиян с такими понятиями, как «дружелюбные» и «добрые» (2021 г. — 11,6 %, 2022 г. — 8,9 %↓): «Я думаю, они добрые люди. Я был в Москве и Санкт-Петербурге два года назад и был очень впечатлен». Интересно, что в 2022 г. японская молодежь, как нам показалось, была более сфокусирована на «патриотических» чертах русских (2021 г. — 1,9 %, 2022 г. — 8,1 %↑): «Патриотов много»; «Вообще-то у меня была возможность поговорить с русскими людьми, и я думаю, у них сильная любовь к своей стране».

Некоторые японские студенты называли россиян «терпеливыми и выносливыми» (2021 г. — 2,6 %, 2022 г. — 6,5 %↑). Между тем в 2021 г. у японских респондентов было больше положительных впечатлений, основанных на таких оценках, как «сильные, великие духом» (2021 г. — 6,5 %, 2022 г. — 1,6 %↓), «нежные и спокойные» (2021 г. — 6,5 %, 2022 г. — 0 %↓), «общительные, веселые и спокойные» (2021 г. — 5,2 %, 2022 г. — 4,9 %↓) и «крутые» (2021 г. — 1,9 %, 2022 г. — 0 %↓).

Позитивное отношение японской молодежи к россиянам также ассоциировалось с их «заботой о своих семьях и друзьях» и «ценностью друзей и семьи» (2021 г. — 5,8 %, 2022 г. — 8,6 %↑): «Они ценят тех, кому доверяют», «Семейные узы сильны», «Дорожат семьей и друзьями». Служение семье рассматривается японской молодежью как значимая составляющая морального облика русских людей.

И в 2022, и в 2021 гг. японские студенты отмечали, что русские «миролюбивы», и аргументировали свои ответы такими рассуждениями, как: «Я думаю, что у русских мирные мысли, как и у японцев»; «Как и японцы, эти люди не должны хотеть войны» (2021 г. — 2,6 %, 2022 г. — 3,1 %↑).

Традиционно в своих ответах на открытые вопросы о восприятии России респонденты упоминали слова, связанные с внешностью, такие как «красивые», «прекрасные» и «белокожие» — при этом респонденты отмечали, что эти характеристики сопровождаются такими качествами, как «личное обаяние, остроумие и физическая привлекательность».

В 2022 г. в ответах на вопросы о характерных качествах россиян появились новые термины-определения, в частности «нация» и «единство нации» (5,7 %). Студенты отметили, что «у русских сильно развито чувство товарищества и единства»; «Это единство в одной нации»; «Я думаю, что вся нация единая»; «Их единство кажется сильным».

В ответах студентов присутствовали также некоторые негативные характеристики россиян: они «нетерпеливые», «подозрительные», «жадные», «страшные», «высокомерные» (2021 г. — 2,3 %, 2022 г. — 7,9 %↑) и просто «недружелюбные» (2021 г. — 1,5 %, 2022 г. — 6,5 %↑). По-прежнему у японцев фигурирует стойкое представление о россиянах как о «пьяницах» и «устойчивых к алкоголю» («Много любителей водки! И они холодостойкие!»; «Много людей, устойчивых к алкоголю и терпеливых»). Эти стереотипы не так уж сильно изменились (2021 г. — 10,3 %, 2022 г. — 8,1 %).

Таким образом, в 2022 г. условно-отрицательные черты характера отметили 25 % японских студентов (2021 г. — 25,7 %), а условно-положительные черты характера — 62 % (2021 г. — 61,4 %). Сравнивая 2022 г. и 2021 г., можно сказать, что этот показатель существенно не изменился, но отдельные студенты провели серьезную переоценку своих представлений.

Обсуждение результатов

Люди основывают свои решения и действия по отношению к социальным субъектам на своих когнитивных представлениях (образах) об этих субъектах. То, как отдельные лица, организации и страны могут функционировать в соответствующей социальной среде, во многом определяется их имиджем среди людей и групп, составляющих эту среду. Для стран это имидж среди зарубежной общественности (Buhmann, 2016, p. 17). В контексте публичной дипломатии это требует знания того, как общественное мнение в данной стране воспринимает иностранное образование (организацию или страну) и как к нему относится (Sriramesh & Verčič, 2009).

Как мы могли видеть, молодежь воспринимает политическую реальность через призму своего «мировоззрения» и формирует свое отношение к международным политическим событиям через свою систему ценностей (Zhilina, 2019, p. 66). В этой связи следует отметить, что, несмотря на очевидную необходимость проведения более дифференцированного и сравнительного анализа образов и представлений о стране среди различных групп, таких как политики, зарубежная политическая общественность, эксперты, журналисты, студенты, исследователи до сих пор во многом пренебрегали развитием обобщенных концепций имиджа страны, которые можно применять для сравнительного анализа различных групп (Buhmann, 2016, p. 20).

Источники

Японская молодежь получала информацию и контент, связанный с Россией, в основном через онлайн-СМИ (Интернет). Однако в 2021 г. по сравнению с 2022 г. обращение студентов к информации через Интернет было относительно выше, чем через другие источники. Интересно также, что японские студенты как в 2021 г., так и в 2022 г. получали доступ к информации и материалам о России из телевизионных программ чаще, чем из журналов и газет. Это можно интерпретировать как результат увеличения контента, связанного с Россией, в традиционных («официальных») средствах массовой информации Японии, таких как новостные программы и документальные фильмы, текущие новости и т. д. Таким образом, можно прийти к выводу, что информация, поступающая через «визуальные» СМИ, играет решающую роль в процессе репрезентации другой страны, поскольку визуальное представление оказывается в центре структуры стереотипов самых разных групп людей (McAuliffe, 2007). Однако, как отмечают эксперты, помимо телевидения, радио и других чисто информационных служб, негативный образ страны и ее бизнеса может формироваться и опосредованно — через системы образования и общественных наук, искусство и кино, музыку и т. д. (Дегтерев, 2022, с. 358), что можно было увидеть и из результатов опросов.

Страна

Результаты опроса 2022 г. показали, что 21,8 % японской молодежи (2021 г. — 24,7 %) выбрали представления, обусловленные географией, в качестве одного из главных источников ассоциаций с Россией. Говоря о России, большинство японских участников отмечали прежде всего «огромную территорию» и «холодный климат» (2021 г. — 18,7 %, 2022 г. — 10,3 %). Похоже, это отражает вес и важность «географических представлений» среди всех визуальных представлений, которые играют значительную роль в формировании имиджа страны для японской молодежи. Другими устойчивыми — если не ключевыми — ассоциациями, выбранными японскими студентами, являются «негативные события и инциденты» (2021 г. — 5,3 %, 2022 г. — 18,8 %) и «политический лидер» (2021 г. — 19,3 %, 2022 г. — 14,6 %). Также студенты назвали наиболее значимыми в имидже страны «культуру» (2021 г. — 5 %, 2022 г. — 9,7 %) и «национальную кухню» (2021 г. — 6 %, 2022 г. — 6,7 %).

Еще одним возможным фактором, оказывающим влияние на позитивное восприятие России студентами, мог стать личный опыт (например, путешествия, изучение языка и зарубежная новостная информация), а также опыт знакомства с русской культурой.

В 2021 г. восприятие и имидж В.В. Путина среди студентов японских вузов был неоднозначным: «Президент Путин: сильная военная мощь», «Путинский социализм», «Путин, Советский Союз, Беларусь». В 2022 г. отношение японских студентов к главе Российского государства претерпело статистически значимое изменение: восприятие государственного лидера стало более негативным, чем восприятие страны в целом. Нет сомнения в том, что на это обстоятельство могла повлиять текущая японская политическая риторика, в которой восприятие правительства и лидера страны отделяется от восприятия самой страны. Один респондент отразил этот статистически значимый факт следующим образом: «До вторжения президента Путина на Украину у страны был образ края с суро-

вой природой, в котором люди много и запойно употребляют алкоголь. Я считаю, что это вторжение не всей нации, а администрации Путина, поэтому имидж нации не агрессивный, а такой же, каким был и раньше».

В связи с «негативными фактами» важно отметить, что в 2021 г. количество японских студентов, связавших Россию с «территориальным спором» (с так называемыми Северными территориями), составило лишь 1,3 %, а в 2022 г. — 0 %¹¹. Это может быть отражением снижения внимания к данному вопросу в государственных СМИ. Отсутствуют данные о положительной корреляции, которые позволяли бы предположить, что на это явление могли бы повлиять положительные образы или размышления, как это было отмечено в связи с проведением фестиваля российской культуры в Японии.

Анализируя ответы опроса 2022 г., можно отметить и некоторые существенные различия в уровне восприятия страны-соседа по сравнению с 2021 г. В частности, в 2022 г. студенты продемонстрировали более негативное восприятие России, чем в 2021 г.: как уже упоминалось, это произошло в сферах, касающихся восприятия российского общества в целом и в отношениях с Украиной в частности. Вместе с тем за период 2021–2022 гг. выросло положительное восприятие российской культуры и национальной кухни. В 2022 г. японская молодежь отметила менее позитивное по сравнению с 2021 г. восприятие «отношений с соседним государством — Россией». Можно предположить, что восприятие России как «военной угрозы» в данной ситуации, вероятно, сильно зависит от географической близости к России. Результаты опроса 2022 г. показали, что более низкий уровень позитивного восприятия России молодыми людьми по сравнению с тем, что было в 2021 г., возможно, связан с продолжающейся специальной военной операцией. Это говорит о том, что респонденты-предшественники определили в 2021 г. нега-

¹¹ В период с 2007 г. по 2012 г. доля студентов, упоминавших в своих ответах так называемую проблему «Северных территорий», увеличилась с 2,8 до 5,2 % — показатель вырос почти в два раза.

тивное отношение к России тем, что воспринимали ее как «угрозу из-за близости (к Японии)». В 2022 г. же не произошло увеличения числа тех, кто воспринимает Россию как «угрозу» по той же причине. Из этого можно сделать целый ряд выводов, касающихся внешней политики / рекомендаций по использованию «мягкой силы», но в данной статье мы не будем рассматривать этот вопрос.

Как отмечают эксперты, для стран, охваченных продолжающимися конфликтами, справедливо следующее утверждение: если у человека уже сложилось негативное отношение к какому-то месту, то при получении новой информации в его памяти всплывут прежние неблагоприятные воспоминания, а новая негативная информация или произошедший инцидент могут вызвать усиление этого негативного образа (Heslop, Lu & Cray, 2008). В любом случае в 2021 г. восприятие России японской молодежью, судя по результатам опроса, было вполне благоприятным. Для понимания причин появления возникших различий в восприятии страны-соседа требуются дополнительные данные и проведение дальнейшего анализа.

Судя по имеющимся весьма очевидным доказательствам, международные инциденты, террористические акты и стихийные бедствия играют важную роль в формировании имиджа страны, поскольку они меняют знания, которые человек мог иметь о конкретной стране или месте. Люди могут постепенно узнавать о данном месте больше, получая информацию либо посредством запланированных коммуникационных мероприятий, либо через фильмы и новостные передачи или, наконец, через личные контакты (Stepchenkova & Morrison, 2008).

Люди

Различия в ответах в рамках опросов 2021 и 2022 гг. можно объяснить тем, что в 2022 г. японцы больше общались с представителями России.

С одной стороны, японские студенты, скорее всего, получают большую часть, если не всю информацию о России косвенным образом, в частности через социальные сети и

телепередачи, а также из литературы («Я чувствую, что это честная нация. Я мало читал русскую литературу, но в ней, кажется, много жестоких историй»). Возможно, и это обстоятельство также формирует впечатление о русских, но в целом результаты опроса позволяют предположить, что представления японских студентов формируются в основном на базе высказываний официальных лиц, выступающих по телевидению.

С другой стороны, японские респонденты способны формировать свои представления исходя из впечатлений, полученных в повседневной жизни на основе непосредственного взаимодействия с русскими («Исходя из опыта общения с моим русским другом, я легко могу сказать, хороший он или плохой»). Часто представления японских студентов о русских людях выражались словами, относящимися к «патриотизму», отмечалась «ценность семьи и друзей», а русские определялись как «добрые люди». В ответах также были определения, связанные с внешностью русских: «белокожие», «красивые», «высокие люди с красивыми голубыми глазами».

Представления японской молодежи о русских также были неоднозначными — как положительными, так и отрицательными. Такие представления формируются по разным каналам, и на них может влиять то, как молодежь знакомится с представителями России, например во время поездок в Россию или при непосредственном общении с российскими студентами, обучающимися в японских университетах. Вполне вероятно, что это также может быть связано с их ограниченным пониманием и ограниченным взаимодействием с представителями России.

Отношение к русскому народу, основанное на представлениях о стране, приводит к формированию представлений о людях, живущих в этой стране. Как мы видим, политические инциденты негативно влияют на восприятие России японской молодежью. Однако, как оказалось, респонденты склонны более благосклонно судить о русских людях, чем это им предлагается в СМИ. Имея под рукой лишь отдельные коррелятивные данные, можно утверждать, что существует

некий «эффект симпатии», который связан с современной политической ситуацией. Данное обстоятельство было ясно выражено некоторыми респондентами в опросе 2022 г. («Что касается вторжения на Украину, то я подумал, что не все россияне поддержали президента Путина, потому что многие российские солдаты, как сообщалось, отказались участвовать в войне с Украиной»; «Там очень суровый климат, и из-за этого многие люди усиленно употребляют алкоголь»; «Я считаю, что на Украину вторглась не вся нация, а администрация Путина, поэтому имидж нации не агрессивный, а такой же, как и раньше»). Пока мы можем это выдвинуть только как предположение, которое может стать темой дальнейших исследований.

Принимая во внимание вышеизложенное, крайне важно понять, как международные инциденты и негативные события, сообщения СМИ или другие источники информации влияют на имидж страны. На основе этого можно определить, является ли это влияние временным или имеет более долгосрочный эффект, имеет решающее значение для преобразования этих данных в инструмент политики, основанный на доказательствах. Некоторые исследователи также считают, что продолжительность времени, в течение которого происходит негативное событие, будет соответственно вызывать негативное восприятие и отношение (Heslop, Lu & Cray, 2008). Они пришли к выводу, что влияние негативного события со временем уменьшается. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, необходимо провести лонгитюдное исследование для анализа влияния на имидж страны негативной информации и сделать вывод, возвращается ли восприятие на уровень, аналогичный тому, который был до инцидента, в отсутствие новых событий, усиливающих негативный имидж.

Заключение

Представленное исследование проводилось среди студентов, которые, можно считать, имеют достаточно высокий уровень политической «искушенности» — об этом свидетельствует их уровень образования и

дальнейшие образовательные векторы. Вместе с тем следует отметить, что данная группа имела весьма узкий возрастной диапазон — всего четыре года (время учебы в университете). Ответы японских студентов показали влияние «коммуникативного фактора» на восприятие ими соседних стран (и людей), что, в свою очередь, так или иначе способствует их политической социализации. Многие молодые японцы не имеют возможности общаться с иностранцами, поэтому, когда им это удастся, они склонны несколько менять свое отношение к внешнему миру.

В опросе 2021 г. некоторые образы России были основаны на стереотипах бывшего Советского Союза. Хотя стереотипные представления по-прежнему явственно различимы, не следует их переоценивать: подобные штампы, представленные в ответах японских студентов в 2021 г., уже в ответах 2022 г. оказались статистически незначимыми (2021 г. — 6,7 %, 2022 г. — 1,8 %). Эти статистические аномалии и новые факты, которые бросают вызов общепринятым представлениям, отраженным в восприятии и отношении респондентов к России, предлагают новое научное понимание и, безусловно, могут представлять интерес для политиков. С одной стороны, взгляды японской молодежи на соседнюю страну формируются глобальными сетями, находящимися под влиянием извне. Однако, с другой стороны, сегодняшние респонденты уже кажутся свободными от многих перцептивных помех прошлого.

Среди новых тенденций были выявлены следующие.

Как выяснилось, в 2022 г. японские студенты в основном использовали для получения информации и контента о России телевидение и Интернет. Примерно такие же результаты были получены при опросе, проведенном в 2021 г. И подобные результаты не являются чем-то удивительным, особенно если учесть, что полученные данные показали, насколько агрессивны Интернет и социальные сети во всем мире и, конечно же, в Японии. Число и активность пользователей Интернета и социальных сетей последние несколько лет растет в геометрической прогресс-

сии. Этот рост особенно усилился после того, как пандемия COVID-19 вынудила многих людей взаимодействовать и общаться через цифровые платформы. Вместе с тем данное исследование выявило и новую тенденцию: оказывается, 74 % японской молодежи доверяют телевидению как источнику «официальной информации». В 2022 г. доля респондентов, отметивших, что доступная информация о соответствующей стране для них «недостаточна», снизилась на 6,8 % — до 64,2 % (2021 г. — 71 %). Конечно, более глубокое исследование того, почему молодежь в потенциально беспокойные времена с большей готовностью воспринимает официальную информацию, могло бы пролить свет на этот феномен. Однако для этого необходимо провести дополнительные изыскания, которые выйдут за рамки данной статьи.

Сравнение результатов опросов 2022 и 2021 гг. выявляет некоторые фундаментальные изменения в том, как японская молодежь смотрит на Россию: внимание респондентов сместилось с «культурных аспектов» в сторону большей ориентированности на «конфликты», вектор подачи которых в основных СМИ отражает официальную точку зрения государства. В 2021 г. Россия воспринималась как страна, «богатая ресурсами», «современная» и имеющая «богатую культуру», но в 2022 г. слова, рисующие образы России, вращались в основном вокруг терминов, связанных с «войной», «вторжением на Украину», «действиями российской армии» и т. п. Ответы японской молодежи продемонстрировали значительный сдвиг в сторону обеспокоенности, которую они испытывают в отношении России, что отразилось и на ее восприятии.

Результаты исследования также позволяют предположить, что растущая популярность русского культурного контента оказала заметное влияние на представления японских студентов о России и ее народе. Подобный «эффект» воздействия на представления о русских можно также проследить и в 2022 г., когда оказались весьма распространенными ответы, связанные с государственными и социальными отношениями, например следующие: «они — патриоты», «любят свои

семьи и друзей» и «единство» — все это может быть связано с информацией, которую участники опросов получили через Интернет. Особенно подобная тенденция была заметна в ответах при сравнении результатов опросов 2022 и 2021 гг.: в 2021 г. респонденты уделяли больше внимания таким ценностям, как «нежность и спокойствие», «дружелюбие», «доброта». Причина подобного отношения к русским может быть связана с тем, что в 2021 г. у студентов в Японии было больше возможностей напрямую взаимодействовать с представителями России, в том числе в университетах, и таким образом выстраивать свои представления на основе реального общения с российскими сверстниками.

Кроме того, данное исследование подтверждает, что негативные и позитивные когнитивные мнения о стране (то есть осведомленность о соответствующей стране, установки и убеждения, отражающие осознанное восприятие страны) могут существовать одновременно. Здесь следует заметить, что в этом смысле у японской молодежи существуют заранее предустановленные негативные представления о репутации, уровне безопасности, уважении к свободам и законам в России — важных аспектах, формирующих ее когнитивный образ. Однако мнения студентов об уровне культуры России, который, как было показано, напрямую и положительно влияет на намерение посетить страну, позитивны.

Вывод, который можно здесь сделать, заключается в том, что японская молодежь стремится отделить действия государства от действий народа: возможно, положительное отношение к России может оказать такое же положительное влияние на решение японских студентов поехать в Россию на учебу, а опыт, который они могут получить после посещения России, окажет положительный мультипликативный эффект на восприятие России.

Вероятно, данное обстоятельство можно было бы включить в план дальнейших политологических исследований, чтобы более детально сравнить, как Япония и Россия управляют своей «мягкосиловой» политикой.

Статья вносит важный вклад в уже существующие исследования по данному вопросу,

обеспечивая лучшее понимание формирования имиджа страны, которая из-за продолжающейся кризисной ситуации уже пострадала от создавшегося негативного имиджа.

Дальнейшее исследование может оказаться полезным для существенного понимания того, как подобные ситуации можно было бы решать впоследствии. Соседи России с болью осознают военный дисбаланс между российскими силами и их собственными, гораздо меньшими силами, а также необходимость компенсировать этот дисбаланс поддержкой со стороны НАТО. Тем не менее результаты опросов, приведенные в данной статье, не подтверждают вывод, что восприятие украинского кризиса необратимо изменило мировые представления о безопасности в отношении России, определив ее в обозримом будущем скорее как конкурента и потенциального противника, чем как партнера.

Вместе с тем данное исследование не лишено некоторых ограничений, которые необходимо преодолеть в рамках новых исследований. Прежде всего, оно не основано на идеальном размере выборки и не может служить основой для экстраполяции результатов на более широкую прослойку

населения страны. В ходе опроса анкета не заполнялась участниками непосредственно с интервьюерами, а проводилась в режиме онлайн, и, соответственно, имеет более низкий процент ответов, что особенно характерно для онлайн-опросов в Японии.

Как уже упоминалось, в будущем нынешние студенты университетов будут иметь непосредственные связи или опыт в работы в политической сфере и поэтому в будущем смогут влиять на политические взгляды японских граждан. В силу этого даже результаты этого анкетирования уже обладают определенной прогностической ценностью и могут использоваться для того, чтобы более полно понять процессы формирования и изменения имиджа тех стран, которые страдают от негативного восприятия и подвержены политическим конфликтам и другим инцидентам. В какой степени различные уровни негативного восприятия влияют на имидж страны? Эта тематика является плодотворной областью для будущих исследований и серьезных попыток выявить факторы, определяющие «мягкую силу», и предложить способы активного управления ею.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 13.09.2023

Принята к публикации / Accepted: 23.04.2024

Библиографический список

- Дегтерев Д. А.* Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2022. Т. 22, № 2. С. 352–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371>; EDN: OSWUKF
- Жилина Л. В.* Представления о странах-соседях в начале XXI века — России и Японии в воображении студентов. Формирование общественного мнения о зарубежных странах (на примере опросов, проведенных в университетах России (2006 г.) и Японии (2007 г.)). Омск : Омскбланкиздат, 2008. EDN: VTPPQX
- Buhmann A.* *Measuring Country Image: Theory, Method, and Effects.* Wiesbaden : Springer VS, 2016. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-15407-3>
- Burnett J. J., Dune P. M.* An Appraisal on the Use of Student Subjects in Marketing Research // *Journal of Business Research.* 1986. Vol. 14, no. 4. P. 329–343. [https://doi.org/10.1016/0148-2963\(86\)90024-X](https://doi.org/10.1016/0148-2963(86)90024-X)
- Chugrov S. V., Streltsov D. V.* Interdependence of Russo-Japanese Relations and Mutual Images of Japan and Russia // *Japanese Journal of Political Science.* 2017. Vol. 18, no. 1. P. 22–40. <https://doi.org/10.1017/S146810991600030X>; EDN: YVCSDL
- Crawford N. C.* *The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships // International Security.* 2000. Vol. 24, no. 4. P. 116–156.
- Davidson J., Milligan C.* Embodying Emotion Sensing Space: Introducing Emotional Geographies // *Social & Cultural Geography.* 2007. Vol. 5, no. 4. P. 523–532. <https://doi.org/10.1080/1464936042000317677>
- Dempsey K. E., McDowell S.* Disaster Depictions and Geopolitical Representation in Europe's Migration 'Crisis' // *Geoforum.* 2019. Vol. 98. P. 153–160. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.11.008>

- Gregory D. *Geographical Imaginations*. Cambridge, MA : Blackwell, 1994.
- Hall C. M. *Travel Safety, Terrorism and the Media: The Significance of the Issue-Attention Cycle // Current Issues in Tourism*. 2002. Vol. 5, no. 5. P. 458–466. <https://doi.org/10.1080/13683500208667935>
- Harzing A.-W., Maznevski M. *The Interaction Between Language and Culture: A Test of the Cultural Accommodation Hypothesis in Seven Countries // Language and Intercultural Communication*. 2002. Vol. 2, no. 2. P. 120–139. <https://doi.org/10.1080/14708470208668081>
- Heslop L. A., Lu I. R. R., Cray D. *Modeling Country Image Effects Through an International Crisis // International Marketing Review*. 2008. Vol. 25, no. 4. P. 354–378. <https://doi.org/10.1108/02651330810887440>
- Jenes B. *Possibilities of Shaping Country Image // The Hungarian Journal of Marketing and Management*. 2005. Vol. 39, no. 2. P. 18–29.
- Kim B., Vasileva K. *Popular Culture as an Important Element in Creating a National Image of Korea // Advanced Science Letters*. 2017. Vol. 23, no. 10. P. 9866–9869. <https://doi.org/10.1166/asl.2017.9813>
- Kukkonen K. *The Map, the Mirror and the Simulacrum: Visual Communication and the Question of Power // Images in Use: Towards the Critical Analysis of Visual Communication / ed. by M. Stocchetti, K. Kukkonen*. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2011. P. 55–67. <https://doi.org/10.1075/dapsac.44.05kuk>
- McAndrew F. T., Milenkovic M. A. *Of Tabloids and Family Secrets: The Evolutionary Psychology of Gossip // Journal of Applied Social Psychology*. 2002. Vol. 32, no. 5. P. 1064–1082. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.2002.tb00256.x>
- McAuliffe C. *Visible Minorities: Constructing and Deconstructing the ‘Muslim Iranian’ Diaspora // Geographies of Muslim Identities: Diaspora, Gender and Belonging / ed. by C. Aitchison, P. Hopkins, M.-P. Kwan*. Aldershot, Hampshire : Ashgate Publishing Ltd, 2007. P. 29–56.
- Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004.
- Sommerfeld R. D., Krambeck H.-J., Semmann D., Milinski M. *Gossip as an Alternative for Direct Observation in Games of Indirect Reciprocity // Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2007. Vol. 104, no. 44. P. 17435–17440. <https://doi.org/10.1073/pnas.0704598104>
- Sriramesh K., Verčič D. *A Theoretical Framework for Global Public Relations Research and Practice // The Global Public Relations Handbook, Revised and Expanded Edition: Theory, Research, and Practice / ed. by K. Sriramesh, D. Verčič*. New York : Routledge, 2009. P. 3–24.
- Stepchenkova S. S., Morrison A. M. *Russia’s Destination Image Among American Pleasure Travelers: Revisiting Echtner and Ritchie // Tourism Management*. 2008. Vol. 29, no. 3. P. 548–560. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2007.06.003>
- Tasci A. D. A., Gartner W. C., Cavusgil S. T. *Measurement of Destination Brand Bias Using a Quasi-Experimental Design // Tourism Management*. 2007. Vol. 28, no. 6. P. 1529–1540. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2007.02.009>
- Zhilina L. *Public Attitude and Mutual Perceptions: Japan and Russia // CEU Political Science Journal*. 2015. Vol. 10, no. 1–2. P. 1–30. EDN: WJTPYP
- Zhilina L. V. *The Challenges of Political Socialization of the Contemporary Japanese Youth // Russian Japanology Review*. 2019. Vol. 2, no. 1. P. 57–80. <https://doi.org/10.24411/2658-6789-2019-10003>; EDN: TAOZRD
- Zhilina L. V., Podalko P. E. *Student’s Representations of the Neighboring Countries: Russia and Japan (Comparative Studies) // Aoyama Journal of International politics, Economics and Communication*. 2013. No. 89. P. 25–98. EDN: VPXAEL
- Zimako O. Z. *Face of a Nation: Democracy in Nigeria, Foreign Relations and National Image*. Lagos : Modern Approach, 2009.

Сведения об авторе:

Жилина Лариса Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского; eLibrary SPIN-код: 6910-2963; ORCID: 0000-0002-6337-3870; e-mail: larissa-zhilina@yandex.ru